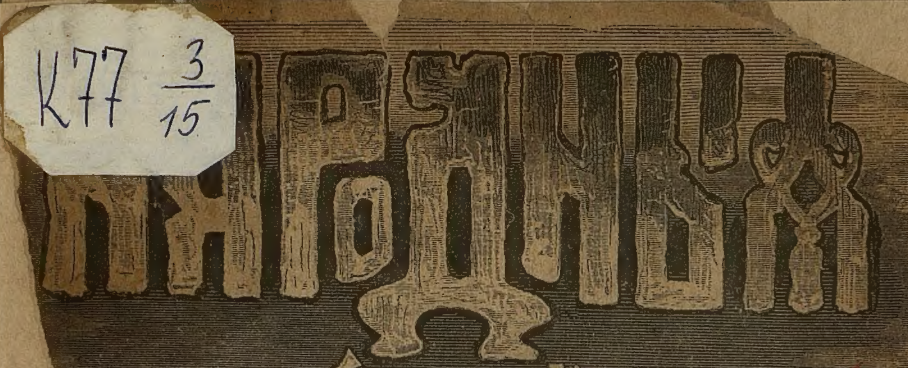

ЧТЕНІЙ

ВЪ СОЛЯНОМЪ ГОРОДКѢ.

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ.

4 ЧТЕНІЯ.

А. Хребтова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1875.

ЦѢНА 50 КОП.

ТРУДЫ КОММИССІИ
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА МУЗЕЯ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ
ПО СОСТАВЛЕНІЮ ЧТЕНІЙ ДЛЯ ВОЙСКЪ И НАРОДА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ.

ЧЕТЫРЕ ЧТЕНІЯ
ДЛЯ
ВОЙСКЪ И НАРОДА,

ИЗБРАННЫЯ КОММИССІЕЙ ДЛЯ ПЕЧАТИ, ИЗЪ ЧИСЛА ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ
ВЪ СОЛЯНОМЪ ГОРОДКѢ.

СОСТАВЛЕНЫ И ИЗДАНЫ
А. Н. ХРЕБТОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.
1875.

Портреты:

1. Генералъ-Адъютанта К. П. Фонъ-Кауфмана 1-го.
2. Хивинскаго Хана.

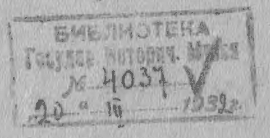
Картины:

Объясненіе сокращенныхъ словъ и знаковъ.

г.—годъ.
г. г.—годы.
т. е.—то есть.
проч.—прочее.
и т. д.—и такъ далѣе.
пуд.—пудовъ.
чел.—человѣкъ.
р.—рѣка.
р.р.—рѣки.
напр.—напримѣръ.
и т. п.—и тому подобное.
коп.—копѣйка.
Укр.—укрѣпленіе.
°—градусъ или градусовъ.

ОПЕЧАТКИ

Стран.	строка		*Напечатано:*	*Читай:*
19	23	сверху:	хивнискимъ	хивинскимъ
23	2		Чикшилярскаго	Чикишлярскаго
31	2		Ďанней	ранней
49	30		подержанія	поддержанія
88	24		Аста	ата
115	29		проводили	приводили

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 марта 1875 г.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ I, главнокомандующій хивинской экспедиціей.

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Степные или кочевые народы. — Набѣги, дѣлаемые на Россію въ стародавнее время кочевыми народами.—Монгольское иго.—Мамаево побоище.—Необходимость, заставившая русскихъ идти въ степи и покорять кочевые народы.—Причины медленности завоеванія.—Мѣстность, на которой живутъ хивинцы и другіе кочующіе народы (карта Туркестана). — Степи.—Пустыни. — Образъ жизни кочующихъ народовъ. — Побѣды русскихъ надъ кочевниками.—Прежніе неудачные походы наши противъ хивинцевъ.

Нѣкоторые изъ васъ читали, а другіе можетъ быть слышали, что весной 1873 года, у насъ, русскихъ, была война съ хивинцами.

Слышали, можетъ быть, также и то, что этихъ хивинцевъ наши солдаты побѣдили, и самую столицу ихъ *Хиву*,—взяли.

Что же это за народъ такой *хивинцы? Гдѣ* и *какъ* они живутъ? За *что* у насъ съ ними война стала и, главное, *трудное* или *легкое* было дѣло покорить ихъ?

Вотъ о чемъ я хочу побесѣдовать съ вами.

Хивинцы принадлежатъ къ числу тѣхъ варварскихъ народовъ, которые искони, почти съ самаго начала русскаго государства, были непримиримыми и смертельными врагами русскихъ. Въ старо-давнія времена много страш-

наго горя и зла причиняли Россіи разные хищники, состоявшіе изъ *татаръ*, *киргизовъ*, *башкировъ*, *калмыковъ*, *бухарцевъ*, *хивинцевъ*, *туркменовъ* и прочихъ степныхъ народовъ. Много разъ эти хищники врывались, огромными полчищами, въ предѣлы нашего, тогда еще слабаго и юнаго, государства. Много разъ съ мечемъ и огнемъ они проходили его изъ конца въ конецъ, грабили, жгли и въ раззоръ разоряли русскіе города, села и деревни; убивали жителей, уводили въ полонъ въ неволю, въ свои далекія степи, русскихъ дѣвушекъ, женщинъ и дѣтей.

Многіе деревни, посады и города обезлюдѣли и опустѣли совершенно. Плачъ и стонъ стояли по всей землѣ русской. Не разъ даже и Москва подвергалась грабежу этихъ хищниковъ. И эти набѣги продолжались не годъ и не два, а слишкомъ *двѣсти лѣтъ*. Слишкомъ двѣсти лѣтъ русскій народъ терпѣлъ такое страшное раззореніе земли своей; слишкомъ двѣсти лѣтъ принуждены были мы нести это, какъ называется въ книгахъ, *Монгольское иго* и платить дань хищникамъ.

Наши русскіе православные князья, правившіе тогда государствомъ, много разъ должны были ѣздить на поклонъ къ *правителямъ* этихъ хищниковъ или *ханамъ*, въ такъ называемую *Золотую Орду*, гдѣ жили эти ханы, и нерѣдко тамъ наши князья сносили разныя униженія, оскорбленія, мученія и даже самую смерть.

Но Богъ, наконецъ, услышалъ молитвы русскихъ людей и далъ намъ силы справиться съ врагами.

Назадъ тому около 500 лѣтъ (въ 1380 г.) русскіе, подъ предводительствомъ храбраго своего князя *Дмитрія*, названнаго *Донскимъ*, разгромили несметныя полчища варваровъ на берегахъ рѣки *Дона*, въ предѣлахъ нынѣшней *Тульской губерніи* на, такъ называемомъ,

Куликовомъ полѣ. Битва эта называется также *Мамаевымъ побоищемъ*, такъ-какъ хищниками предводительствовалъ начальникъ подъ названіемъ *Мамай.* Это была первая наша побѣда надъ врагами и хотя послѣ нея Монгольское иго не прекратилось совершенно, но значительно ослабло, а что всего важнѣе эта побѣда вдохнула мужество въ русскихъ воиновъ, показавъ имъ, что не такъ страшны и непобѣдимы варвары, какъ о нихъ до тѣхъ поръ привыкли думать.

Прошло еще 100 лѣтъ и владычество надъ нами варваровъ было свержено окончательно. Измученный русскій народъ вздохнулъ, наконецъ, свободно.

Чтобы оберечь себя на будущее время отъ набѣговъ степныхъ народовъ, чтобы спасти свои земли, дома и имущество отъ расхищенія, а своихъ женъ и дѣтей отъ неволи и поруганія, русскіе начинаютъ сами предпринимать походы противъ хищниковъ и, съ Божіею помощью, мало по малу покоряютъ ихъ земли своей власти. Сначала покорены были земли татарскія, какъ ближайшія къ нашимъ. Такъ завоеваны были, назадъ тому слишкомъ *300 лѣтъ* (въ 1552 и 1554 гг.), сильныя царства: Казанское и Астраханское (нынѣшнія губерніи того же имени), чрезъ что владычество русскихъ расширилось до низовьевъ Волги.

Но этого было недостаточно для спокойствія и благосостоянія русскихъ людей того времени. Татаръ русскіе побѣдили, правда, но не одни они дѣлали набѣги на Россію и безпокоили насъ; кромѣ нихъ оставалось еще многое множество разныхъ другихъ хищниковъ и разбойниковъ, жившихъ за Волгой и Ураломъ, въ далекихъ безводныхъ степяхъ, которые надѣясь на свои степи и думая что русскіе ихъ не отыщутъ тамъ, не переставали нападать на русскія пограничныя земли,

постоянно тревожить насъ и наносить намъ чувствительный вредъ.

Чтобы положить этому конецъ необходимо было идти, значитъ, за Волгу и Уралъ, въ глубь степей; добраться до главныхъ притоновъ, въ которыхъ жили хищники и изъ которыхъ они дѣлали набѣги на насъ, и раззорить эти притоны.

Только такимъ путемъ можно было обуздать и смирить хищниковъ. Но скоро этого сдѣлать мы не могли. Съ покоренія царствъ: Казанскаго и Астраханскаго и до покоренія, въ 1873 г., ханства Хивинскаго, — послѣдняго разбойническаго гнѣзда,—прошло болѣе *300 лѣтъ*, слѣдовательно прошло болѣе 300 лѣтъ, прежде чѣмъ мы справились съ этими варварами. Раньше же мы не могли съ ними управиться по разнымъ причинамъ. Не могли, между прочимъ, и потому, что не одни эти хищники были нашими врагами, не съ ними одними намъ приходилось бороться.

На насъ нападали въ тоже время и другіе народы, на другихъ окраинахъ нашего отечества. Такъ, послѣ покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, мы должны были бороться и съ нѣмцами и съ поляками; отбиваться отъ турокъ и татаръ крымскихъ. А со всѣми вдругъ управиться вѣдь трудно. Потомъ у насъ, у самихъ, произошло большое замѣшательство и разстройство въ собственныхъ государственныхъ дѣлахъ. Настало на Руси смутное время. Пошли разныя несогласія и распри между русскими людьми и мы чрезъ все это такъ разстроились и ослабѣли, что намъ было уже не до наступательныхъ войнъ.

Затѣмъ, когда миновало это смутное время и мы управившись какъ съ внутренними, такъ и внѣшними врагами, принялись за стариннаго и постояннаго нашего

врага *степныхъ хищниковъ*, не перестававшихъ все время безпокоить насъ, — и когда для этого пошли въ ихъ степи, то встрѣтили тамъ такія затрудненія и препятствія, которыя затянули борьбу нашу съ этими народами на очень продолжительное время. Вслѣдствіе этихъ затрудненій мы только теперь, только весной 1873 года добрались, наконецъ, до самаго недоступнаго для насъ и самаго зловреднаго изъ всѣхъ разбойническихъ гнѣздъ *ханства Хивинскаго*. Съ покореніемъ этой земли можно считать борьбу нашу съ хищниками почти оконченною.

Затрудненія встрѣченныя нами въ степяхъ при покореніи хищниковъ заключались не въ храбрости или стойкости варваровъ, а единственно *въ мѣстности* на которой они живутъ и въ *той жизни*, которую они ведутъ, а потому я и разскажу теперь вамъ *гдѣ* и *какъ* живутъ эти народы.

Знаете-ли вы что такое *степи?* Между вами, конечно, найдутся уроженцы нашихъ степныхъ губерній напр. Херсонской, Екатеринославской, Ставропольской, Саратовской, Самарской, Астраханской, слѣдовательно между вами есть такіе, которые знаютъ, что такое *степи.*

Для тѣхъ же которые ихъ не знаютъ, я скажу что *степью* называется ровное пространство земли, на которомъ на нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ верстъ въ окружности не встрѣчается ни *жилья*, *ни лѣса*. Вода попадается въ видѣ рѣчекъ или озеръ, но изрѣдка. Трава хотя и растетъ, но при сильныхъ жарахъ выгораетъ отъ зноя. Это степи, но не *пустыни*. *Пустыни* же еще хуже. Въ пустыняхъ кромѣ того, что нѣтъ ни жилья, ни лѣса, но вдобавокъ ни воды не встрѣчается, ни травы не растетъ. И такія то пространства тянутся иногда на сотни верстъ.

Огромныя степныя пространства и обширныя пустыни

составляютъ главную мѣстность на которой живутъ тѣ народы, о которыхъ я говорю.

Страна въ которой живутъ эти варварскіе народы находится очень далеко отсюда, слишкомъ за 3000 верстъ отъ Петербурга [1]). Чтобы попасть въ нее, такъ надо идти на *Востокъ* т. е. въ ту сторону въ которой восходитъ солнце, перейти *Волгу*, р. *Уралъ* и потомъ повернувъ на *Югъ* или *полдень*, идти дальше.

За рѣкою Волгой, въ губерніяхъ Саратовской, Самарской и Астраханской лежатъ степи, въ которыхъ живутъ башкиры и калмыки, участвовавшіе въ старое время въ набѣгахъ на насъ; но мы ихъ давно уже усмирили и покорили. Чѣмъ дальше идти въ томъ направленіи, какъ я говорилъ, тѣмъ степи будутъ встрѣчаться все обширнѣе и пустыннѣе.

За рѣкою Ураломъ лежитъ огромная степь подъ названіемъ *Киргизской*. Она такъ велика, что входитъ въ составъ *шести областей* или губерній и находится въ управленіи трехъ Генералъ-Губернаторовъ: Оренбургскаго, Сибирскаго и Туркестанскаго.

За этой то степью, *на Югъ* и находятся земли *Коканскія*, *Бухарскія*, *Хивинскія* и *Туркменскія*, называемыя вообще, однимъ словомъ: *Туркестаномъ*.

Теперь обратите вниманіе на находящуюся здѣсь передъ вами *карту*.

На ней представлена мѣстность *Киргизской степи* и *Туркестана*, но представлена въ самомъ маломъ видѣ.

На самомъ же дѣлѣ эта мѣстностность очень велика: до *полуторы тысячи верстъ въ длину и до 1200 верстъ въ ширину*. Вотъ какое пространство представлено здѣсь на картѣ.

---

[1]) Около 3,500 верстъ.

То, что окрашено здѣсь *синей краской*,—означаетъ *воду*. Вотъ эта большая синяя полоса означаетъ *цѣлое море*, которое называется *Каспiйскимъ*; а это поменьше—*Аральское море*. Вода въ этихъ моряхъ противнаго солено-горькаго вкуса, а потому пить ее нельзя ни людямъ, ни животнымъ.

Синiя жилки, которыя вы видите здѣсь на картѣ—означаютъ *рѣки*. Изъ нихъ двѣ, которыя оканчиваются у Аральскаго моря, какъ видите, самыя длинныя. Это двѣ самыя большiя рѣки Туркестана. Одна изъ этихъ рѣкъ, которая на картѣ идетъ повыше, называется *Сыръ-Дарья*, а пониже—*Аму-Дарья* [1]). Вода въ этихъ рѣкахъ хорошая, вкусная.

Синiя жилки, идущiя съ перерывами обозначаютъ такiя рѣки, которыя текли прежде, но теперь пересохли.

Вотъ здѣсь на лѣво обозначено мѣсто, по которому много лѣтъ тому назадъ текла р. Аму-Дарья. Она такъ была широка, какъ примѣрно наша Волга, но теперь, какъ я сказалъ, пересохла; высохшее русло ея называется: *Узбой*.

Горы изображены здѣсь *бурой краской*. Онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ очень большой высоты, именно: *2,700 саженъ*. Но горы, какъ видите, все больше находятся на окраинахъ, въ срединѣ же ихъ нѣтъ, середина ровная.

— *Желтой краской* обозначены *пески*, а *кружками*—города, изъ которыхъ намъ надо знать слѣдующiе: *г. Оренбургъ* на р. *Уралѣ*; маленькая крѣпость или постъ *Эмбенскiй на р. Эмбѣ;* г. *Казалинскъ* и *Перовскъ* (фортъ) на р. Сыръ-Дарьѣ, затѣмъ въ 60-ти верстахъ отъ этой рѣки г. *Ташкентъ*, и около горъ, городъ *Джизакъ*.

---

[1]) Слово: *Дарья* значитъ вообще рѣка.

По рѣкѣ Аму-Дарьѣ, въ хивинской землѣ, намъ надо знать городъ *Кунградъ* и, въ *верстахъ примѣрно 40 отъ этой рѣки, городъ Хиву.*

По берегу Каспійскаго моря: г. *Красноводскъ и Чикишлярскій постъ.*

Пространство находящееся за рѣкою Ураломъ *принадлежитъ намъ и называется*, какъ я уже говорилъ, *Киргизской* степью. По рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ лежатъ тоже наши земли, образующія Туркестанское военное-генералъ-губернаторство, съ главнымъ городомъ *Ташкентомъ*; а далѣе идутъ земли *бухарскія*, въ которыхъ главный городъ *Бухара*, и земли *хивинскія*, съ главнымъ городомъ *Хивой.*

Бухарскія и хивинскія земли, называются *ханствами*, а правители ихъ или государи—*ханами.*

Между р. Аму-Дарьей и Каспійскимъ моремъ лежатъ земли *туркменскія.* Эти земли не имѣютъ одного какого либо правителя или Хана, а управляются старшими въ родѣ.

Препятствія встрѣченныя нами при покореніи хищниковъ заключались въ томъ, что какъ въ Киргизской степи, такъ и въ земляхъ бухарскихъ, хивинскихъ и въ особенности туркменскихъ, мы должны были проходить много мѣстъ не только степныхъ, но совершенно пустынныхъ.

Не смѣшивайте этихъ *пустынь со степями.* Въ степяхъ, какъ уже я вамъ объяснялъ, если и нѣтъ жилья нѣтъ лѣса, то хотя растетъ трава и изрѣдка поподается вода рѣчная или озерная, годная для употребленія. Въ пустыняхъ же ни травы никакой не растетъ кромѣ колючки да полыни, ни воды нѣтъ. Чтобы имѣть въ этихъ пустыняхъ воду, такъ надо или возить ее съ собою или копать колодцы, иногда очень глубокіе, на

нѣсколько десятковъ сажень. Только на такой глубинѣ и удается иной разъ докапаться до воды, но и то не во всякомъ мѣстѣ и не при всякомъ грунтѣ. При глинистомъ напр: грунтѣ отыскать воду несравненно труднѣе, чѣмъ при песчаномъ, а если иногда и удавалось отыскать и докопаться до воды, то она оказывалась дурнаго вкуса и запаха. Такъ что глинистыя пустыни въ этомъ отношеніи еще хуже, чѣмъ песчаныя.

Земли годной для хлѣбопашества, или вообще для воздѣлыванія, на всемъ пространствѣ представленномъ здѣсь на картѣ, чрезвычайно мало. Такая земля находится по берегамъ большихъ рѣкъ, не пересыхающихъ лѣтомъ, гдѣ и тянется узкой полосой, да встрѣчается еще въ долинахъ между горами.

Мѣста населенныя людьми т. е. деревни, села и города встрѣчаются также около рѣкъ, а такъ какъ рѣкъ въ этихъ земляхъ очень мало, то и городовъ, деревень и селъ тоже немного. Около же рѣкъ растутъ и лѣса, состоящія изъ деревьевъ особой породы, называемой *саксаулъ* и *карагачъ*, а также растетъ и камышъ, идущій на топливо и достигающій иногда 5 сажень высоты.

Все же остальное пространство, *не у рѣкъ*, есть пустыни, изрѣдка прерываемыя степными мѣстами то есть такими на которыхъ ростетъ трава, годная для корма скота.

Эти пустыни ужасны. На сотни верстъ тянутся глубокіе, сыпучіе пески, смѣняемые или безплодной глинистой почвой или же высохшими солеными озерами, называемыми *солончаками*. Ни травы, ни лѣса, ни воды, ни жилья на многія и многія версты кругомъ. Изрѣдка только кое гдѣ, на буграхъ, попадаются грубо сдѣланные изъ глины или кирпича, памятники надъ могилами

знаменитыхъ степныхъ разбойниковъ или *батырей*. Эти могилы служатъ средствомъ разпознавать въ степяхъ и пустыняхъ мѣстность и братъ направленія.

Лѣто во всѣхъ этихъ земляхъ бываетъ чрезмѣрно жаркое. Люди бывшіе тамъ говорятъ, что лѣтомъ жара доходитъ до 60°. Случается, что спустя два, три часа по восхожденіи солнца жара достигаетъ уже до 40°. А какъ это жарко вы можете судить по тому, что у насъ, положимъ, подъ Петербургомъ, въ самый жаркій лѣтній день, *въ полдень*, жара рѣдко когда доходитъ до 40 градусовъ. Или я представлю вамъ примѣръ еще лучше: *если въ жарко натопленной банѣ взойти на полокъ, то и тамъ жара будетъ менѣе 60 градусовъ.*

При такой жарѣ, земля, тамъ гдѣ она представляетъ твердый грунтъ, не покрытый пескомъ, до того накаляется, что даетъ трещины до четверти аршина ширины; поверхность ея въ тоже время дѣлается рыхлой, покрытой слоемъ тонкой пыли, такъ что лошадь, идя шагомъ, погружается въ эту пыль копытами до вершка и болѣе. О пескахъ же и говорить нечего: они такъ глубоки, что колеса уходятъ выше ступицъ, а лошадь—по колѣна. Движеніе по нимъ чрезвычайно затруднительно, а мѣстами и вовсе не возможно.

Рѣки въ этихъ земляхъ, за исключеніемъ двухъ большихъ: Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи,—незначительны. Лѣтомъ большинство изъ нихъ пропадаетъ. Онѣ или пересыхаютъ и изчезаютъ совсѣмъ или пересыхаютъ на столько, что только въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ остается, какъ въ ямахъ, вонючая испорченная вода, никуда не годная. Нѣкоторыя же рѣки уходятъ въ землю, образуя сверху зыбкую, въ родѣ трясины почву, опускающуюся подъ тяжестью человѣка или лошади. Но и такихъ рѣкъ очень немного. Только весной до наступленія жаровъ и

Могила батыря.

осенью во время дождей, въ степныхъ рѣкахъ бываетъ свѣжая, бѣгучая вода. Лѣтомъ же, какъ дожди такъ и росы составляютъ въ этихъ пустыняхъ совершенную рѣдкость.

Ночи въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ бываютъ обыкновенно душныя, а осенью на оборотъ очень холодныя, въ сравненіи съ теплотою дня.

Какъ лѣто чрезмѣрно жарко, такъ напротивъ зима отличается сильнѣйшими холодами. Морозы достигаютъ въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстахъ до 40 градусовъ.

Но главное бѣдствіе происходитъ не столько отъ стужи или жары, сколько отъ страшныхъ вихрей, свирѣпствующихъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Лѣтомъ жестокіе вихри, съ необыкновенною силою дующіе иногда безостановочно по цѣлымъ недѣлямъ, вздымаютъ огромныя массы сыпучаго раскаленнаго песку и эта песчаная мятель, затмѣвая собою солнце, несется ни гдѣ не встрѣчая препятствія, на многія и многія версты, засыпая на своемъ пути небольшія рѣки, озера, и насыпая въ иныхъ мѣстахъ цѣлыя горы песку. Во время этихъ вихрей, удушливость и сухость воздуха, при страшномъ зноѣ, достигаетъ ужасной степени. На людей новыхъ, не привыкшихъ къ климату, подобные вихри дѣйствуютъ весьма вредно, производя общее разслабленіе тѣла съ постоянной испариной и сильнымъ разстройствомъ желудка. Зимой, въ особенности тамъ, гдѣ выпадаетъ много снѣга,—не во всѣхъ мѣстностяхъ Туркестана выпадаетъ и держится снѣгъ,—бѣдствія отъ вѣтровъ бываютъ еще большія. Снѣжныя мятели или *бураны* такъ сильны, что замѣтаютъ сугробами жилища людей и истребляютъ цѣлыя стада скота, находящагося на подножномъ корму. Въ этихъ земляхъ скотъ у жителей остается и зимой, также какъ и лѣтомъ въ сте-

Перекочевка степныхъ жителей (киргизовъ).

мысла надо имѣть пастбища, а пастбищъ въ тѣхъ мѣстахъ не много и онѣ встрѣчаются не вездѣ, а потому жители, ища корма для своихъ стадъ, и ведутъ *цыганскую жизнь*. Не строя ни гдѣ домовъ, они совсѣмъ своимъ имуществомъ, съ своими стадами, женами и дѣтьми переходятъ съ мѣста на мѣсто, живя какъ лѣтомъ, такъ и зимою въ войлочныхъ палаткахъ, называемыхъ *кибитками* или *юламейками*. Народы, живущіе такимъ образомъ, называются, по книжному, *кочующими*. Тѣже которые живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, имѣютъ дома и полевое хозяйство называются, по книжному: *осѣдлыми*.

Кочевыхъ жителей несравненно больше, чѣмъ осѣдлыхъ. Они находятся какъ въ киргизской степи, такъ и въ земляхъ бухарскихъ, хивинскихъ и туркменскихъ. Эти кочевники хотя и занимаются скотоводствомъ, но главный ихъ промыселъ заключается не въ этомъ, а въ постоянныхъ *набѣгахъ, разбояхъ и грабежахъ*.

Для этихъ разбойниковъ все равно кого-бы не грабить—лишь только бы грабить. Они дѣлаютъ набѣги, какъ на чужихъ, такъ равно и на своихъ, —была бы пожива. Собираются для этого въ шайки до нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ человѣкъ, и на отличныхъ своихъ лошадяхъ, которыя могутъ бѣжать и долго и скоро, разграбивъ деревню, городъ или купеческій торговый караванъ, съ захваченною добычею, быстро скрываются въ своихъ обширныхъ степяхъ.

Ханы не только не останавливали своихъ подданныхъ отъ такихъ набѣговъ, но часто сами вмѣстѣ съ ними ходили въ разбой на сосѣднихъ хановъ или на насъ, какъ я вамъ о томъ уже разсказывалъ.

Всѣхъ захватываемыхъ при набѣгахъ людей, эти разбойники отправляли въ Хиву или Бухару, гдѣ на

рынкахъ, несчастныхъ плѣнныхъ продавали въ вѣчное рабство. Тѣхъ же плѣнныхъ, которые оказывались неспособными къ работамъ по малосилію или болѣзнямъ, эти варвары безжалостно убивали. Таковы эти хищники, кочующіе по киргизской и прочимъ Туркестанскимъ степямъ. Наши русскія пограничныя поселенія терпѣли отъ этихъ разбойниковъ всего болѣе. Но намъ угоняться за разбойническими шайками, по обширнымъ степямъ и пустынямъ было очень трудно. Эти разбойники всегда имѣли возможность отъ насъ скрыться. Мы же не знали, да и до сихъ поръ еще не знаемъ степей, такъ хорошо, какъ знаютъ ихъ кочевники, родившіеся и выросшіе въ нихъ. *Покорить* же этихъ хищниковъ, смирить и держать ихъ въ своихъ рукахъ мы могли бы только тогда, когда имѣли бы въ самыхъ степяхъ свои *крѣпости* и *форты.* Но мы такихъ *опорныхъ пунктовъ* въ степяхъ долгое время не имѣли. Итакъ, другое препятствіе, встрѣченное нами при покореніи этихъ народовъ, былъ образъ жизни ихъ *кочующій.*

Я не стану утомлять вашего вниманія перечисленіемъ всѣхъ подробностей того, какъ русскія войска, двигаясь шагъ за шагомъ впередъ, въ глубь степей, мало по малу покоряли и подчиняли своей власти разные народы, живущіе въ этихъ степяхъ. Хотя и медленно, но за то прочно и безповоротно шло завоеваніе русскихъ. Что разъ было взято, то изъ рукъ уже не выскользало. Строя въ покоренныхъ земляхъ города, форты и крѣпости, русскіе оставляли въ нихъ свои гарнизоны и этимъ упрочивали свою власть надъ жителями.

Много храбрости, мужества и выносливости оказали русскія войска въ походахъ своихъ по степямъ и пустынямъ, въ преслѣдованіи хищниковъ и въ битвахъ съ ними. Много истинно молодецкихъ подвиговъ совер-

шено русскими войсками въ этой продолжительной, болѣе чѣмъ трехъ-вѣковой, борьбѣ нашей съ варварами... Особенно быстро пошло распространеніе нашего владычества въ этихъ степяхъ съ 1864 г., когда полковникомъ генеральнаго штаба, нынѣ генералъ-маіоромъ *Черняевымъ* были взяты у коканскаго хана города: *Чимкентъ* и *Ташкентъ*, а генераломъ *Веревкинымъ*—городъ *Туркестанъ*.

Съ взятіемъ этихъ городовъ наши владѣнія приблизились къ владѣніямъ бухарскаго хана, который помогалъ коканскому въ войнѣ съ нами.

Въ 1866 г. началась новая война съ бухарскимъ ханомъ. Наши войска разбили его въ пухъ и прахъ и забрали у него нѣсколько городовъ и крѣпостей.

Въ 1867 году, изъ всѣхъ покоренныхъ нами въ Туркестанѣ земель образована была особая область подъ названіемъ: *Туркестанскаго военнаго генералъ-губернаторства*, съ главнымъ въ ней городомъ *Ташкентомъ*. Въ военномъ же отношеніи покоренныя земли образовали особый Туркестанскій военный округъ. Начальникомъ этого округа, въ томъ же году, былъ назначенъ *генералъ-адъютантъ*, *Константинъ Петровичъ*, *фонъ-Кауфманъ 1-й*. Съ прибытіемъ въ округъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ продолжалъ начатую войну съ бухарскимъ ханомъ и въ 1868 г. разбивъ на голову бухарскія войска, занялъ очень важный бухарскій городъ *Самаркандъ*.

Бухарскій ханъ видя, что съ русскими ему бороться не возможно, просилъ о замиреніи.

Управившись такимъ образомъ съ бухарскимъ ханомъ мы весной, 1873 г., приступили къ покоренію *ханства Хивинскаго*, смежнаго съ бухарскимъ.

29 мая 1873 г. наши войска, послѣ тяжелаго, можно

сказать, безпримѣрнаго *тысячеверстнаго* похода, по безводнымъ, голоднымъ и раскаленнымъ пустынямъ, овладѣли столицею ханства—городомъ *Хивою*.

Этотъ походъ замѣчателенъ тѣмъ болѣе, что всѣ до него бывшія съ нашей стороны попытки, добраться до Хивы, оканчивались обыкновенно полнѣйшей неудачею.

Самый первый походъ нашъ въ Хиву былъ очень давно и произошелъ совершенно случайно.

Вскорѣ послѣ покоренія нами царства Астраханскаго, значитъ, лѣтъ *триста* тому назадъ, наши казаки основали свои поселенія или станицы на берегахъ р. *Урала*, называвшагося тогда *Яикомъ*.

Поселившись тамъ, казаки часто терпѣли отъ разбойническихъ набѣговъ киргизовъ, калмыковъ и прочихъ степныхъ варваровъ. Не разъ эти разбойники нападали на казацкія поселенія и разоряли ихъ, что называется, до тла. Набѣги этихъ степныхъ разбойниковъ оканчивались обыкновенно тѣмъ, что всѣхъ защитниковъ т. е. взрослыхъ казаковъ станицы, хищники умерщвляли; женщинъ же и дѣтей, а также и все казацкое добро забирали съ собой и, предавъ станицу огню, быстро откачевывали въ свои степи гдѣ и скрывались безслѣдно.

Казаки, конечно, были не такой народъ, чтобы смиренно переносить горькія обиды и разореніе отъ своихъ враговъ. Они ждали случая, чтобы съ своей стороны какъ-нибудь отмстить разбойникамъ и сдѣлать набѣгъ на тѣ города и поселенія, куда обыкновенно кочевники сбывали награбленное имущество и продавали въ рабство казацкихъ женъ и дѣтей. Но не знали казаки гдѣ находятся эти города и далеко-ли до нихъ. Разъ поймали казаки хивинскихъ купцовъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Россію. Разграбивъ товаръ, казаки стали допытывать купцовъ *что* и *какъ* у нихъ на

Хивѣ. Узнавъ о богатствѣ страны и о незначительности войска, казаки, не долго думая, собрались въ набѣгъ и въ количествѣ до 1000 человѣкъ, безъ всякаго обоза, только съ тѣмъ, что могло помѣститься на сѣдлѣ,—тронулись въ путь.

Быстро прошли они степи и напали на богатый хивинскій городъ *Ургенчъ*, въ которомъ въ то время не было совсѣмъ войска. Разграбивъ и истребивъ совершенно городъ, казаки, нагрузивъ до 1000 телѣгъ богатой добычей и захвативъ до 1000 женщинъ, тронулись домой. Хивинцы, между тѣмъ, узнавъ объ этомъ набѣгѣ, быстро собрались и въ большихъ силахъ бросились преслѣдовать казаковъ. Догнавъ казаковъ, они окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, преградили имъ путь отступленія и, вдобавокъ, еще отрѣзали ихъ отъ воды. Долго бились казаки... Нѣсколько дней подъ рядъ, при страшной жарѣ, безъ капли воды, отчаянно защищались казаки отъ разсвирѣпѣвшихъ враговъ и, какъ разсказываетъ преданіе, для утоленія жажды высасывали кровь изъ убитыхъ своихъ товарищей. Въ концѣ концовъ казаки все-таки должны были уступить многочисленному непріятелю. Только ста человѣкамъ удалось пробиться до береговъ Аму-Дарьи и скрыться тамъ въ густыхъ камышахъ. Но чрезъ 15 дней хивинцы открыли это убѣжище казаковъ, и за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, успѣвшихъ спастись, остальныхъ всѣхъ перебили.

Вскорѣ послѣ этого несчастнаго набѣга, казацкій атаманъ *Нечай* снова собралъ казаковъ, и въ количествѣ 500 человѣкъ, пошелъ съ ними на Хиву. Добравшись до хивинской земли, казаки разорили тамъ много городовъ, забрали много всякаго добра, незабыли захватить и женщинъ; но отступая съ тяжелымъ обозомъ, снова

были настигнуты хивинцами. При переправѣ черезъ Сыръ-Дарью, казаки были перебиты хивинцами. Только трое явились на Яикъ, съ вѣстью о погибели храбраго Нечая.

Не угомонились однако казаки: собрались и въ третій разъ на Хиву. Но этотъ третій набѣгъ, подъ начальствомъ атамана *Шемая*, кончился еще неудачнѣе. Самъ атаманъ попался въ плѣнъ степнымъ калмыкамъ, а казаки, отправившись далѣе, сбились съ дороги и вмѣсто Хивы попали на берегъ Аральскаго моря; тутъ подошла зима, начались морозы, поднялись мятели, зашумѣли бураны... Казакамъ не чѣмъ было питаться. Сперва они убивали другъ друга и ѣли мертвечину, но подъ конецъ, обезсиливъ совершенно, призвали къ себѣ хивинцевъ и отдались имъ въ руки. Такъ въ плѣну они и погибли всѣ. Шемай же черезъ нѣсколько лѣтъ былъ привезенъ калмыками въ Яицкое войско, для размѣна.

Четвертый походъ противу Хивы былъ уже при Петрѣ Великомъ и предпринятъ не казацкой вольницею, а съ вѣдома и по приказанію этого Государя. Петру Великому хотѣлось, кромѣ наказанія хивинцевъ за ихъ разбои и укрывательство, — проложить черезъ Хиву торговый путь въ *Индію*,—богатую страну, лежащую на *Югѣ* или *полдень* отъ хивинскаго ханства.

Для этого похода былъ собранъ отрядъ изъ 2-хъ ротъ пѣхоты, посаженныхъ на лошадей, одного драгунскаго полка и $2^1/_2$ тысячъ казаковъ, нагайскихъ татаръ и калмыковъ. Всего въ отрядѣ было до 3,300 человѣкъ и 6-ть пушекъ. Начальникомъ отряда былъ назначенъ *князь Бековичъ-Черкасскій*.

Князь Бековичъ собралъ свой отрядъ у Гурьева городка, *при устьѣ*, т. е. при *впаденіи р. Урала* въ Каспійское море. Отсюда онъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1717

года, и тронулся въ путь. Онъ шелъ скоро, такъ что послѣ двухъ-мѣсячнаго похода дошелъ до Аму-Дарьи и остановился въ ста пятидесяти верстахъ отъ Хивы, пройдя такимъ образомъ, въ самое знойное время года, степями и пустынями 1350 верстъ, при недостаткѣ въ водѣ. Воду приходилось добывать изъ выкапываемыхъ, съ большимъ трудомъ, на каждомъ привалѣ и ночлегѣ, колодцевъ.

Остановившись, какъ я сказалъ, на берегу Аму-Дарьи, въ ста-пятидесяти верстахъ отъ Хивы, князь Бековичъ, въ ожиданіи нападенія хивинцевъ, которые между тѣмъ уже приближались въ огромныхъ силахъ, поставилъ свой отрядъ тыломъ къ рѣкѣ, а съ прочихъ сторонъ огородился телѣгами и арбами.

Три дня дрались здѣсь хивинцы съ русскими и въ концѣ боя русскіе не только отбили хивинцевъ, но, вдобавокъ, разбили ихъ. Ханъ видя, что дѣло плохо, поспѣшилъ вступить въ переговоры, просилъ о мирѣ и согласился исполнить всѣ требованія князя Бековича. Бековичъ повѣрилъ клятвамъ хана и поплатился за это, какъ сейчасъ увидите, жестоко.

Раздѣливъ по просьбѣ хана свои войска на нѣсколько малыхъ отрядовъ, чтобы облегчить хивинскимъ жителямъ, какъ увѣрялъ его въ томъ ханъ, продовольствіе нашихъ солдатъ, Бековичъ самъ, съ однимъ изъ такихъ отрядовъ, пошелъ, по приглашенію хана, въ Хиву. Но лишь только русскія войска раздѣлились на малые отряды и разошлись въ разныя стороны на стоянку, какъ хивинцы измѣннически напали на разрозненныя части отряда и перерѣзали всѣхъ до одного человѣка; а съ самаго Бековича содрали кожу, набили ее сѣномъ и послали въ подарокъ къ бухарскому хану.

Пятый походъ противу Хивы былъ предпринятъ въ

1839 году, въ царствованіе Императора Николая Павловича, съ тою же цѣлью, т. е. чтобы наказать хивинцевъ за ихъ разбои, освободить изъ неволи нашихъ плѣнныхъ и дать свободу нашей торговли, проложивъ путь въ Индію.

На этотъ разъ войска назначено было еще больше: *четыре съ половиною тысячи.* Пушекъ также было больше: 22 орудія и еще 4 ракетныхъ станка. При отрядѣ находился огромный обозъ съ продовольствіемъ для войска. Чтобы везти обозныя тяжести потребовалось, сверхъ лошадей, болѣе 10 тысячъ верблюдовъ и до 2 тысячъ киргизовъ, нанятыхъ въ погоньщики къ верблюдамъ и называемыхъ верблюдовожатыми.

Отрядомъ командовалъ главный начальникъ Оренбургскаго края, генералъ-адъютантъ, *графъ Перовскій.* Отрядъ выступилъ въ походъ изъ Оренбурга въ концѣ осени, въ томъ предположеніи, что зимою, когда въ степяхъ лежитъ снѣгъ, походъ сдѣлать легче, чѣмъ лѣтомъ, при безводьѣ. Но походъ окончился полнѣйшей неудачею. Вскорѣ по выступленіи отряда въ путь, начались страшные морозы, поднялись мятели или бураны; явился недостатокъ корма для лошадей и верблюдовъ; вслѣдствіе чего открылся падежъ верблюдовъ. Вдобавокъ ко всему киргизы верблюдо-вожатые, находившіеся при отрядѣ, какъ я сказалъ, въ числѣ 2 тысячъ человѣкъ, взбунтовались и вышли изъ повиновенія, такъ что двухъ изъ нихъ пришлось даже разстрѣлять на мѣстѣ.

Всѣ эти причины заставили отрядъ, съ полъ-дороги, вернуться назадъ въ Оренбургъ. Потери, понесенныя нашимъ отрядомъ, были ужасны: до 3-хъ тысячъ людей (изъ $4^1/_2$ т.), 9 тысячъ верблюдовъ (изъ 10 тысячъ) и множество лошадей погибли въ пути отъ холода, голода, болѣзней и другихъ лишеній; а оставшіеся въ живыхъ

возвратились въ Оренбургъ, въ самомъ жалкомъ и изнуренномъ видѣ.

Послѣ этого похода, мы вплоть до весны 1873 г. не предпринимали противу хивинцевъ никакихъ военныхъ дѣйствій.

О томъ, *какъ* совершили русскія войска свой *шестой* походъ въ Хиву, подъ главнымъ начальствомъ *генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана* 1-го, и *чего* мы этимъ походомъ достигли, я разскажу вамъ въ слѣдующихъ моихъ чтеніяхъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Удаленность Хивинскаго Ханства отъ русскихъ владѣній. Ближайшія причины войны съ Хивою.—Объявленіе войны и планъ похода.—Степные походы. — Снаряженіе отрядовъ. — Перевозочныя средства. — Верблюды.— Выступленіе отрядовъ въ походъ. — *Оренбургскій отрядъ.* — Трудность пути.—Аральская флотилія. — Убійство русской команды, посланной съ этой флотиліи на берегъ. — Занятіе г. Кунграда и соединеніе Оренбургскаго отряда съ *Мангышлакскимъ.* Путь, пройденный *этимъ* отрядомъ.

Въ первомъ чтеніи я разсказывалъ о томъ, что за народъ такой хивинцы, *гдѣ* и *какъ* они живутъ, а также и о томъ, сколько бѣдствій и горя причиняли они намъ, нападая вмѣстѣ съ другими варварами-кочевниками на наши города и поселенія, грабя и раззоряя ихъ.

Теперь я разскажу вамъ, какъ наши войска покорили этотъ народъ. Я разскажу вамъ, какъ наши солдаты снаряжались въ походъ; какъ они шли по пустынямъ и степямъ, по глубокимъ сыпучимъ пескамъ, палимые солнцемъ, томимые жаждой; сколько лишеній испытали они, какія трудности перенесли въ пути, прежде чѣмъ достигли и овладѣли городомъ Хивою.

Хивинское ханство отстоитъ отъ нашихъ владѣній дальше всѣхъ другихъ ханствъ. Такъ, отъ нашихъ пограничныхъ городовъ и крѣпостей до Хивы считается: отъ *Оренбурга*—1395 вер., отъ *Казалинска* и *Перовска* 750 вер. и отъ *Ташкента* — 900 вер. Отъ крѣпостей, находящихся на берегу Каспійскаго моря, до Хивы также

не близко: отъ *форта-Александровскаго* — 850 верстъ, отъ *Красноводска* — 750 и отъ *Чикшилярскаго поста* 900 верстъ.

Концы, какъ видите, все порядочные; откуда не пойди-все далеко.

Вотъ это-то удаленное отъ насъ положеніе хивинскаго ханства, а главное, окружающія его со всѣхъ сторонъ голодныя, безводныя пустыни, идущія при томъ на огромныя разстоянія, и прежніе неудачные походы наши, внушали хивинцамъ мысль, что русскія войска до нихъ никогда не доберутся; не преодолѣютъ, будто-бы, всѣхъ трудностей похода черезъ ихъ пустыни.

Такъ думали не одни хивинцы, но и жители всѣхъ другихъ ханствъ.

Съ давнихъ поръ хивинское ханство у всѣхъ варваровъ считалось самымъ безопаснымъ убѣжищемъ, куда сбѣгался съ разныхъ сторонъ всякій сбродъ. Всѣ воры, разбойники, мятежники и вообще люди, провинившіеся въ чемъ-нибудь противъ русскаго правительства, обыкновенно бѣжали изъ киргизской степи и другихъ пограничныхъ мѣстъ въ Хиву, гдѣ ханъ гостепріимно встрѣчалъ этихъ бѣглецовъ и давалъ имъ у себя пристанище.

На наши предложенія не скрывать у себя бѣглыхъ людей и преступниковъ, запретить своимъ подданнымъ грабить и разорять пограничныхъ русскихъ жителей и вообще жить дружелюбно, какъ слѣдуетъ добрымъ сосѣдямъ, ханъ или ничего не отвѣчалъ или если иногда и соглашался на дѣлаемыя ему предложенія, то на самомъ дѣлѣ не принималъ ни какихъ мѣръ къ обузданію своихъ подданныхъ. Грабежи, разбои, а также постоянныя подстрекательства мирныхъ киргизовъ къ неповиновенію русскому правительству, къ бунтамъ и мятежамъ противу русскихъ властей не прекращались. Надо

было положить этому конецъ и разорить такое разбойническое гнѣздо. Въ концѣ 1872 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы весною же 1873 г. были открыты противу хивинскаго ханства военныя дѣйствія.

Войска, назначенныя въ Хивинскую экспедицію, были раздѣлены на *четыре отряда* и должны были выступить изъ разныхъ мѣстъ, чтобы войти въ ханства съ разныхъ сторонъ. *Одинъ* отрядъ наступалъ на Хиву съ сѣвера, отъ *Оренбурга*, и назывался *Оренбургскимъ*. Онъ состоялъ изъ войскъ Оренбургскаго округа. *Другой* отрядъ двигался съ востока, двумя колоннами: отъ *Казалинска* и *Джизака*, и назывался *Туркестанскимъ*; онъ состоялъ изъ войскъ Туркестанскаго округа. *Третій отрядъ*, состоящій изъ войскъ Кавказскаго округа, шелъ на Хиву отъ *Чикишляра*, и назывался *Красноводскимъ*; а *четвертый* отрядъ, также изъ войскъ Кавказскаго округа, наступалъ отъ *Киндерлинскаго залива*. Этотъ послѣдній отрядъ долженъ былъ на дорогѣ, у предѣловъ хивинскаго ханства, соединиться съ Оренбургскимъ отрядомъ и дѣйствовать за одно съ нимъ, съ сѣвера.

Такое раздѣленіе дѣйствующихъ войскъ на нѣсколько отрядовъ сдѣлано было для того во 1-хъ, чтобы развлечь или разобщить непріятельскія силы; во 2-хъ для того, что если бы одному изъ отрядовъ пришлось на своемъ пути встрѣтить какія либо *непреодолимыя* препятствія и потерпѣть неудачу, то чтобы другіе отряды, идущіе по другимъ направленіямъ, все-таки могли бы дойти до Хивы и докончить начатое дѣло, и въ 3-хъ для того, чтобы облегчить, по возможности, самое движеніе войскъ.

При степныхъ походахъ гдѣ вода и подножный кормъ встрѣчаются не вездѣ, а только мѣстами, да и то въ

самомъ маломъ количествѣ, — движеніе большой массы войска, по одному какому-нибудь направленію, невозможно; не говоря уже о томъ, что ни корма, ни воды не хватитъ на большой отрядъ, но идя большимъ отрядомъ вмѣстѣ, войска неминуемымъ образомъ должны растягиваться, а это невыгодно и неудобно. Вотъ почему и приказано было наступать изъ разныхъ мѣстъ, небольшими отрядами, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ отрядамъ, къ извѣстному дню, подойти къ городу Хивѣ, и, соединившись, взять этотъ городъ.

Въ составъ каждаго изъ названныхъ мною отрядовъ вошли: пѣхота, кавалерія, артиллерія и саперныя команды; при томъ отряды были такой силы, что могли, въ случаѣ надобности, выдержать бой съ непріятелемъ даже и каждый въ отдѣльности.

Число людей во всѣхъ отрядахъ, при выступленіи ихъ съ мѣста, доходило до 12 съ небольшимъ тысячъ, при 52 орудіяхъ и 17 ракетныхъ станкахъ; но, какъ увидимъ далѣе, при взятіи Хивы число людей значительно было меньше.

Общее начальство надъ всѣми отрядами было ввѣрено Командующему войсками Туркестанскаго округа, Генералъ-Адъютанту, Константину Петровичу, фонъ-Кауфману.

Кромѣ сухопутныхъ отрядовъ снаряжена была еще *Эскадра* или *морской отрядъ*, для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ. Эскадра эта должна была плыть по Аральскому морю, затѣмъ по рѣкѣ Аму-Дарьи до г. Хивы.

Выступленіе отрядовъ въ походъ, какъ я уже упомянулъ, было назначено съ такимъ разсчетомъ, что бы всѣмъ имъ быть у Хивы, по возможности, одновременно. Такимъ образомъ тому отряду, которому предстояло пройти большое разстояніе и выступить надлежало раньше.

Теперь передъ выступленіемъ отрядовъ въ походъ посмотримъ на снаряженіе ихъ и приготовленіе къ походу. Статья эта очень важная и умолчать о ней никакъ нельзя.

Степные походы вообще, а хивинскій въ особенности, не похожи ни на какіе другіе походы. Вспомните о той мѣстности по которой надлежало идти войскамъ, о той страшной жарѣ, безводіи, безкормицѣ и вообще о всѣхъ тѣхъ затрудненіяхъ, о которыхъ я уже разсказывалъ и которыя теперь предстояло солдатамъ преодолѣть, чтобы достигнуть Хивы.

Чтобы облегчить по возможности трудности степнаго похода, сберечь силы и здоровье людей, необходимо было и обмундировать войска особеннымъ образомъ и снабдить отряды такими вещами, которыя при походахъ въ другихъ мѣстностяхъ совершенно не нужны и даже не извѣстны.

Походъ предстоялъ не близкій; шли не на какую-нибудь недѣлю, а мѣсяца на два или на три въ одинъ только конецъ и при томъ въ страну совершенно неизвѣстную. Путь лежалъ черезъ пустыни и степи, гдѣ ни фуража для лошадей, ни продовольствія для людей взять негдѣ. Жилищъ въ пустыняхъ также нѣтъ. Воды и топлива для варки пищи тоже мѣстами ни за какія деньги не найти. А потому обо всемъ надо было позаботиться предварительно, обо всемъ подумать, начиная съ довольствія войскъ и кончая послѣднимъ гвоздикомъ или веревкой. Все пришлось забирать съ собой и тащить на сотни верстъ. Но всего на себѣ вѣдь не унесешь. Надо везти на чемъ-нибудь, значитъ надо имѣть *перевозочныя средства*, т. е. телѣги или вьюки (мѣшки въ которые укладываются вещи) и лошадей или быковъ, для перевозки всѣхъ необходимыхъ тяжестей.

Такимъ образомъ при степныхъ походахъ является необходимость въ огромныхъ обозахъ, что весьма понятно, сильно затрудняетъ самое движеніе войска.

Если при передвиженіи войскъ внутри Россіи, изъ одной губерніи въ другую, для простой только перемѣны квартиръ, обозы бываютъ значительны, то каковъ же долженъ былъ быть обозъ при *военномъ* походѣ, да притомъ еще *степномъ*, и изъ степныхъ-то наиболѣе трудномъ и продолжительномъ.

Посмотримъ же въ чемъ состояло снаряженіе отрядовъ. Начнемъ съ обмундированія.

Войска, назначенныя въ хивинскую экспедицію, выступали въ походъ самою раннею весною, а Оренбургскій отрядъ въ срединѣ февраля, когда стояла еще совершенная зима, глубокій снѣгъ лежалъ въ степи, и морозы не только по ночамъ, но и днемъ были очень большіе. Значитъ надо было одѣть солдатъ такъ, чтобы они вынесли холодъ и не ознобились въ пути. По этому солдаты были снабжены, кромѣ шинели и *суконной* мундирной пары, еще овчинными полушубками, валенками и мѣховыми воротниками. Для лѣтняго же времени надо было взять съ собой другую одежду, легкую. Лѣтомъ солдаты въ тѣхъ мѣстахъ носятъ обыкновенно гимнастическія рубашки и, вмѣсто бѣлыхъ шароваръ, имѣютъ штаны изъ красной козловой кожи, называемые *чамбарами*. Эти кожанные шаровары прочнѣе холщевыхъ, да кромѣ того они и отъ простуды защищаютъ лучше. Вмѣсто ранцевъ солдатамъ дозволяется носить во время походовъ холщевые мѣшки, а кепи носятъ съ бѣлымъ холщевымъ чехломъ, конецъ котораго спускается сзади на спину. Это сдѣлано для того, чтобы солнце не пекло шеи и головы, что очень опасно. Бывали случаи, что отъ сильнаго солнечнаго припека го-

ловы, люди умирали на мѣстѣ; съ ними дѣлался, такъ называемый, *солнечный ударъ*. Вотъ для ослабленія-то солнечнаго припека, въ тѣхъ странахъ, гдѣ бываетъ чрезмѣрная жара, войскамъ и разрѣшается носить кепи и фуражки въ бѣлыхъ полотняныхъ чехлахъ. Для укрытія людей отъ непогоды войскамъ отпущены были вмѣсто обыкновенныхъ, парусинныхъ палатокъ, войлочныя, называемыя *кибитками* или *юламейками*, въ которыхъ обыкновенно живутъ киргизы и прочіе кочевники. Я вамъ объясню ихъ устройство.

Юламейка или *кибитка* состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: *стѣнокъ* и *верха* и когда она разставлена, то по своему наружному виду издали схожа съ копной сѣна. Стѣнки состоятъ изъ жердей, составленныхъ крестъ на крестъ и образующихъ собою рѣшотку. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жерди приходятся одна къ другой, онѣ соединены деревянными гвоздями или сыромятными ремнями, что даетъ возможность сдвигать и раздвигать концы жердей, какъ сдвигаются и раздвигаются концы ножницъ.

Верхъ состоитъ изъ деревяннаго обруча аршина полтора въ поперечникѣ. Отъ этого обруча идутъ къ стѣнкамъ дугообразно согнутыя жерди, прикрѣпляющіяся къ стѣнкамъ сыромятными ремнями.

Вотъ и весь оставъ юламейки. За тѣмъ, какъ стѣнки, такъ и верхъ обтягиваются войлокомъ или кошмой. Входъ въ юламейку прикрывается однимъ концомъ боковой кошмы или войлокомъ, спускающимся сверху. Пола нѣтъ. Юламейка имѣетъ въ окружности 15 аршинъ, а въ поперечникѣ внизу 5 аршинъ.

Такая палатка очень хорошо защищаетъ отъ холода, удобна какъ по своей перевозкѣ, такъ и по той легкости, съ какой разставляется и снимается. Если же

Юламейки, юрты или войлочныя кибитки.

поставить въ ней небольшую, желѣзную, переносную печь или, какъ дѣлаютъ обыкновенно кочевники, сложить очагъ, то и большіе морозы не покажутся страшными. Для прохода дыма устраиваютъ тогда вверху кибитки отверстіе, которое на ночь закрывается войлокомъ.

Войлочныхъ палатокъ отпущено было въ отряды по *одной* на каждый десятокъ.

Довольствіе людямъ во время степныхъ походовъ опредѣляется особымъ *степнымъ положеніемъ*, и пища полагается болѣе разнообразная и нѣсколько улучшенная, такъ какъ трудностей при походахъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другое время. По степному положенію полагается на каждаго человѣка въ сутки: не менѣе одного фунта *мяса*, *сухарей* по 2 фунта, *крупъ* $^{3}/_{30}$ гарнца или 48 золотниковъ. Лавровый листъ, лукъ, перецъ и соль по обыкновенному положенію. Кромѣ того для разнообразія въ пищи и для предупрежденія *цынги*, болѣзни всѣмъ извѣстной, отпускается еще: *сушено-квашенная капуста*, *горчица*, *хрѣнъ*, *крѣпкій уксусъ*, *чай и сахаръ* или взамѣнъ послѣдняго *изюмъ*.

Приварочныхъ денегъ на время похода было отпущено по $6^{3}/_{4}$ коп. въ сутки на человѣка, а для того, чтобы люди имѣли въ походѣ постоянно свѣжее мясо, то при отрядахъ гнались гурты скота и барановъ.

Въ числѣ предметовъ, отпускаемыхъ отъ казны для довольствія степныхъ отрядовъ, я назвалъ *чай* и *сахаръ*. Эти продукты новые въ довольствіи солдатъ, а потому о нихъ и надо сказать нѣсколько словъ.

Чая отпускается на 100 человѣкъ по одному фунту и сахара по 3 фунта въ день. Отпускъ этотъ идетъ вмѣсто спирта или водки. Изъ 12 получаръ, полагаемыхъ въ мѣсяцъ на человѣка, *10* замѣнены чаемъ, и только *двѣ* получары получались спиртомъ. Замѣна эта сдѣлана

потому, что чай гораздо полѣзнѣе, чѣмъ спиртъ. Какъ въ холодное время, такъ и въ жаркое, чай одинаково пріятенъ и полезенъ; тогда какъ *спиртъ*, употребляемый въ жаркое время, — положительно вреденъ.

Кромѣ того, чай, налитый въ манерки, составляетъ, во время степныхъ переходовъ, очень освѣжающее и утоляющее жажду питье, въ особенности въ такихъ мѣстахъ гдѣ вода, по своему дурному качеству, не можетъ быть употребляема сырой, а должна быть кипяченой. Люди бывалые, дѣлавшіе степные походы, знаютъ, какое благодѣтельное дѣйствіе оказываетъ чай, во время страшной жары, при утомительныхъ переходахъ.

Для заварки чая выданы были мѣдные луженые внутри чайники, по одному на 10 человѣкъ, а для питья — деревянныя чашки по числу людей.

Но самая главная забота заключалась въ томъ, чтобы войска не терпѣли недостатка въ водѣ. Въ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ ни озеръ, ни рѣкъ, воду добываютъ изъ колодцевъ; но встрѣчаются пространства, верстъ на 100 и болѣе, совершенно безводныя, гдѣ до воды нельзя докопаться.

Вотъ на случай то такихъ, совсѣмъ безводныхъ переходовъ, и были выданы отрядамъ деревянные *боченки*, *баклаги* и *кожанные мѣшки*, называемые *турсуками* или *бурдюками*, для возки воды при отрядахъ. Баклаги вмѣщаютъ въ себѣ воды отъ 4 до 5 ведеръ каждая. Для пѣхоты такихъ баклагъ полагается на 20 человѣкъ одна, а въ кавалеріи на 10 — одна, такъ какъ тамъ считаются и лошади. Кромѣ того солдаты имѣли еще запасъ воды при себѣ въ манеркахъ, разныхъ стклянкахъ и бутылкахъ, которыя для того, чтобы вода въ нихъ не очень нагрѣвалась, обтягиваются войлокомъ, и этотъ войлокъ смачивается.

На случай переправъ черезъ степныя рѣчки, которыя ранней весной, въ полую воду въ бродъ не всегда проходимы, войска снабжены были разборчатыми мостами.

Вотъ главные предметы по снабженію и снаряженію отрядовъ, выступившихъ въ Хивинскій походъ.

Теперь посмотримъ на перевозочныя средства. Какъ и на чемъ были перевозимы всѣ поименованныя тяжести?

Для перевозки тяжестей при степныхъ походахъ употребляются обыкновенно *верблюды.*

Многіе изъ васъ, конечно, никогда не видали верблюдовъ. Я въ короткихъ словахъ опишу вамъ это животное.

Верблюдъ по своему виду очень безобразенъ. Большаго роста, иногда до сажени, съ длинной вытянутой шеей, маленькой головой и безобразной мордой, онъ имѣетъ еще на спинѣ уродливые *горбы*: *два* или *одинъ*. Ноги у него длинныя, неуклюжія, оканчивающіяся мозолистою, широкою какъ тарелка, ступнею. Хвостъ похожъ на коровій. Все животное покрыто шерстью темнобураго, а лѣтомъ рыжеватаго цвѣта.

Верблюдъ золъ, настойчивъ, непослушенъ и, вдобавокъ, мстителенъ. Своимъ упрямствомъ онъ можетъ вы-

вести изъ терпѣнія самаго кроткаго и добраго человѣка. Кромѣ того, онъ кричитъ непріятнымъ, ужаснымъ голосомъ, а когда разсерженъ, то плюется, бьетъ и топчетъ ногами, кусается и въ такомъ разсерженномъ состояніи можетъ быть даже опасенъ человѣку.

Но несмотря на всѣ свои недостатки, верблюдъ при передвиженіяхъ по степямъ и пустынямъ, не замѣнимое животное. У всѣхъ степныхъ народовъ, верблюдъ съ незапамятныхъ временъ употребляется для перевозки тяжестей, для чего верблюда не запрягаютъ въ телѣгу, какъ дѣлаютъ съ лошадью или воломъ, а обыкновенно вьючатъ, почему онъ и называется *вьючное животное*.

Вьючка заключается въ томъ, что раздѣливъ кладь на разныя части по вѣсу и уложивъ эту кладь въ мѣшки или вьюки, навѣшиваютъ за тѣмъ вьюки съ обѣихъ сторонъ животнаго.

Чтобы было на что вьюки привѣсить и, чтобы бока и спина верблюда не терлись во время пути отъ клади, то на спину верблюда, между его горбами, а если горбъ одинъ, то на самый горбъ,—прилаживаютъ, особаго устройства, деревянное сѣдло; поперегъ сѣдла кладутъ толстую, 2-хъ аршинную палку, къ концамъ которой и привѣшиваютъ вьюки. Но вьюки, какъ ужъ я сказалъ, должны быть совершенно одинаковаго вѣса и отнюдь не перевѣшивать одинъ другаго, а то свалятся.

Навьюченный такимъ образомъ, верблюдъ можетъ проходить по глубокимъ и сыпучимъ пескамъ, не нуждаясь въ проложенныхъ дорогахъ; тогда какъ лошадь, запряженная въ телѣгу, везти кладь по такимъ пескамъ не можетъ.

Кромѣ того, верблюдъ довольствуется самою скудною, неприхотливою пищею. Онъ ѣстъ всякую, можно ска-

зать, дрянь, на которую лошадь и не посмотритъ. Верблюдъ ѣстъ очень колючія и жесткія растенія, гложетъ сухія палки и деревья, а листья съ деревьевъ, ѣстъ даже очень охотно. Пьетъ верблюдъ много, за разъ по 10 и 12 ведеръ воды, но за то разъ напившись въ волю, онъ можетъ обходиться безъ пойла сутокъ трое, четверо. Все это вмѣстѣ взятое и заставляетъ употреблять верблюда въ безводныхъ и голодныхъ пустыняхъ для перевозки тяжестей, и дѣлаетъ это животное ни чѣмъ не замѣнимымъ. Степные народы называютъ его: *кораблемъ пустыни.*

Но хотя верблюдъ и не прихотливъ въ пищѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, животное нѣжное, требующее за собою умѣлаго ухода и весьма тщательнаго присмотра.

Легко преодолѣвая пески своею ступнею, онъ боится однако холода, мокроты, твердаго и каменистаго грунта. По этому и верблюды не особеннно легко переносятъ походы съ отрядами и иногда *падаютъ* т. е. издыхаютъ въ пути въ большомъ числѣ, въ особенности, если уходъ за ними ведутъ люди неумѣлые и не знающіе всѣхъ привычекъ и нрава животнаго. А потому верблюды нанимаются въ отряды вмѣстѣ съ ихъ хозяевами или вообще вожаками изъ киргизъ, которые и называются *верблюдо-вожатыми.* Такихъ вожаковъ полагается на каждые 6 верблюдовъ по одному.

Для навьючиванія, — верблюда кладутъ сначала на землю, за тѣмъ, когда вьюки размѣстятъ и укрѣпятъ на немъ, какъ слѣдуетъ, подымаютъ за узду, привязанную къ мордѣ животнаго. При этомъ дѣло не обходится безъ побоевъ, такъ какъ верблюдъ ни за что не хочетъ подняться съ кладью добровольно и оретъ самымъ ужаснымъ, раздирающимъ уши, голосомъ. Въ пути, во время движенія, каждый верблюдъ привязывается арканомъ къ

хвосту впереди его идущаго верблюда и, такимъ образомъ, всѣ они вытягиваются въ нитку.

У нѣкоторыхъ же степныхъ кочевниковъ, именно у киргизовъ, для управленія верблюдомъ, употребляется слѣдующій варварскій способъ: носъ верблюда прокалываютъ ножемъ, и въ проколотое отверстіе вставляютъ палочку, къ которой и привязываютъ арканъ, замѣняющій поводъ.

Если въ дорогѣ верблюдъ почувствуетъ усталость, то онъ безъ дальнихъ церемоній ложится и тогда, не смотря на щедрые удары нагайки, его трудно бываетъ поднять съ мѣста.

Сильный и здоровый верблюдъ можетъ нести на себѣ грузъ отъ 16 до 18 пудовъ. Ходъ же его въ часъ отъ 4-хъ до 4½ верстъ. Верблюдъ, въ случаѣ нужды, можетъ быть впрягаемъ въ телѣгу.

Одногорбые верблюды, называемые по киргизски *наръ*, сильнѣе двугорбыхъ, и подымаютъ грузъ отъ 20 до 22 пудовъ; но ихъ очень немного, а потому въ отряды нанимаются почти исключительно двугорбые, называемые *тюйя*, и на нихъ основывается разсчетъ по поднятію тяжестей.

Отрядныхъ верблюдовъ не грузятъ, безъ особенной нужды, полнымъ грузомъ, а опредѣляютъ кладь для каждаго верблюда среднимъ счетомъ пудовъ въ 15-ть и даже менѣе.

Отряды, при выступленіи въ хивинскій походъ, были снабжены всѣми необходимыми предметами, то-есть провіантомъ, фуражомъ для верховыхъ и артиллерійскихъ лошадей и прочими припасами на *два съ половиною мѣсяца*, т. е. на время предполагаемаго похода въ одинъ конецъ.

Кромѣ продовольственныхъ запасовъ, при отрядахъ

везлись еще два комплекта боевыхъ патроновъ, снарядовъ и нѣсколько пудовъ пороха для снаряженія минъ; однимъ же комплектомъ боевыхъ патроновъ и снарядовъ люди были снабжены при выступленіи ихъ съ мѣста, который и находился у нихъ на рукахъ.

Отряды вооружены были: *пѣхота* ружьями системы Карле (игольчатыя винтовки), *стрѣлковыя части*— ружьями Бердана, а *казаки*—7 и 6 линейными винтовками, заряжающимися съ дула. *Артиллерія* была казачья и состояла изъ 4-хъ полупудовыхъ мортиръ, нарѣзныхъ 4-хъ фунтовыхъ пушекъ и 2-хъ картечницъ, въ войскахъ Туркестанскаго отряда.

По части инженерной войска получили кромѣ необходимаго рабочаго инструмента, какъ-то: кирокъ, мотыкъ, лопатъ и т. п. еще разборчатые мосты.

По части врачебной сформированы были при отрядахъ подвижные лазареты, снабженные всѣми необходимыми госпитальными предметами, припасами и противуцынготными средствами въ 6-ти мѣсячной пропорціи; для помѣщенія же больныхъ были кибитки съ желѣзными печами; кромѣ того имѣлись повозки для перевозки раненыхъ и больныхъ, а также складныя носилки и лазаретные верблюды. Тяжестей при отрядахъ набралось громадное количество. Такъ напр. при одномъ только Оренбургскомъ отрядѣ, въ которомъ находилось 3,461 человѣкъ и 1,796 лошадей, — всѣхъ тяжестей было до *150 тысячъ пудовъ*, или, другими словами, слишкомъ по 46 пудовъ на человѣка.

Для поднятія и перевозки этихъ тяжестей потребовалось слишкомъ *10 тысячъ верблюдовъ*, т. е. верблюдовъ было почти въ 3 раза болѣе, чѣмъ солдатъ.

Вотъ какое громадное количество тяжестей и перевозочныхъ средствъ потребовалось для одного только

Оренбургскаго отряда! *Вотъ что значитъ степной походъ.*

Много было положено труда, усердія и хлопотъ со стороны начальствующихъ лицъ по одному только снаряженію и отправленію отрядовъ въ походъ.

Много опытности и предусмотрительности надо было имѣть начальникамъ, чтобы все предвидѣть, не забыть разныхъ мельчайшихъ подробностей и устроить походъ такъ, чтобы солдаты могли его сдѣлать.

За то эти распоряженія и признаются образцовыми. Теперь, когда мы нѣсколько познакомились съ снаряженіемъ отрядовъ и приготовленіемъ ихъ къ походу, я приступлю къ разсказу о самомъ походѣ.

Наши войска наступали на Хиву, какъ я сказалъ, *четырьмя отрядами*. Изъ нихъ первымъ выступилъ въ походъ Оренбургскій отрядъ, съ котораго я и начну свой разсказъ.

Оренбургскій отрядъ въ количествѣ 3,461 человѣка при 10 орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ, въ срединѣ февраля мѣсяца, двинулся 9 отдѣльными частями или *эшелонами* изъ городовъ Уральска, Оренбурга и Орска, гдѣ люди стояли на квартирахъ, — къ *Эмбенскому* посту.

Отрядомъ этимъ командовалъ генералъ-лейтенантъ *Веревкинъ*. Отряду предстояло пройти до Хивы болѣе всѣхъ другихъ отрядовъ, именно 1395 верстъ. Стояла суровая зима съ сильными морозами, а что еще хуже, мятелями или буранами. Для того, чтобы ускорить движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить трудность похода, войска не шли, а ѣхали до Эмбенскаго поста на саняхъ. Точно также и артиллерійскія орудія, лафеты, передки, и зарядные ящики были перевезены на саняхъ. Артиллерійскія же лошади велись въ поводу. Весь путь до Эмбенскаго поста, на разстояніи 500 верстъ, пролегалъ

по киргизской степи. Ни селеній, ни отдѣльныхъ домовъ или хуторовъ, на всѣмъ этомъ пространствѣ, не было вовсе. Поподались, да и то изрѣдка, только киргизскія кочевки или *стойбища*, называемыя также *аулами*. Киргизы, какъ я уже говорилъ, народъ, кочующій и круглый годъ живутъ въ степяхъ, въ войлочныхъ палаткахъ или кибиткахъ. На сколько возможно было,— киргизы помогали нашимъ войскамъ при этомъ передвиженіи. Такъ, старшины киргизскихъ ауловъ съ своими товарищами выѣзжали на встрѣчу отрядамъ, заранѣе разчищали снѣгъ для солдатскихъ кибитокъ, привозили топливо, пригоняли для продажи скотъ, который имѣли, словомъ оказывали самое усердное содѣйствіе въ облегченіи движенія войскъ.

Но не смотря однако на помощь, оказанную киргизами, а также и на то, что войска не шли, а перевозились на подводахъ, этотъ 500 верстный переходъ, въ суровую зиму, по совершенно открытой степи и глубокому снѣгу, былъ очень тяжелъ. Случались дни, когда морозъ достигалъ до 30 градусовъ, при сильномъ вѣтрѣ. Кромѣ того въ степи дорогъ никакихъ не было, и приходилось ѣхать по цѣлинѣ, а постоянныя вьюги замѣтали и тотъ слѣдъ, который оставляли послѣ себя передовые эшелоны, такъ что слѣдованіе людей и тяжестей въ саняхъ было истиннымъ мученіемъ. Повозки съ тяжестями то и дѣло застрявали въ ухабахъ, снѣжныхъ наносахъ, гдѣ и стояли по нѣскольку часовъ, покамѣстъ не были вытаскиваемы проходившими командами. Самъ даже начальникъ отряда, генералъ Веревкинъ, долженъ былъ бросить на дорогѣ свой экипажъ и пересѣсть въ простыя сани.

Не смотря на все это, войска совершили путь въ срокъ, по маршруту, и къ 18 марта, всѣ эшелоны

Оренбургскаго отряда собрались *въ Эмбенскомъ посту.* Больныхъ было всего только 46 человѣкъ; изъ нихъ нѣкоторые страдали воспаленіемъ глазъ отъ ослѣпительнаго блеска снѣга и отъ дыма при нагреваніи кибитокъ.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Эмбенскомъ посту солдаты стали приготовляться къ дальнѣйшему походу, въ невѣдомую страну. Въ Эмбенскомъ посту также много было трудовъ и хлопотъ, такъ какъ всѣ тяжести приходилось перегружать и навьючивать на верблюдовъ, заблаговременно уже здѣсь приготовленныхъ.

26 марта двинулся изъ Эмбенскаго поста авангардъ отряда, состоящій изъ 2-хъ сотенъ казаковъ и саперной команды, а 30-го числа вышли и главныя силы. Съ этого времени походъ совершался уже по всѣмъ правиламъ военнаго времени.

Авангарду приказано было, исправивъ по возможности путь, остановиться въ нѣсколькихъ переходахъ и, въ ожиданіи главныхъ силъ,—выслать разъѣзды съ цѣлью собрать свѣденія о непріятелѣ.

Направленіе, котораго долженъ былъ держаться теперь Оренбургскій отрядъ, было слѣдующее: сначала надо было идти къ Аральскому морю, потомъ берегомъ его къ *мысу Урга* [1]), а далѣе на хивинскіе города: *Кунградъ*, *Ходжейли*, *Куня-Ургенчъ* и *Хиву*. Всего до Хивы оставалось еще пройти 900 верстъ.

Путь до мыса Урга, на разстояніи 600 верстъ, шелъ по совершенно пустынной мѣстности, гдѣ нельзя было разсчитывать встрѣтить даже и кочевокъ степныхъ жителей. Въ Ургѣ Оренбургскій отрядъ предполагалъ соединиться съ другимъ нашимъ отрядомъ: Мангышлакскимъ, которымъ командовалъ полковникъ Ломакинъ, и

---

[1]) Мысомъ называется берегъ, вдающійся въ море.

который шолъ отъ Каспійскаго моря на перерѣзъ Оренбургскому отряду.

И такъ, 30 марта, главныя силы Оренбургскаго отряда выступили изъ Эмбенскаго поста въ дальнѣйшій походъ. Нѣсколько солнечныхъ дней еще болѣе испортили путь, такъ что войска испытывали неимовѣрныя затрудненія, переходя по оврагамъ, въ которыхъ было до $2^1/_2$ аршинъ подтаявшаго снизу снѣга и столь рыхлаго, что люди и животныя едва не утопали въ немъ. Переходы черезъ лощины и степныя рѣчки представляли также огромныя затрудненія. Къ тому же совершенная безкормица и сильные морозы по ночамъ и утрамъ, до того изнуряли верблюдовъ, что они едва волокли ноги и съ трудомъ подымали грузъ въ 17 пудовъ. На каждомъ переходѣ по нѣскольку десятковъ верблюдовъ ложилось, и ихъ приходилось бросать, перегружая тяжести на запасныхъ, число которыхъ все болѣе и болѣе уменьшалось.

Съ выступленіемъ Оренбургскаго отряда изъ Эмбенскаго поста, получены были свѣденія, что ханъ приказалъ собирать по всему ханству людей для войны съ русскими, и снабжать каждаго лошадью, саблею и ружьемъ. У хивинцевъ постояннаго войска очень немного: всего до 1,500 человѣкъ; на случай же войны призываются жители, которые будучи съ малолѣтства обучены ѣздить верхомъ и владѣть оружіемъ, составляютъ довольно сносные конные отряды или ополченія. Оружіе во время войны имъ выдается изъ ханской казны. Такого ополченія хивинцы могутъ выставить довольно много: тысячъ до 20 и даже болѣе. Такъ вотъ, теперь, ханъ и велѣлъ собираться ополченію, сборнымъ мѣстомъ котораго, со стороны киргизской степи, былъ назначенъ г. *Кунградъ*.

Вскорѣ затѣмъ стало извѣстно и то, что флотилія, которая плыла по Аральскому морю, для оказанія содѣйствія нашимъ сухопутнымъ войскамъ, подойти къ тому берегу, по которому шелъ Оренбургскій отрядъ, не можетъ, по недостатку топлива на параходахъ, а потому и направилась прямо къ устью Аму-Дарьи, гдѣ и будетъ ожидать отряда.

Съ 4 апрѣля погода стала замѣтно улучшаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали поправляться и дороги.

Къ 11 же апрѣля дороги совершенно высохли, и движеніе войскъ значительно облегчилось, къ тому же показавшійся кормъ много освѣжилъ вьючныхъ животныхъ; а 17 числа того же мѣсяца жара въ степи доходила уже до 37°, т. е. до такой степени было жарко, что если бы человѣкъ лежалъ даже безъ всякаго движенія, то и тогда бы былъ весь въ поту, а тутъ приходилось идти по пескамъ, въ полной походной аммуниціи, съ ружьемъ. Замѣтьте какъ скоро въ степи дѣлается переходъ отъ морозовъ къ жарамъ. Промежутка, называемаго *весной*, здѣсь почти не было. Еще въ началѣ апрѣля морозы доходили до 12°, а черезъ какія-нибудь двѣ недѣли жара, да еще какая, въ 37°! Вотъ что значитъ *степной климатъ*.

Съ наступленіемъ сильныхъ жаровъ явилась новая бѣда: недостатокъ въ водѣ и сильное изнеможеніе людей и животныхъ. Степныя рѣчки, еще такъ недавно бурлившія и представлявшія препятствія къ переправамъ черезъ нихъ, стали быстро высыхать. Воду приходилось добывать не иначе, какъ изъ колодцевъ, которые встрѣчались по тѣмъ *направленіямъ*, по которымъ обыкновенно перекочевываютъ степные жители. Я говорю *направленіямъ*, а не *дорогамъ* потому, что дорогъ въ степяхъ и пустыняхъ нѣтъ. Вмѣсто наѣзжанныхъ

Колодезь въ пустынѣ.

дорогъ попадаются иногда, такъ называемыя, *верблюжьи тропы*, т. е. слѣдъ, проложенный верблюдами во время перекочевокъ степныхъ жителей. Вотъ по этимъ то направленiямъ, по которымъ двигаются также и торговые караваны и наши военные отряды, и попадаются колодцы. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы такъ хорошо и прочно, что вода въ нихъ всегда содержится хорошая. Эти колодцы выложены камнями, а для того, чтобы ихъ не заносило пескомъ и чтобы не проваливались въ нихъ ночью люди и скотъ, то сверху они задѣланы огромными каменными плитами, съ круглыми небольшими отверстiями по срединѣ для опусканiя ведеръ.

Сооруженiе такихъ колодцевъ приписываютъ благотворительнымъ и благочестивымъ людямъ и относятъ къ глубокой древности. Желая сдѣлать что-нибудь угодное Богу, эти добрые люди обыкновенно сооружали въ безводныхъ степяхъ колодцы. Глубина такихъ колодцевъ доходитъ иногда до 30 саженъ. Но хорошо обдѣланныхъ колодцевъ въ пустыняхъ и степяхъ встрѣчается очень не много. Большая часть колодцевъ не имѣетъ никакой обшивки, а представляетъ пологую яму точно воронку; ни чѣмъ не прикрытые, они скоро заносятся пескомъ, иломъ и всевозможными нечистотами, отчего вода въ нихъ, нагрѣваемая постоянно солнцемъ, портится, дѣлается вонючей, грязной, въ родѣ болотной и, конечно, для питья не годится. Чтобы исправить такой колодезь, надо вычерпать сначала всю дурную воду, потомъ очистить дно колодца, и ожидать пока набѣжитъ свѣжая вода. Работы по очисткѣ колодца вообще весьма медленныя, требуютъ по крайней мѣрѣ 24 часа времени. А сколько еще, затѣмъ, надо времени, чтобы изъ подобныхъ колодцевъ напоить весь отрядъ и жи-

вотныхъ, въ особенности если колодцы глубоки напр: до 30 сажень, и не обильны водой. Колодцы въ степяхъ попадаются не часто; обыкновенно верстъ на 20 или на 30 одинъ отъ другаго, а бываетъ и такъ, что верстъ на 100 и болѣе нѣтъ ни одного. Это значитъ что на всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ ключей, и сколько не копай земли, до воды не докопаешься. Кстати разскажу вамъ по какимъ признакамъ или примѣтамъ, въ степяхъ и пустыняхъ узнаютъ гдѣ, *на какомъ именно мѣстѣ*, надо копать колодезь, чтобы добыть воду. Зарываютъ въ землю не муравленный, глинянный горшокъ или свѣжую овечью шкуру; если къ утру эти предметы окажутся влажными, то это служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ, что вода не далеко; или втыкаютъ въ землю шомполъ отъ ружья и затѣмъ смотрятъ, не окажется ли на немъ за ночь влажности; а то связанную въ пучекъ солому втыкаютъ комельками внизъ и потомъ зажигаютъ сверху; когда солома сгоритъ, то пробуютъ рукой, находящуюся подъ пепломъ землю: если она окажется сырою, то значитъ вода близко. Если же нѣтъ при себѣ такихъ предметовъ, которые я назвалъ, то тогда уже надо смотрѣть надъ какимъ мѣстомъ въ степи вьются всего больше комары и мошки, или надъ какимъ мѣстомъ будетъ подыматься изъ земли легкій, волнистый паръ, за часъ до восхода солнца, — тамъ и копать. Но надо смотрѣть внимательно, зорко, потому что паръ этотъ едва можетъ быть замѣтенъ.

Теперь вернемся къ Оренбургскому отряду. Когда наступила сильная жара и степныя рѣчки пересохли, то чтобы не терпѣть, по возможности, недостатка въ водѣ, пришлось Оренбургскому отряду раздѣлиться на небольшія части или *эшелоны*, и весь порядокъ походнаго движенія этихъ эшелоновъ примѣнить къ колод-

цамъ, т. е. всѣ остановки: ночлеги, дневки, — пришлось разсчитывать по разстояніямъ между колодцами. Не забудьте, что при отрядѣ, кромѣ артиллерійскихъ и казацкихъ лошадей, имѣлось до 7 тысячъ верблюдовъ и большое количество порціоннаго скота. Для всего этого огромнаго количества животныхъ требовалось очень много воды. Эшелоны шли, имѣя каждый при себѣ свой вьючный обозъ, и съ такимъ разсчетомъ во времени, что когда одинъ эшелонъ приходилъ на мѣсто дневки или ночлега другаго, то первый въ это время шелъ уже дальше. Самое жаркое время дня отдыхали, а шли больше по утрамъ, да къ вечеру.

Очень большое затрудненіе при движеніи эшелоновъ представлялъ вьючный обозъ. При каждомъ изъ *эшелоновъ* находилось болѣе полуторы тысячи верблюдовъ. Верблюдъ же занимаетъ въ глубину дороги 6-ть шаговъ. Привязанные одинъ къ другому и вытянутые, такимъ образомъ, въ нитку, полторы тысячи верблюдовъ займутъ разстояніе до 6 верстъ. Для того, что бы случайный безпорядокъ въ головной части обоза, не служилъ помѣхой и не разрывалъ движенія, сзади идущихъ верблюдовъ, то верблюды шли по отдѣленіямъ, въ каждомъ по 100 штукъ, и между такими отдѣленіями оставлялся промежутокъ также во 100 шаговъ. Такимъ образомъ обозъ растягивался еще болѣе.

Для уменьшенія глубины обоза верблюдовъ пускали тамъ, гдѣ позволяло мѣсто, въ нѣсколько нитокъ рядомъ, черезъ что глубина обоза значительно уменьшалась. Но идти въ нѣсколько нитокъ не всегда возможно.

Какъ не трудно было идти по совершенно открытой и голой пустынѣ, но люди и животныя выдерживали походъ хорошо. За то порціонный скотъ, гнавшійся при эшелонахъ, погибалъ въ большомъ числѣ, и

не смотря на то, что люди снабжены были имъ, при выступленіи съ Эмбенскаго поста, въ избыткѣ, вскорѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ мясѣ. Такъ какъ пріобрѣсти скотъ по близости не было возможности, ибо не встрѣчалось никакихъ кочевокъ, то генералъ Веревкинъ, не доходя нѣсколькихъ переходовъ до мыса Урга, выслалъ на розыскъ кочевыхъ ауловъ, въ которыхъ можно бы было добыть скотъ, *летучій отрядъ* во сто доброконныхъ казаковъ охотниковъ.

24-го апрѣля этотъ летучій отрядъ, снабженный 4 дневнымъ провіантомъ, пошелъ на поискъ. Въ первый день всѣ розыски остались тщетными: ни какихъ слѣдовъ кочевокъ и въ поминѣ не было. Сдѣлавъ болѣе 100 верстъ, отрядъ на другой день направился въ другую сторону, и только къ вечеру открылъ у колодцевъ кочевье киргизовъ.

Быстрое и внезапное нападеніе на аулъ, доставило отряду возможность захватить 200 штукъ барановъ, много верблюдовъ и нѣсколько лошадей. Аулъ принадлежалъ извѣстному въ степяхъ разбойнику, киргизу *Кутебару*. Забравъ съ собою добычу и всѣхъ взрослыхъ мужщинъ, въ томъ числѣ и брата разбойника, летучій отрядъ, на третьи сутки, присоединился къ отряду генерала Веревкина.

Я вамъ привелъ этотъ случай, какъ образчикъ тѣхъ поисковъ, которые часто приходится производить при степныхъ походахъ, чтобы добыть себѣ скотъ, фуражъ, или отыскать колодцы и, такимъ образомъ, часто приходится утомлять и безъ того уже утомленныхъ людей и лошадей, рысканьемъ по пустыннымъ степямъ.

2 и 3-го мая эшелоны Оренбургскаго отряда благополучно прибыли къ границѣ хивинскаго ханства, *къ мысу Урга*, не встрѣтивъ на всемъ 600 верстномъ

пути отъ Эмбенскаго поста, не только ни какого сопротивленія со стороны хивинцевъ, но даже не видавъ ни одного человѣка.

Съ приходомъ Оренбургскаго отряда къ мысу Урга, воля Государя Императора, чтобы Оренбургскія войска, къ началу мая, достигли хивинскихъ предѣловъ, была выполнена, не смотря на разныя задержки и чрезвычайную трудность пути. Самая трудная часть похода была уже сдѣлана. Оставалось сдѣлать еще одинъ только переходъ, чтобы войскамъ выйти изъ мертвой и голой пустыни и вступить въ обработанныя и населенныя земли ханства.

5-го мая весь Оренбургскій отрядъ выступилъ далѣе, по направленію къ г. Кунграду. Отойдя верстъ 6-ть отъ мыса Урга, наши войска встрѣтили, покинутыя хивинцами, небольшія укрѣпленія, сложенныя изъ глины.

Покинутыя укрѣпленія назывались *Джанъ-Кала* и были на столько ничтожны, что еслибы даже и защищались гарнизономъ, то взять ихъ штурмомъ ничего бы не стоило. Вблизи этихъ укрѣпленій наши войска построили новое (редутъ), предназначенное служить временнымъ опорнымъ пунктомъ и складочнымъ мѣстомъ для запасовъ продовольствія, доставляемыхъ съ Эмбы.

Въ укрѣпленіи былъ оставленъ гарнизонъ изъ одной роты пѣхоты, сотни казаковъ и 2-хъ ракетныхъ станковъ. Съ остальными же войсками генералъ Веревкинъ, 6-го мая, выступилъ въ дальнѣйшій походъ на г. Кунградъ.

Съ этого времени тяжелый степной походъ, для войскъ Оренбургскаго отряда, кончился; войска вступили въ край обработанный и населенный; встрѣчались уже засѣянныя поля, сады, и жилища не кочевыхъ, а осѣдлыхъ жителей.

Всего же пріятнѣе и отраднѣе было встрѣтить въ изобиліи хорошую, *рѣчную* воду, которой было наполнено множество большихъ и малыхъ каналовъ, идущихъ отъ протекаемой не вдалекѣ р. Аму-Дарьи. Каналы эти или *арыки*, какъ они называются, были выкопаны для того, чтобы имѣть жителямъ всегда подъ руками воду, главнымъ образомъ необходимую для поливки своихъ засѣянныхъ полей. Безъ этого земледѣліемъ тамъ заниматься нельзя, такъ какъ дождей почти все лѣто не бываетъ. Каналы встрѣчались и большіе и малые, длиной до нѣсколько десятковъ верстъ и шириной до 20 саж., при томъ значительной глубины.

Если бы хивинцы догадались и уничтожили черезъ эти канавы мосты, то однимъ только этимъ могли бы сильно затруднить наступленіе нашихъ войскъ. Къ счастію мосты разрушены не были, и наши войска безпрепятственно продолжали свое движеніе впередъ, не встрѣчая по прежнему никакого сопротивленія со стороны хивинцевъ и даже не видя ни кого изъ жителей, такъ какъ всѣ жители попутныхъ деревень отъ страху разбѣжались.

8-го мая отрядъ безъ боя занялъ первый хивинскій городъ Кунградъ, находящійся на лѣвомъ берегу прекрасной и многоводной рѣки Аму-Дарьи. Городъ оказался пустымъ: жители, захвативъ свое имущество, изъ него бѣжали.

Хивинскія войска, занимавшія городъ въ количествѣ 1500 чел., за 4 дня до прихода нашего отряда, оставили Кунградъ и отступили по дорогѣ къ Ходжейли. Только одному нашему авангарду, высланному съ послѣдняго перехода впередъ для охраненія мостовъ на арыкахъ, удалось видѣть быстро удаляющуюся толпу хивинцевъ и послать ей въ догонку до 50-ти ружейныхъ выстрѣ-

ловъ и 2 ракеты. Преслѣдовать же непріятеля, по изрѣзанной арыками мѣстности, найдено было безполезнымъ.

Въ Кунградѣ данъ былъ войскамъ 3-хъ дневный отдыхъ. Городъ Кунградъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ въ ханствѣ, съ населеніемъ до 6 тысячъ человѣкъ, представлялъ очень печальную картину. Городская стѣна и часть жилищъ были разрушены еще лѣтъ 15 тому назадъ, во время войны хивинцевъ съ туркменами, и съ тѣхъ поръ оставались не вознобновленными. Хивинскій дворецъ, въ которомъ имѣлъ пребываніе Кунградскій бекъ, или, по нашему, губернаторъ,—былъ въ совершенномъ упадкѣ. Вся его стоимость не превышала 200 руб. Уцѣлѣвшіе дома жителей были слѣплены изъ глины или сложены изъ необожженаго кирпича, выстроены по большей части въ одинъ этажъ и обращены окнами и дверями на дворъ. Улицы кривыя, узкія и немощеныя. Самая же мѣстность, на которой стоялъ городъ, весьма красивая. Большая широкая рѣка, множество проведенныхъ изъ нея каналовъ или арыковъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ по всему городу и, вдобавокъ, большіе, тѣнистые сады, дѣлали Кунградъ мѣстомъ весьма привлекательнымъ, въ особенности послѣ той мертвой пустыни, по которой шли все время наши войска.

Генералъ Веревкинъ занявъ городъ, разставилъ караулы, приказалъ разрушить ханскій дворецъ и привести въ извѣстность имущество, принадлежащее казнѣ и ханскимъ чиновникамъ. Имущества этого оказалось очень немного: только до 1000 пудовъ зерноваго хлѣба, который и былъ взятъ нами. Вскорѣ жители, бѣжавшіе изъ города, стали возвращаться и приводить для продажи быковъ и барановъ. Такимъ образомъ недостатокъ мяса для войскъ былъ пополненъ и, кромѣ того, войска

имѣли теперь въ изобиліи прѣсную воду, что уже одно въ значительной степени облегчало положеніе какъ людей, такъ и животныхъ. Жара въ это время доходила до 40°. Это такая жара, какая у насъ здѣсь случается очень рѣдко.

Во время пребыванія нашего отряда въ Кунградѣ, получено было извѣстіе о слѣдующей прискорбной участи, постигшей небольшую русскую команду, посланную на берегъ съ пароходовъ аральской флотиліи.

Аральская флотилія не могла, за неимѣніемъ топлива, подойти къ тому берегу моря, по которому шелъ Оренбургскій отрядъ, а потому и направилась къ устью Аму-Дарьи, чтобы войти въ эту рѣку. Не доходя верстъ 50 до Кунграда, наши пароходы остановились за мелководіемъ. 7 мая съ флотиліи отправлена была, подъ начальствомъ офицера, команда изъ 11-ти нижнихъ чиновъ съ приказаніемъ во 1-хъ, осмотрѣть плотину, запружающую рѣку и во 2-хъ, войти въ сношеніе съ генераломъ Веревкинымъ, который, какъ извѣстно было по маршруту, долженъ былъ въ то время находиться въ Кунградѣ.

Указать командѣ дорогу вызвался одинъ изъ кочующихъ въ тѣхъ мѣстахъ киргизовъ, по фамиліи: *Утень*. Команда отправилась съ нимъ, но назадъ уже болѣе не возвращалась; по сдѣланнымъ розыскамъ найдены были, верстахъ въ 10 отъ Кунграда, *одинадцать* обезглавленныхъ и совершенно обнаженныхъ труповъ чиновъ этой команды. Тѣла убитыхъ перевезены были въ Кунградъ, въ лагерь Оренбургскаго отряда, и преданы христіанскому погребенію; для раскрытія же всѣхъ подробностей дѣла, генераломъ Веревкинымъ немедленно назначено было строгое слѣдствіе. По разслѣдованію оказалось, что Утень, пригласивъ команду къ себѣ въ аулъ для

угощенія, тайно далъ знать объ этомъ хивинцамъ, въ то время еще находившимся въ Кунградѣ, которые не замедлили явиться и перерѣзать русскихъ. Нападеніе на команду было сдѣлано, по видимому, въ расплохъ, во время отдыха, такъ какъ тѣла убитыхъ найдены лежащими въ порядкѣ, какъ бы во время сна, на берегу рѣки, вблизи развалинъ какого-то зданія, удобнаго для обороны; между тѣмъ признаковъ борьбы около тѣлъ видно не было. Убитые люди, по донесенію командира аральской флотиліи, были вооружены ружьями и револьверами и имѣли каждый по 60 патроновъ.

Вотъ къ чему приводитъ безпечность и наше русское: *авось*. Если бы приняты были мѣры предосторожности, выставленъ былъ бы хотя одинъ часовой, то, конечно, ничего подобнаго бы не случилось. Если бы даже и напали хивинцы, то команда имѣя ружья, револьверы и по 60-ти патроновъ на человѣка, могла бы долго обороняться, тѣмъ болѣе, что находились не въ открытой степи, а вблизи зданія, которымъ бы и воспользовались для защиты. Если бы даже хивинцы многочисленностію своею и подавили эту горсть людей, то во всякомъ случаѣ побѣда-бы имъ досталось не дешево.

Безпечность со стороны начальника команды была не простительная и стоила жизни какъ ему самому, такъ и 11-ти человѣкамъ, ввѣренныхъ его надзору и попеченію.

Простоявъ въ Кунградѣ три дня, войска Оренбургскаго отряда, 12 мая, выступили снова въ походъ, на городъ Ходжейли. До Хивы оставалось около 150 верстъ. Въ Кунградѣ же, для подержанія спокойствія и охраны нашихъ сообщеній, была оставлена одна рота пѣхоты и сотня казаковъ.

На маршѣ къ городу Ходжейли, къ гн. Веревкину

явился полковникъ *Ломакинъ*, опередившій свой отрядъ, который онъ оставилъ въ Кунградѣ. Такимъ образомъ, 12 мая, Оренбургскій отрядъ вошелъ въ связь съ Мангышлакскимъ, и генералъ Веревкинъ, какъ старшій въ чинѣ, принялъ начальство надъ обоими отрядами.

Теперь будетъ кстати разсказать вамъ о томъ, какъ совершилъ походъ отрядъ полковника *Ломакина*.

Этотъ отрядъ, названный Мангышлакскимъ, потому мѣсту въ которомъ онъ формировался, численностію около 2 тыс. человѣкъ, при 6 орудіяхъ, долженъ былъ отъ береговъ Каспійскаго моря идти на соединеніе съ Оренбургскимъ отрядомъ, чтобы за одно съ нимъ дѣйствовать противу Хивы съ *сѣвера*.

Окончивъ снаряженіе отряда и имѣя для поднятія тяжестей всего только около 1000 верблюдовъ, полковникъ Ломакинъ, 14 и 15 апрѣля, выступилъ въ походъ, 3-мя эшелонами. Мѣстность, по которой надлежало идти отряду, представляла голую пустыню, вплоть до Кунграда, на разстояніи 700 верстъ. Трудность переходовъ по этой пустынѣ увеличивалась еще отъ ужасныхъ жаровъ и недостатка въ водѣ; самые же трудные переходы были въ началѣ похода и потомъ въ концѣ его. Такъ, въ началѣ похода 15, 16 и 17 апрѣля, войска должны были идти по раскаленной, песчанной пустынѣ при жарѣ въ 37°; въ пескѣ же градусникъ показывалъ 42°. Вдобавокъ, всѣ три дня дулъ невыносимый, знойный вѣтеръ, подымавшій тучи песку. Но что было всего тяжелѣе,—отрядъ, въ эти первые переходы, не встрѣтилъ на своемъ пути, на разстояніи 80 верстъ, ни одного колодца. На третій день похода, не доходя верстъ 40 до колодцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Сенекъ*, вся взятая отрядомъ съ собою вода была выпита. Пришлось посылать впередъ къ колодцамъ Сенекъ казаковъ, чтобы

привезти оттуда, на встрѣчу отряду, воду. Во время этого трехдневнаго тяжелаго перехода стали падать и приставать верблюды, только что было начавшіе поправляться послѣ зимней безкормицы, вслѣдствіе чего пришлось бросить до 150 вьюковъ.

18-го апрѣля, по приходѣ къ колодцамъ Сенекъ, войскамъ данъ былъ отдыхъ; тутъ же всѣ чины отряда надѣлали себѣ бурдюковъ, въ такомъ количествѣ, что каждая часть могла подымать на три дня воды.

Этотъ 80 верстный переходъ показалъ, что при той жарѣ, которая стояла, верблюды не въ состояніи были нести обыкновенный грузъ отъ 12 до 14 пудовъ, и что самая большая тяжесть не должна превышать 8 или 10 пудовъ на каждаго верблюда.

Пришлось снова перевьючивать верблюдовъ грузомъ почти въ половину меньшимъ, а вслѣдствіи этого пришлось уменьшить и самую численность отряда. Полковникъ Ломакинъ рѣшился продолжать движеніе къ Хивѣ, вмѣсто 12 ротъ, лишь съ 10, и не съ 6 орудіями, а съ 4-мя.

Дальнѣйшее за тѣмъ движеніе отряда, до 6 мая, было уже легче, такъ какъ на пути слѣдованія встрѣчались вездѣ колодцы, и не было такого страшнаго, удушающаго вѣтра, какъ въ первые дни пути. Жара между тѣмъ стояла почти все таже: до 35°, такъ что, имѣвшійся при отрядѣ сургучъ въ коробкахъ, сплавился въ одинъ комокъ, а стеариновыя свѣчи растаяли, и отъ нихъ остались одни только фитили.

Отрядъ шелъ по прежнему, 3 эшелонами, въ разстояніи полу-перехода одинъ отъ другаго, со всѣми военными предосторожностями. Каждый эшелонъ подходилъ къ колодцу, когда другой выступалъ съ него. Самое жаркое время дня, съ 9 часовъ и до 4 часовъ

вечера, люди отдыхали. Пища приготовлялась здоровая и хорошая; воду же на всякій случай возили съ собой, на верблюдахъ, въ количествѣ *на три, на четыре* дня.

5-го мая, при колодцахъ *Итыбай*, въ авангардѣ перваго эшелона произошла не большая стычка съ кочевавшими по близости киргизами. Подполковникъ *Скобелевъ*, командовавшій 1-мъ эшелономъ и ѣхавшій въ верстахъ 6 впереди своего авангарда, съ конвоемъ изъ 12-ти казаковъ, наткнулся на киргизскій аулъ, изъ котораго по немъ не ожиданно былъ сдѣланъ залпъ изъ ружей. Подполковникъ Скобелевъ бросился съ своимъ конвоемъ на стрѣлявшихъ киргизовъ въ шашки. Киргизы, которыхъ было до 100 человѣкъ, не выдержали натиска и обратились въ бѣгство. При этомъ нападеніи, конвоемъ подполковника Скобелева было захвачено у киргизовъ 180 верблюдовъ и до 800 пудовъ хлѣба. Когда же киргизы, опомнившись отъ страха и замѣтивъ малочисленность казаковъ, стали снова собираться, чтобы напасть на нашихъ и возвратить добычу, то, *подоспѣвшіе бѣгомъ, рота Апшеронскаго полка и взводъ Самурскаго, находившіеся до начала стычки за 6 верстъ*, недопустили киргизовъ до нападенія. Съ нашей стороны легко ранены: подполковникъ Скобелевъ, получившій, однако, шесть колотыхъ пикою и сабельныхъ ранъ; еще трое офицеровъ и два казака. Всѣ раненые дня черезъ два вполнѣ поправились и были ужъ на коняхъ. Киргизы съ своей стороны оставили 11-ть тѣлъ и, сверхъ того, имѣли еще нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которыхъ успѣли увести съ собою.

Какъ не незначительна была эта стычка, но она была важна въ томъ отношеніи, что хивинцы, не допускавшіе до сихъ поръ ни малѣйшей возможности движенія военнаго отряда съ этой стороны своихъ вла-

дѣній, убѣдились изъ происшедшей стычки, что русскія войска не только могутъ очутиться столь быстро въ ихъ предѣлахъ, но даже и бить ихъ шайки съ самыми незначительными силами. Кромѣ того, Мангышлакскій отрядъ своимъ наступленіемъ съ этой стороны, т. е. отъ *Каспійскаго моря*, отвлекъ часть хивинскихъ силъ, до 2 или 3 тыс. туркменъ и киргизовъ, направлявшихся было для защиты Кунграда, чѣмъ и далъ возможность занять этотъ городъ Оренбургскому отряду, безъ выстрѣла.

Послѣ стычки подъ Итыбаемъ, всѣ эшелоны отряда, на 6-е мая, собрались у колодцевъ *Аланъ*, близъ развалинъ древней крѣпости *Давлетъ-Гирей*. Здѣсь полковникъ Ломакинъ получилъ письмо отъ генерала Веревкина, въ которомъ генералъ Веревкинъ писалъ, чтобы полковникъ Ломакинъ шелъ на соединеніе съ нимъ, къ городу Кунграду.

Разстояніе до Кунграда было ни какъ не менѣе 250 верстъ. Чтобы попасть во время, т. е. застать тамъ войска Оренбургскаго отряда, надо было идти скоро: *форсированнымъ маршемъ*. И вотъ этотъ-то 250 верстный переходъ на г. Кунградъ, для соединенія съ войсками Оренбургскаго отряда, и былъ самымъ труднѣйшимъ. Войска, утомленныя и безъ того уже почти 500 верстнымъ переходомъ, имѣя на пути всего 5-ть дневокъ и дѣлая, среднимъ числомъ, около 30 верстъ въ сутки, — сверхъ того, были еще ослаблены, подъ конецъ пути, дурной водой, отъ которой какъ у людей, такъ и животныхъ сдѣлался поносъ.

Но не смотря на все это, усиленный переходъ до г. Кунграда, на разстояніи 250 верстъ, изъ которыхъ одинъ переходъ, въ 75 верстъ, случился опять, какъ и въ началѣ похода, вовсе безъ воды, совершенъ былъ

войсками вполнѣ блистательно: по вступленіи Мангышлакскаго отряда, 12-го мая, въ г. Кунградъ, въ мѣстномъ лазаретѣ было оставлено всего 6 человѣкъ заболѣвшихъ внутренними болѣзнями, до 20 человѣкъ съ потертыми ногами.

Велика была радость отряда когда, вступивъ въ предѣлы хивинскаго ханства, войска увидали вдали синеву, обозначающую теченіе р. Аму. Эта синева показала имъ, что недалеко осталось идти до страны населенной, обработанной и обильной водою. 12-го мая, подходя къ Кунграду, кавказцы, впервые послѣ мѣсячнаго похода, увидали, наконецъ, воду въ безчисленныхъ каналахъ, обработанныя поля и дома осѣдлыхъ жителей. Всѣ бѣдствія степнаго похода для этого отряда были кончены; одна только палящая жара оставалась по прежнему, не измѣнной.

Путь, совершенный Мангышлакскимъ отрядомъ, до того былъ труденъ, что киргизы, находившіеся при отрядѣ, вполнѣ были увѣрены, что русскія войска по немъ не пройдутъ. Они, какъ сами впослѣдствіи говорили, думали, что наши войска выступили въ походъ, только для того, чтобы построить въ какомъ нибудь ближайшемъ мѣстѣ крѣпость, а за тѣмъ, построивъ ее, уйдутъ назадъ. Таково же было убѣжденіе и хивинцевъ, чѣмъ и объясняется, что они не засыпали и не отравили, на пути слѣдованія отряда, ни однаго колодца, чѣмъ бы могли поставить войска въ самое затруднительное положеніе. До самаго вступленія въ предѣлы хивинскаго ханства, наши войска встрѣчали на своемъ пути только одиночные колодцы и при томъ, чрезвычайно глубокіе. Самая малая глубина колодцевъ была въ 10, 15 сажень, а попадались и въ 30-ть. При томъ, колодцы были такъ узки, что отверстіе ихъ не пре-

вышало $^1/_2$ аршина или $^3/_4$. Напоить людей и животныхъ изъ такихъ колодцевъ было дѣломъ чрезвычайно труднымъ. При опусканіи нѣсколькихъ ведеръ вмѣстѣ, веревки путались, ведра обрывались, и приходилось опускать людей въ колодцы, чтобы достать ведры; черезъ это добываніе воды замѣдлялось.

Чтобы напоить эшелоны, изъ 3-хъ ротъ пѣхоты, изъ глубокаго колодца, требовалось отъ 15 до 20 часовъ времени. Такимъ образомъ, сдѣлавъ большой переходъ, люди не имѣли достаточно отдыха; приходилось иногда по утрамъ подавать повѣстку къ выступленію въ то время, когда люди еще ужинали. Къ довершенію всего, вода оказывалась дурнаго качества: либо съ большою примѣсью *извести*, черезъ что вода только распаляла жажду, а не утоляла ее; либо съ большою примѣсью, такъ называемой, *глауберовой соли*, отчего страдали поносомъ не только всѣ безъ исключенія люди, но даже лошади и верблюды. А разъ, изъ одного колодца вытащили даже дохлаго барана, предавшагося сильной гнилости.

Но всѣ эти трудности и лишенія можно назвать еще *цвѣточками*, по сравненію съ тѣми бѣдствіями, которыя выпали на долю Туркестанскаго и, въ особенности, Красноводскаго отрядовъ, о походѣ которыхъ я разскажу въ слѣдующій разъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Движеніе Красноводскаго отряда. — Туркменская пустыня. — Схватка съ туркменами у колодцевъ Игды.—Страшная жара. — Недостатокъ воды. — Изнеможеніе солдатъ и невозможность дальнѣйшаго движенія.—Возвращеніе отряда въ Красноводскъ.—*Туркестанскій отрядъ.*—Его выступленіе.—Трудность пути.—Жара и песчаные ураганы.—Приходъ отряда на урочище Халъ-ата.—Постройка укрѣпленія св. Георгія.—Движеніе на урочище Адамъ-Крылганъ.—Страшная трудность пути. — Колодцы Алты-Кудукъ. — Движеніе къ урочищу Учъ-Учаку (тремъ-холмамъ). — Схватка съ хивинцами.—Выходъ Туркестанскаго отряда къ берегамъ Аму-Дарьи.

Въ прошлый разъ я разсказывалъ о походномъ движеніи Оренбургскаго и Мангышлакскаго отрядовъ. Походъ, какъ вы слышали, былъ трудный. Страшная жара, недостатокъ воды и другія лишенія, сильно затрудняли, и безъ того, не легкое движеніе войскъ, по пустынямъ. Но, какъ я сказалъ, все это были *цвѣточки*, по сравненію съ тѣми бѣдствіями, какія выпали на долю *Туркестанскаго* и, въ особенности, *Красноводскаго* отрядовъ, о которыхъ я теперь и поведу свою рѣчь.

Красноводскій отрядъ наступалъ на Хиву отъ Каспійскаго моря. Онъ былъ сформированъ изъ войскъ Кавказскаго округа.

Кавказъ находится по лѣвую (западную) сторону Каспійскаго моря, и войска, назначенныя въ Хивинскую

экспедицію, были заблаговременно перевезены моремъ на правый (восточный) берегъ.

Красноводскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ *Маркозовъ*. 19 марта, отрядъ окончательно изготовившись, выступилъ изъ *Чикишлярскаго поста* въ походъ, въ числѣ 2,200 человѣкъ при 10 орудіяхъ. Мѣстность, по которой приходилось идти отряду, на всемъ своемъ протяженіи вплоть до Хивы, на разстояніи приблизительно 900 верстъ, представляла пустыню совершенно голую, безъ всякой растительности и при томъ глубоко-песчаную.

Изъ всего Туркестана эта мѣстность, извѣстная подъ названіемъ *Туркменской пустыни*, самая худшая, можно сказать, самая ужасная. Это совершенно *мертвая страна*: ни звѣря въ ней никакого не водится, ни птицъ нѣтъ. Живутъ въ пескахъ одни только ядовитыя змѣи, ящерицы, да скорпіоны—родъ большихъ ядовитыхъ пауковъ.

А когда-то, давно только, въ старо-давнія времена, здѣсь протекала глубокая и многоводная рѣка, называвшаяся также Аму-Дарьей. Эта рѣка шла изъ Аральскаго моря вплоть до Каспійскаго, и по ней свободно можно было плыть изъ одного моря въ другое. По берегамъ этой широкой и многоводной рѣки жило много народа, стояли деревни, города, цвѣли сады, велась бойкая и обширная торговля, словомъ, кипѣла полная жизнь. Но пересохла рѣка-кормилица, и заглохла жизнь, все пропало безслѣдно. Кое-гдѣ только теперь встрѣчаются развалины каменныхъ зданій, судя по остаткамъ, зданій большихъ и хорошихъ; да мѣстами, по прежнему руслу рѣки, встрѣчаются небольшія, соляныя озёрки или плёсы, съ стоячей, вонючей и никуда не годной водой.

Вотъ что значитъ живая, бѣгучая вода: она всему даетъ жизнь. Безъ нея—смерть и запустѣніе.

Дорогъ въ этой пустынѣ, конечно, ни какихъ не было. Красноводскій отрядъ направился по высохшему руслу Аму-Дарьи или Узбою, какъ называется это русло. Отрядъ шелъ небольшими частями, въ одномъ переходѣ одна отъ другой. Люди выступали съ разсвѣтомъ и шли часовъ до 10 и 11 дня; за тѣмъ, самое жаркое время, часовъ до 4-хъ, отдыхали, а отъ 4-хъ часовъ, когда жара немного начинала спадать, шли опять уже до вечера.

Жара почти съ самаго выхода отряда въ походъ стояла сильная. Чѣмъ дальше подвигался отрядъ впередъ по этой песчаной, какъ море безбрежной и необозримой пустынѣ, тѣмъ жара становилась сильнѣй и невыносимѣй.

Верблюды, на которыхъ везли тяжести при отрядахъ, при первыхъ же переходахъ стали падать. Они отъ безкормицы были такъ слабы, что едва подымали грузъ отъ 5 до 7 пудовъ [1]).

Но до 15 апрѣля движеніе отряда шло еще благополучно: на пути попадались колодцы, люди не терпѣли недостатка въ водѣ, а потому и шли бодро. Къ этому времени, т. е. къ 15 апрѣля, войсками Красноводскаго отряда была пройдена почти половина всего разстоянія до Хивы, и отрядъ приближался къ колодцамъ, называемымъ *Игды*, гдѣ, по собраннымъ свѣденіямъ, находилось большое скопище туркменъ, ожидавшее приближенія нашихъ войскъ, чтобы напасть на нихъ.

Туркмены—кочевое населеніе той мѣстности по ко-

---

[1]) Обыкновенно же верблюдовъ вьючатъ отъ 16 до 18 пудовъ.

торой шелъ Красноводскій отрядъ. Они собрались чтобы идти на помощь хивинскому Хану; но прежде чѣмъ идти въ Хиву, захотѣли помѣряться силами съ русскими и попытать счастья—не удастся-ли имъ разбить русскія войска? Эти туркмены изъ всѣхъ степныхъ кочевниковъ самые воинственные, жестокіе и отважные. Владѣя хорошо оружіемъ и имѣя при томъ превосходныхъ, по своей легкости и быстрому бѣгу, коней, они дѣйствительно могли бы оказать сильное сопротивленіе нашимъ войскамъ, если бы умѣли дѣйствовать единодушно, а главное, если бы имѣли хорошихъ военачальниковъ. Но ни того, ни другаго у нихъ не было.

Полковникъ Маркозовъ, узнавъ о сборѣ этихъ степныхъ разбойниковъ, приказалъ одному изъ полковъ—казачьему, взять, имѣвшуюся при отрядѣ, ракетную батарею и идти къ колодцамъ Игды, гдѣ и разогнать собравшееся скопище разбойниковъ. Надо вамъ сказать, что этотъ казачій полкъ былъ составленъ изъ такихъ лихихъ сотенъ, которые даже и на Кавказѣ-то, въ войнѣ съ горцами, своей храбростью и отвагою не разъ наводили страхъ на непріятеля и были для него грозой.

Казаки только и ждали, чтобы поскорѣе въ дѣло пойти: скучно вѣдь безъ дѣла. Война, а непріятеля и не видишь. Воюй себѣ съ песками сыпучими, да съ жарою лютою.

Получивъ приказаніе, казачій полкъ опередилъ отрядъ и пошелъ по направленію къ колодцамъ Игды, ускореннымъ маршемъ. До колодцевъ Игды оставалось еще верстъ 70. Этотъ переходецъ казаки прошли въ одни сутки. На другой день, послѣ ночлега, чуть только стала зорька въ небѣ заниматься, казаки подошли къ колодцамъ Игды. Тотчасъ же одна часть полка пущена была въ атаку на колодцы. Собравшіеся тамъ туркмены

встрѣтили казаковъ выстрѣлами изъ ружей и стрѣлами. Но такими пустяками казаковъ остановить, конечно, было нельзя. Быстро выстроивъ фронтъ, казаки дали по разбойникамъ дружный залпъ и за тѣмъ кинулись въ шашки. Не успѣли туркмены опомниться, какъ казаки уже врѣзались въ ихъ нестройное скопище и пошли рубить направо и на лѣво.

Видя, что съ русскими шутки плохія, туркмены бросились было на утекъ, но не тутъ-то было: казаки увязались за ними въ погоню и, не смотря на то, что наканунѣ прошли 70 верстъ, не отставали отъ туркменъ и преслѣдовали ихъ почти вплоть до вечера, на разстояніи 50 верстъ. Это лихое преслѣдованіе происходило во время страшной жары, по глубокимъ пескамъ, и при томъ, какъ сами казаки, такъ и ихъ лошади терпѣли сильную жажду.

Дѣло подъ Игдами кончилось тѣмъ, что казаки забрали въ плѣнъ до 500 разбойниковъ, да человѣкъ 50 подобрано было раненыхъ и убитыхъ. Это число подобраныхъ всего лучше показываетъ до какой степени туркмены торопились уйдти отъ казаковъ и какимъ они объяты были страхомъ. У туркменъ, также какъ у хивинцевъ и другихъ степныхъ народовъ, считается величайшимъ срамомъ, оставлять своихъ раненыхъ и убитыхъ на полѣ битвы. Во что-бы то ни стало, они стараются увезсти съ собою павшихъ въ бою. А здѣсь они отступили отъ этого кореннаго своего обычая и не увезли павшихъ, стало быть, преслѣдованіе казаковъ было очень горячее.

Кромѣ плѣнныхъ людей, казаки въ этомъ дѣлѣ отбили отъ непріятеля 1000 штукъ верблюдовъ, до 5 тысячь барановъ и много разнаго оружія. Отбитый скотъ былъ для нашего отряда очень кстати, такъ

какъ, вслѣдствіе трудности похода, у насъ и барановъ и верблюдовъ много погибло.

Дѣло у колодцевъ Игды происходило 16 апрѣля, а на другой день, на разсвѣтѣ, подошли къ колодцамъ и остальныя войска Красноводскаго отряда.

Между тѣмъ, съ 16 апрѣля, жара стала значительно усиливаться. Становилось очень ужъ тяжко. Отъ колодцевъ же Игды, какъ было извѣстно изъ разспросовъ, начинался безводный путь. Этотъ безводный путь шелъ сначала, на разстояніи 75 верстъ, до колодцевъ *Орта-куй*; а потомъ отъ этихъ колодцевъ вплоть до Хивы, на разстояніи болѣе 200 верстъ. На этомъ послѣднемъ разстояніи, какъ разсказывали проводники, имѣлось всего только *два* колодца.

На колодцахъ Игды воды было достаточно, такъ что отрядъ и напился вволю и запасся водою въ путь, наливъ сполна всю посуду и всѣ, имѣвшіеся при отрядѣ, бурдюки т. е. коженные мѣшки для воды.

На другой день, 18-го апрѣля, назначено было выступленіе отряда въ безводный походъ, на колодцы Орта-куй.

Путь отъ Игды на колодцы Орта-куй шелъ по мѣстности мало того, что песчаной, но еще пересѣченной высокими, песчанными холмами, называемыми, по тамошнему: *барханами*.

Барханы эти имѣли весьма крутые подъемы и спуски, до крайности затруднявшіе движеніе войска, особенно же артиллерію.

Не смотря однако на такую мѣстность и на палящую жару, отрядъ въ первый день отошелъ отъ колодцевъ Игды 25 верстъ [1]) и къ вечеру остановился на ночлегъ.

---

[1]) Пройденное разстояніе измѣрялось цѣпью, привязанной къ колесу орудія.

Этотъ переходъ былъ очень тяжелъ. Люди были сильно утомлены и выпили всю воду, полученную ими утромъ, но необыкновенной жажды тѣмъ однако нисколько не утолили. Пить хотѣлось по прежнему сильно. Жажду въ сильную жару трудно утолить водой; для этого надо выпить огромное ея количество.

Самое же лучшее средство для утоленія жажды—это выпить, если возможно, *горячаго чая*. Ни что не утоляетъ такъ хорошо жажду, какъ чай. Водку же или спиртъ, ни подъ какимъ видомъ, не слѣдуетъ пить во время жары. Отъ водки хотя сначала и чувствуется бодрость, но зато черезъ самый короткій промежутокъ времени силы оставляютъ совсѣмъ, и съ выпившимъ тогда легко можетъ приключиться *солнечный ударъ;* а солнечный ударъ или убиваетъ человѣка прямо на мѣстѣ, какъ молнія, или же совершенно ошеломляетъ, отуманиваетъ голову, и человѣкъ впадаетъ въ безчувственное состояніе, кончающееся также смертію, если не будетъ подана скорая медицинская помощь.

Такъ вотъ, хотя солдаты и выпили всю воду, выданную имъ, но жажды не утолили. Между тѣмъ, оказалось необходимымъ, взятую съ отрядомъ воду беречь и расходовать какъ можно меньше, потому что, вслѣдствіе чрезвычайнаго зноя и необыкновенной сухости воздуха, вода изъ посуды сильно убывала. 5-ти ведерные боченки, сполна налитые у колодцевъ Игды, къ вечеру же перваго дня заключали въ себѣ воды не болѣе $3^1/_2$ ведеръ. Это непредвиденное обстоятельство сразу уменьшило количество взятой отрядомъ воды почти на одну треть.

Настала ночь, но вслѣдствіе страшной духоты, стоявшей въ воздухѣ, даже и ночь не принесла замѣтнаго облегченія людямъ.

Съ разсвѣтомъ, 19-го апрѣля, отрядъ выступилъ далѣе

въ походъ, на колодцы Орта-куй, и на 5 верстѣ отъ ночлега былъ обогнанъ казаками, съ которыми отправлялся впередъ начальникъ отряда. Съ этимъ передовымъ каваллерiйскимъ отрядомъ, полковникъ Маркозовъ хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть колодцевъ Орта-куй, а потому и приказано было казакамъ взять отъ пѣхоты лопаты, на случай, если бы пришлось отрывать колодцы въ Орта-куй, чтобы выслать на встрѣчу отряду хотя небольшое количество воды.

19-го апрѣля день былъ еще жарче, чѣмъ наканунѣ. Показавшееся на небѣ солнце, сразу обдало жаромъ и предвѣщало зной до тѣхъ поръ еще не испытанный. И дѣйствительно, пѣхота выбиваясь изъ силъ, едва была въ состоянiи сдѣлать переходъ въ 12 верстъ, а казаки, обогнавшiе утромъ пѣхоту, сдѣлали только 25 верстъ, и то съ трудомъ: люди были утомлены до крайности, лошади едва волокли ноги. Многiе казаки должны были вести коней въ поводу. Сотни растянулись на 10 верстъ. На привалѣ, которой былъ данъ кавалерiи около 11 часовъ утра, градусникъ, имѣвшiй 55-ть дѣленiй, показывалъ 52 градуса, и, наконецъ, около полудня отъ жары лопнулъ совсѣмъ.

Въ первомъ моемъ чтенiи, я приводилъ въ примѣръ той страшной жары, которая бываетъ въ хивинскихъ пустыняхъ,—жарко натопленную баню. Лучшего примѣра, для поясненiя вамъ силы жара, я и теперь не могу подыскать.

Такую жару, которую испытывали войска Красноводскаго отряда, когда у нихъ градусникъ, имѣвшiй 55 дѣленiй, не выдержалъ и лопнулъ, можно только испытать, если взойдешь на полокъ въ жарко-натопленой банѣ. Въ торговыхъ баняхъ, на полкѣ, при самомъ сильнѣйшемъ жарѣ не бываетъ никогда болѣе 60°. Здѣсь

въ походѣ было тоже около этого. Песокъ раскалялся до того, что по немъ горячо было ступать даже и въ обуви, а если бы положить въ него яйцо, то оно, въ теченіи двухъ, трехъ минутъ, сварилось бы въ густую. И при такой-то ужасающей жарѣ приходилось идти, по страшно-накаленному песку, въ одеждѣ, въ походной боевой амуниціи, съ ружьемъ и мѣшкомъ съ полной походной укладкой.

Съ привала, на которомъ была остановлена кавалерія, до колодцевъ Орта-куй оставалось сдѣлать, какъ разсчитывали, верстъ 15 или 25-ть. Съ точностію разстояніе не было извѣстно. При этомъ нужно было торопиться пройти этотъ путь, потому что вода, бывшая при казакахъ, собственно для людей, почти вся была израсходована. Въ 4 часа дня, при нестерпимомъ знoѣ, казаки тронулись въ путь на колодцы Орта-куй. Высокіе, песчаные бугры смѣнились холмами еще болѣе высокими и съ болѣе крутыми скатами, состоящими изъ самой тончайшей и раскаленной известковой пыли, въ которой люди и лошади увязали по колѣна. Такъ какъ въ воздухѣ стояла совершенная тишь, не было ни малѣйшаго вѣтерка, то извѣстковая пыль эта стояла неподвижно, затрудняя дыханіе и покрывая толстымъ слоемъ истомленныхъ людей и лошадей. Положеніе казаковъ съ каждымъ шагомъ впередъ становилось хуже и хуже: лошади падали на каждомъ шагу и съ трудомъ подымались; утомленіе людей достигло крайнихъ предѣловъ, такъ что нѣкоторые изъ казаковъ, не будучи въ состояніи удержаться въ сѣдлѣ, падали въ изнеможеніи съ коней; шедшіе же пѣшкомъ не могли слѣдовать далѣе. Пришлось прибѣгать къ медицинской помощи для подкрѣпленія болѣе слабыхъ. Но не смотря на поданную помощь, около 8 часовъ вечера пришлось

оставить на мѣстѣ нѣсколько офицеровъ, съ порученіемъ подобрать отставшихъ и ослабѣвшихъ.

Наконецъ, въ 12-ть часовъ, въ глубокую ночь, невыносимую по духотѣ, когда пройдено было, по всей вѣроятности, значительно болѣе 30 верстъ отъ привала, слѣдовательно отъ колодцевъ Игды болѣе 80 вер., а между тѣмъ колодцевъ Орта-куй, къ которымъ шли,— все еще не было, полковникъ Маркозовъ остановилъ изнемогшихъ отъ усталости казаковъ; большая часть изъ нихъ еле въ состояніи была двигаться, а многіе съ трудомъ лишь могли говорить. Такъ какъ проводники, бывшіе при отрядѣ, объявили, что вслѣдствіе ночной темноты они не увѣрены въ томъ, что ведутъ казаковъ *куда слѣдуетъ*, т. е. къ колодцамъ Орта-куй, то было рѣшено произвести поискъ; когда отрядъ остановился, то по направленію къ колодцамъ были посланы *трое*, одинъ нашъ фейерверкеръ, говорившій по татарски, и двое туркменъ проводниковъ.

Прошло 3 часа въ тяжеломъ, томительномъ ожиданіи посланныхъ: они не возвращались. Отрядъ по прежнему оставался въ неизвѣстности относительно взятаго направленія и не зналъ, гдѣ находятся колодцы Орта-куй, къ которымъ онъ шелъ. Идти вслѣдъ за посланными, для отысканія колодцевъ, въ ночное время, съ сильно истомленными людьми и лошадьми, было весьма опасно: можно было окончательно сбиться и заблудившись въ пустынѣ, остаться тамъ на вѣки, т. е. *погибнуть*.

Но и оставаться на мѣстѣ также было опасно: не было ни капли воды, и взять ее было не откуда. Надо было выйдти изъ такого отчаяннаго положенія. Малѣйшее промедленіе могло стоить жизни всѣмъ, бывшимъ въ этомъ передовомъ кавалерійскомъ отрядѣ. Рѣшено

было возвратиться назадъ, на встрѣчу шедшему сзади главному отряду, въ разсчетѣ найти у него воду для истомленной жаждой кавалеріи.

Въ эту же ночь, казаки, съ трудомъ поднявшись съ мѣста своей стоянки, двинулись назадъ. До наступленія разсвѣта, изнуренные казаки еще могли двигаться, сохраняя нѣкоторый порядокъ, но съ первыми лучами солнца наступилъ такой страшный зной, что превосходилъ даже бывшій наканунѣ.

Обезсилевшіе казаки впали въ полное изнуреніе: отрядъ растянулся и еле—еле подвигался; многіе обезконились, т. е. лишились лошадей и едва плелись пѣшкомъ; другіе, едва держась на ногахъ, вели своихъ изнуренныхъ коней въ поводу; люди падали въ изнеможеніи на каждомъ шагу, при чемъ многіе почти совершенно въ безчувственномъ состояніи.

Но вотъ, около 10 часовъ утра, въ виду изнемогавшей кавалеріи, показался транспортъ съ водою, въ числѣ десяти вьюковъ, высланный отъ главнаго отряда. Полковникъ Маркозовъ, для сохраненія порядка, самъ сталъ раздавать воду, умиравшимъ отъ жажды людямъ. Но и вода, сама по себѣ весьма дурнаго качества и къ тому же почти горячая, помогла немного; казаки едва были въ состояніи подвигаться на встрѣчу главному отряду.

Въ то же время и войска главнаго отряда находились не въ лучшемъ положеніи: выступивъ съ ночлега. 20-го апрѣля, на колодцы Орта-куй и пройдя всего 6 или 7-мь верстъ, они въ 7-мь часовъ утра должны были остановиться. Люди были въ полномъ изнеможеніи, страдая отъ неутолимой жажды. Къ 3-мъ часамъ пополудни весь запасъ воды былъ израсходованъ. Гибель верблюдовъ и барановъ была громадная.

Къ счастію и спасенію всѣхъ, разъѣздъ изъ казаковъ — охотниковъ, высланный на розыскъ колодцевъ, нашелъ, въ 15 верстахъ отъ мѣста привала, колодцы, но не Орта-куй, а другіе. Они оказались не засыпаными и вдобавокъ съ хорошей водой.

Тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе о подвозѣ изъ этихъ колодцевъ воды, а кто въ силахъ былъ еще двигаться,—тѣ были направлены на эти колодцы.

Привезенная изъ найденныхъ колодцевъ вода нѣсколько освѣжила людей. На слѣдующій день, 21-го апрѣля, около 5 часовъ утра, войска были подняты для движенія къ этимъ колодцамъ; при подъемѣ изнуренныхъ войскъ, около часа было употреблено на сборъ разбредшихся верблюдовъ, которые, по недостатку погонщиковъ и крайнему истомленію людей, — не были загнаны по принятому порядку, въ лагерь.

Собравъ верблюдовъ, отрядъ тронулся въ путь и около 9 часовъ утра достигъ колодцевъ, оставивъ на пути болѣе *ста* человѣкъ отсталыми, не имѣвшими уже силъ идти впередъ. На пути встрѣчалось много труповъ, павшихъ наканунѣ казацкихъ лошадей.

При прибытіи къ колодцамъ немедленно была произведена перекличка казакамъ. Не оказалось на лицо 15 человѣкъ, за которыми и были посланы, по направленію къ колодцамъ Орта-куй, 15 верблюдовъ, съ туркменскими проводниками, съ конвоемъ изъ 20 человѣкъ, посаженныхъ на верблюдовъ, съ бурдюками воды и разными лекарственными припасами. Къ вечеру посланные воротились назадъ, привезя съ собою только 11 казаковъ, найденныхъ на дорогѣ, почти въ безчувственномъ состояніи.

Въ это же время воротились къ отряду и тѣ *три человѣка*, которые были посланы въ тяжкую ночь, съ

19 на 20-ое апрѣля, къ колодцамъ Орта-куй. По ихъ разсказамъ до колодцевъ Орта-куй, отъ послѣдняго мѣста остановки казачьяго отряда, оставалось не болѣе *десяти* верстъ. Колодцы не были засыпаны и воды въ нихъ было достаточно; при этомъ они сообщили, что на обратномъ пути нашли 4-хъ изнуренныхъ казаковъ, лежавшихъ на пескѣ, которымъ они дали воды и хлѣба, но взять съ собою не могли, такъ какъ не имѣли силъ ни нести ихъ на себѣ, ни посадить на изнуренныхъ своихъ лошадей.

За этими 4 казаками были посланы снова верблюды съ провожатыми. На другой день люди эти были найдены и привезены въ лагерь, въ совершенно безчувственномъ состоянiи, истомленные жаждой и пораженные солнечнымъ ударомъ.

Весь день, 21-го апрѣля, прошелъ въ поданiи помощи людямъ, въ значительномъ числѣ пораженнымъ солнечнымъ ударомъ, совершенно изнуреннымъ и потерявшимъ силы. Люди были изнурены еще и потому, что въ теченiи послѣднихъ 4-хъ дней, вслѣдствiе неимовѣрной жары лишены были *аппетита*, т. е. *всякаго желанiя, что нибудь ѣсть.*

До чего сильно дѣйствовала жара и до чего она разслабляла, можно видѣть изъ того, что даже въ сторожевой цѣпи, которая разставлена была кругомъ бивака, на случай нападенiя непрiятеля, люди съ трудомъ могли стоять на постахъ; часовые смѣнялись весьма часто и, для утоленiя жажды, на каждую пару часовыхъ выставлено было по боченку воды.

Положенiе вообще всего отряда было отчаянное и опасное; множество верблюдовъ пало; порцiонный скотъ, т. е. бараны большею частiю погибли; строевыхъ казачьихъ лошадей пало 86 штукъ. Около 100 человѣкъ

казаковъ и болѣе 100 пѣхотинцевъ совершенно потеряли силы и поражены были, хотя и не смертельно, солнечнымъ ударомъ.

До Хивы же оставалось, по самому малому разсчету, никакъ не менѣе *300 верстъ, и изъ этого числа 200 верстъ совершенно безводнаго пространства.*

Такъ какъ далѣе идти по пустынѣ не представлялось ни какой возможности, то отряду и приказано было вернуться назадъ, въ г. Красноводскъ.

При движеніи отряда назадъ его тревожили, почти во все время пути, туркмены, такъ что приходилось открывать по нимъ огонь.

Такъ окончился для Красноводскаго отряда хивинскій походъ.

Хотя Красноводскій отрядъ и не дошелъ до Хивы, тѣмъ не менѣе польза отъ его движенія была та, что онъ удержалъ многочисленныхъ и воинственныхъ туркменъ отъ помощи, которую они собирались оказать хивинскому хану.

Теперь я разскажу вамъ о походѣ *туркестанскаго отряда.*

Туркестанскій отрядъ долженъ былъ дѣйствовать противу Хивы съ *востока*. Войска этого отряда выступили въ походъ двумя колоннами: изъ *Казалинска* и *Джизака*. На походѣ обѣ колоны должны были соединиться и идти на Хиву вмѣстѣ.

Въ обѣихъ колоннахъ въ строю находилось до 5 съ половиною тысячъ человѣкъ, включая и части, которыя предполагалось оставить на пути въ нѣкоторыхъ опорныхъ пунктахъ. Артиллеріи при обѣихъ колоннахъ было 20 орудій, въ томъ числѣ 2 картечницы и 8 ракетныхъ станковъ.

При Джизакской колоннѣ находился главный началь-

никъ всѣхъ войскъ, выступившихъ въ хивинскій походъ, Его Высокопревосходительство, генералъ-адъютантъ, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ 1-й, и Его Императорское Высочество, герцогъ Евгеній Максимильяновичъ *Лейхтенбергскій*; а при Казалинской колоннѣ изволилъ слѣдовать Его Императорское Высочество, Великій Князь, Николай Константиновичъ.

Снаряженіе отряда въ походъ было такое же какъ и Оренбургскаго. Точно также войска снабжены были всѣми необходимыми вещами, продовольствіемъ и фуражемъ на два съ половиною мѣсяца. Для поднятія всѣхъ отрядныхъ тяжестей потребовалось также, какъ и въ Оренбургскомъ отрядѣ огромное число верблюдовъ: 8,800 штукъ, которые и были наняты у жителей за помѣсячную плату. Верблюды были слабосильны отъ безкормицы и подымали не болѣе 12 пудовъ груза каждый

Обѣ колонны выступили въ походъ, изъ мѣстъ своего квартированія, въ началѣ марта.

Войскамъ Туркестанскаго отряда предстояло пройти до Хивы около 800 верстъ;—Казалинской же колоннѣ болѣе 1000, и при томъ обѣимъ колоннамъ имѣть переправу черезъ глубокую и широкую рѣку Аму-Дарью.

Мѣстность, по которой приходилось двигаться войскамъ Туркестанскаго отряда, отличалась своимъ разнообразіемъ отъ той, по которой шли другіе отряды. На пути слѣдованія Туркестанскаго отряда, не все были пески, а попадались и горы; встрѣчались мѣста каменистыя и глинистыя; войскамъ приходилось переходить черезъ горы, которыя хотя и не были особенно высоки, но вслѣдствіе крутизны скатовъ, представляли немаловажныя затрудненія для движенія вьючнаго обоза и артиллеріи. Приходилось проходить и ущельями, изъ которыхъ одно было до 12 слишкомъ верстъ длиною. Встрѣ-

чались также и *солончаки*, т. е. высохшія соленыя озера, которыя издали походили на мѣста, какъ-бы покрытыя снѣгомъ: *это была сухая соль.* Вода, когда-то бывшая въ озерахъ и содержавшая въ себѣ соль, вся высохла, испарилась, — а соль осталась. Затѣмъ, попадались мѣста покрытыя и травой, что давало возможность хотя немного подкармливаться, какъ лошадямъ, такъ и верблюдамъ. Попадались и деревья, называемыя, по тамошнему, *саксаулъ.* Далѣе на пути слѣдованія Туркестанскаго отряда лежали уже совершенно голые, сыпучіе пески ни въ чемъ не уступавшіе, только что описанной мною, *туркменской* пустыни и также, какъ названная пустыня, — безводные. Эти пески шли на разстояніи 120 верстъ, вплоть до береговъ р. Аму-Дарьи.

Войска выступили въ походъ, какъ я сказалъ, въ началѣ марта. Погода вначалѣ стояла на столько холодная, что во время первыхъ переходовъ, случались довольно сильные морозы, въ особенности въ мѣстности, по которой двигались войска Казалинской колонны. Кромѣ холода, дулъ еще постоянно сильный, порывистый вѣтеръ, шелъ снѣгъ, градъ, и лилъ почти не переставая дождь. Земля размокла, на бѣду еще грунтъ былъ глинистый, и глина огромными комьями прилипала къ ногамъ, затрудняя движеніе. Верблюды при первыхъ же переходахъ стали падать, но люди переносили походъ хорошо, больныхъ было не много. Войлочныя палатки, выданныя въ войска передъ выступленіемъ въ походъ, много облегчали положеніе людей, давая возможность, во время остановокъ т. е. дневокъ и ночлеговъ, укрываться людямъ отъ непогоды.

Въ началѣ апрѣля погода однако перемѣнилась: холодъ и дожди быстро смѣнились жарой, и весна такимъ

образомъ кончилась. Въ мѣстности, по которой проходилъ Оренбургскій отрядъ, если вы вспомните, было тоже самое: быстрый переходъ отъ морозовъ и холода къ сильной жарѣ. Такіе быстрые переходы, какъ я вамъ объяснялъ, есть свойство степнаго климата, его особенность. Къ 11-му апрѣля жара доходила уже до 29°, въ тѣни. Для облегченія движенія войскъ и уменьшенія вреднаго вліянія жары, войска выступали теперь съ ночлеговъ около 5-ти часовъ утра. Обыкновенно будили людей въ 3 часа утра. Въ теченіи 2-хъ часовъ до выступленія люди варили себѣ чай, затѣмъ навьючивали верблюдовъ и на разсвѣтѣ пускались въ путь. Но кромѣ увеличивающейся со дня на день жары, войскамъ приходилось испытывать и другое важное неудобство: это жестокіе вихри съ песчаными ураганами или мятелями, которые бушевали почти не переставая и день и ночь.

Подвигаясь впередъ, войска Джизакской колонны, при которой находился, какъ я упоминалъ, главный начальникъ войскъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, 21-го апрѣля, — достигли урочища, называемаго *Халъ-ата*, находящагося въ 120 верстахъ отъ берега р. Аму-Дарьи.

Урочище Халъ-ата лежитъ на плоской возвышенности, окруженной со всѣхъ сторонъ не высокими горами, которыя, однако, этой возвышенности не закрываютъ и даютъ поэтому полный просторъ на ней вѣтру. Такъ какъ въ этомъ урочищѣ найдено было много воды, какъ колодезной, такъ и ключевой и, сверхъ того, мѣстность по своему возвышенному положенію была удобна для постройки укрѣпленія, то генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ и приказалъ устроить здѣсь небольшое временное укрѣпленіе для склада провіанта, при которомъ долженъ былъ остаться и небольшой отрядъ войска.

23 апрѣля, въ день Св. Георгія, приступлено было къ закладкѣ, перваго въ этихъ мѣстахъ, русскаго укрѣпленія, названнаго *Георгіевскимъ*.

Между тѣмъ жара и вѣтеръ, съ приходомъ нашихъ войскъ на урочищѣ *Халъ-ата*, усиливались все болѣе и болѣе. Солнце было во всемъ блескѣ и жгло страшно. Не смотря на то, что люди постоянно были въ кепи съ бѣлыми чехлами и назатыльниками, рѣдко у кого не было пузырей и волдырей на шеѣ. А про лица и говорить нечего: они были, какъ говорится, словно печеное яблоко. Вѣтеръ, вздымавшій громадныя тучи песку, затмѣвавшія собою солнце, казался горячимъ и обжигалъ лицо. Въ первый же день прихода Джизакской колонны на Халъ-ата, разразилась такая песчаная мятель, которой наши войска никогда и не видывали. „Какъ только колонна пришла на Халъ-ата", —разсказываетъ одинъ изъ офицеровъ, дѣлавшій этотъ походъ, полковникъ Колокольцевъ,—„вѣтеръ сталъ дуть сильнѣе, чаще, и наконецъ, началъ вздымать такъ сильно песокъ, что къ 5 часу пополудни, солнце померкло, и образовалась какая-то песчаная тьма. Невозможно было хорошенько различить ни одного предмета, ни палатки, ни человѣка, все было занесено вихремъ песку. Въ 8 часовъ вечера вѣтеръ ослабѣлъ, не вздымалъ болѣе столбами песокъ, но продолжалъ его сыпать такъ, какъ мороситъ мелкій дождь въ пасмурную погоду, на всѣхъ и на все безостановочно, во всю ночь. Проснувшись на другой день, я былъ пораженъ небывалымъ для меня зрѣлищемъ: не говоря уже о палаткѣ моей снаружи, но я самъ, моя кровать, столикъ, вьючныя ящики, все безъ исключенія было засыпано толстымъ слоемъ песку".

И такая-то погода стояла почти во все время пре-

быванія Туркестанскаго отряда на этихъ колодцахъ, вплоть до 29 апрѣля, т. е. *болѣе недѣли*. На нѣсколько часовъ вѣтеръ стихалъ, потомъ поднимался снова, и снова жестокій, песчаный ураганъ бушевалъ на стѣпномъ просторѣ. Не смотря, однако, на такую несносную погоду, устройство укрѣпленія шло своимъ чередомъ.

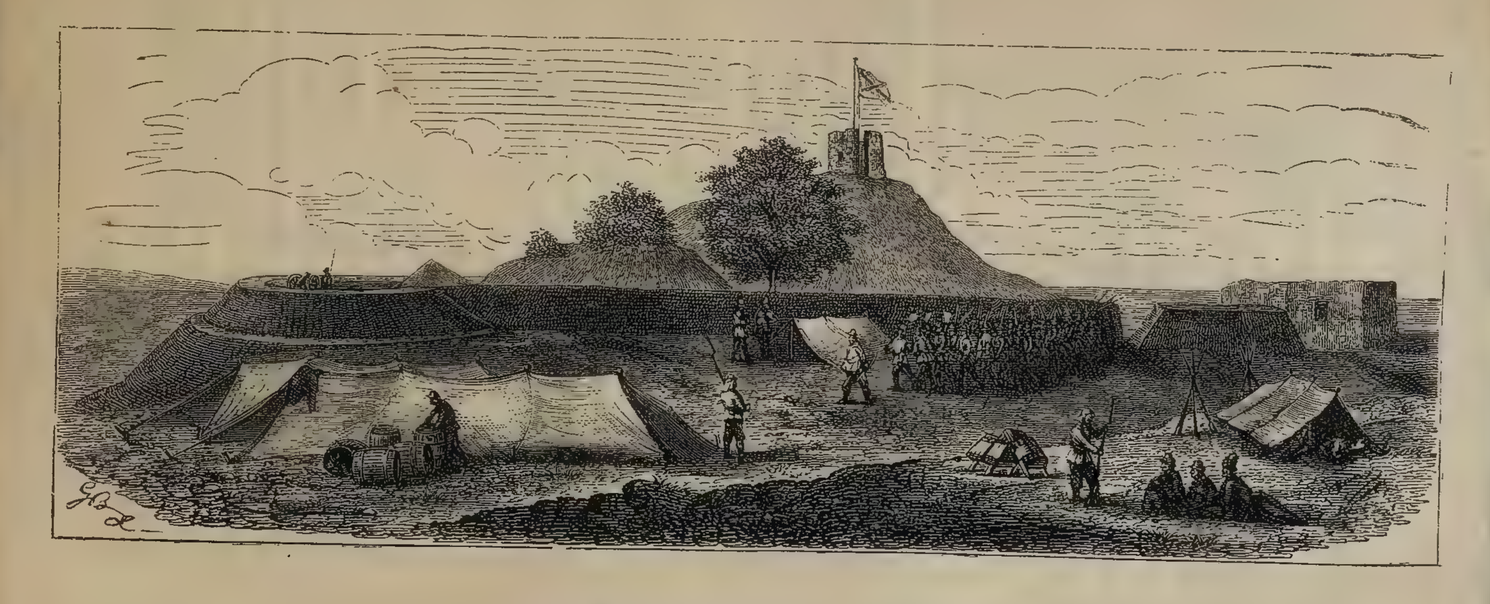
Командующій войсками, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, ежедневно, по нѣскольку разъ, обходилъ весь громадный лагерь отряда и осматривалъ всѣ работы по взводимому укрѣпленію.

24 апрѣля, на урочище Халъ-ата, прибыла и Казалинская колонна, такимъ образомъ, въ этотъ день всѣ войска Туркестанскаго отряда соединились.

Между тѣмъ, сильнѣйшіе вихри и ураганы не прекращались. По приходѣ Казалинской колонны на Халъ-ата, ночью разразилась опять страшная буря, сопровождаемая по обыкновенію ужасной песчаною метелью. Много палатокъ, въ томъ числѣ и столовую командующаго войсками, сорвало. Описывая пребыванія войскъ на этомъ урочищѣ, полковникъ Колокольцевъ говоритъ: „Я готовъ поручиться, что ни единый человѣкъ, который только находится на мало-мальски житейски устроенной землѣ, не повѣритъ, да и не въ состояніи себѣ представить того положенія, въ какомъ мы находимся здѣсь.

Съ самаго прихода нашего на Халъ-ата, ни минуты человѣческаго положенія. День и ночь хаосъ, день и ночь свѣтопреставленіе, безъ отдыха и безъ промежутковъ.

Сегодня ураганъ валяетъ всю степь и насъ такъ, что нѣтъ словъ выразить. Столовую командующаго войсками такъ и не могли поставить... Я едва добрался до моей палатки и хотя уже свыкся, но все таки ужас-

Укрѣпленіе Святаго Георгія.

нулся: все засыпано пескомъ; сама палатка безостановочно трепещетъ, какъ какое-нибудь живое существо. Нѣтъ возможности ни прилечь, ни заснуть; гулъ свирѣпствующаго вѣтра, отвратительный крикъ верблюдовъ, поминутное ржаніе лошадей, все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствуетъ на душу ужасно непріятно...... Кажется нѣтъ возможности ни одному существу свыкнуться съ этою злою природою. Эта мѣстность, жилье вѣтра, какъ какого-нибудь злаго духа, который изгоняетъ отъ себя не только человѣка, но даже и всякую тварь“.

Но не смотря ни на страшные вихри, ни на ужасную жару, укрѣпленіе, которое строили наши войска, къ 26 апрѣля было окончено. Въ этотъ день войска выстроились въ укрѣпленіи для молебствія. На укрѣпленіи развѣвался русскій флагъ. Командующій войсками прибылъ въ крѣпость къ 7 часамъ утра, отслужилъ молебенъ съ водосвятіемъ, послѣ чего приказалъ салютовать изъ орудій, поставленныхъ въ крѣпости, и за тѣмъ пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Укрѣпленіе получило названіе, какъ я говорилъ, *Георгіевскаго.* На время похода, въ немъ предполагалось оставить одну роту пѣхоты, полусотню казаковъ и 2 орудія. Со всѣми же остальными войсками предположено было, черезъ нѣсколько дней, выступить въ дальнѣйшій походъ, къ берегамъ р. Аму-Дарьи.

Разстояніе отъ урочища Халъ-ата до береговъ р. Аму-Дарьи было въ 120 верстъ. Изъ этого числа 40 верстъ безводнаго пути до колодцевъ, называемыхъ *Адамъ-Крылганъ*, и отъ этихъ колодцевъ до береговъ Аму-Дарьи, остальные 80 верстъ такого же безводнаго пространства. У самыхъ береговъ Аму-Дарьи, какъ носились слухи, у высокихъ и обширныхъ песча-

ныхъ холмовъ, называемыхъ *Учъ-Учакъ* (три холма), дожидался нашихъ войскъ непріятель, въ количествѣ 4-хъ тысячъ человѣкъ. Туркмены и хивинцы, собравшіеся у трехъ холмовъ, разсчитывали, какъ видно на тó, что русскія войска, истомленныя и обезсиленныя 80 верстнымъ безводнымъ переходомъ, не въ состояніи будутъ защищаться и отдадутся имъ живьемъ въ руки; но этимъ надеждамъ, какъ увидимъ далѣе, не суждено было сбыться.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, выслалъ 27 апрѣля, на урочище Адамъ-Крылганъ, передовой отрядъ съ тѣмъ, чтобы этотъ отрядъ накопалъ тамъ какъ можно больше колодцевъ; за тѣмъ получивъ донесеніе, что колодцы готовы, командующій войсками, въ ночь на 30 апрѣля, выступилъ на Адамъ-Крылганъ, со всѣми войсками, за исключеніемъ гарнизона, оставленнаго въ крѣпости Св. Георгія.

Сорока-верстный, безводный переходъ до колодцевъ Адамъ-Крылганъ былъ весьма труденъ. Весь путь пролегалъ по глубокимъ, сыпучимъ пескамъ; послѣднія же 16—17 верстъ пришлось идти все время подымаясь въ гору съ одного бархана на другой. Не смотря однако на трудность пути и палящій зной, отрядъ въ тотъ же день, около 10 часовъ вечера, благополучно добрался до колодцевъ Адамъ-Крылганъ.

Мѣстность на этомъ урочищѣ представляла совершенно особенный видъ, еще не встрѣчавшійся на пути отряда. Колодцы около которыхъ отрядъ расположился находились среди большихъ, высокихъ холмовъ, глубокаго, сыпучаго *бѣлаго песка* (Акъ-кумъ), безъ всякой растительности. Холмы эти или барханы, занимая большое пространство и высоко подымаясь, представляли собою, какъ-бы природою нагроможденную крѣпость.

Войска размѣстились въ лощинахъ между холмами, и только часовые стояли на холмахъ.

Войска, утомленныя сорока-верстнымъ переходомъ, скоро заснули. Ночь однако не прошла спокойно; наразсвѣтѣ шайка хивинцевъ, человѣкъ въ триста, стала пробираться къ лагерю. Въ цѣпи сдѣлали выстрѣлы. По тревогѣ войска быстро встали въ ружье. Нѣкоторыя роты были выдвинуты на ближайшіе барханы—впередъ. Часа полтора непріятель стрѣлялъ по лагерю, кружился и кричалъ. Нашимъ стрѣлкамъ приказано было стрѣлять только съ самаго близкаго разстоянія, навѣрняка, но и отъ этихъ немногихъ выстрѣловъ у непріятеля были раненые и убитые, которыхъ онъ подобравъ, скрылся. Съ нашей стороны убыли никакой не было. Часамъ къ 7 въ лагерѣ все пришло въ спокойствіе. Весь остальной день прошелъ въ приготовленіяхъ къ страшному походу къ берегамъ Аму-Дарьи, выступленіе въ который назначено было на другой день.

Названіе колодцевъ *Адамъ-Крылганъ*, въ переводѣ на нашъ языкъ, значитъ: *гибель человѣческая*. Отъ этихъ колодцевъ вплоть до Аму-Дарьи шелъ уже совершенно безводный путь на разстояніи 80 верстъ. Проводники, бывшіе при отрядѣ, разсказывали какъ о самомъ Адамъ-Крылганѣ, такъ и въ особенности о мѣстности лежащей за нимъ, разные страсти и ужасы. Всѣ они сомнѣвались въ томъ, чтобы наши войска могли пройти 80 верстное, безводное пространство. „Ни человѣкъ, ни верблюдъ — говорили они—не стерпитъ; не даромъ же урочище Адамъ-Крылганъ и называется человѣческая гибель.„ При этомъ разсказывались разные ужасы о томъ, какъ на пространствѣ между Адамъ-Крылганомъ и Аму-Дарьей, по которому теперь предстояло двигаться нашему отряду, погибали не разъ

торговые караваны отъ жары и безводья, засыпаемые пескомъ, и какъ на самомъ Адамъ-Крылганѣ погибло, будто бы, цѣлое бухарское войско, высланное Бухарой противу Хивы. Войска наши мало однако вѣрили всѣмъ этимъ разсказамъ, бодро готовились перенесть всѣ невзгоды, лишь-бы только идти впередъ.

2 мая, въ 2 часа ночи, отрядъ былъ поднятъ для движенія въ дальнѣйшій походъ. Въ самое короткое время лагерь освѣтился множествомъ костровъ: многіе жгли свои вещи, не смотря на то, что уже значительная часть тяжестей была оставлена въ укрѣпленіи Св. Георгія. Пылали цѣлыя палатки, сундуки, кошмы, мѣшки и т. д. Каждый уничтожалъ все, что могъ, разсчитывая только на то, чтобы какъ можно больше захватить съ собою воды.

Къ 4 часамъ утра войска вытянулись изъ песчаныхъ бархановъ Адамъ-Крылгана и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, направились въ невѣдомый, страшный путь.

День былъ чрезвычайно жаркій. Въ воздухѣ стояла совершенная тишь. Кругомъ—ни травки, ни кусточка, ни птицы, ни звѣря. Куда не взглянешь—вездѣ, на необозримомъ пространствѣ, лежали одни только бѣлые пески, и надъ этимъ-то мертвымъ моремъ песковъ, стояло жгучее, разскаленное солнце, палящее безъ устали, въ теченіи цѣлаго дня, и безъ милосердія накаляющее все, безъ разбора, до ужасной степени. Глубокіе пески мѣшали идти и задерживали движеніе, въ особенности артиллерію. Орудія шли на 8 лошадяхъ, и кромѣ того ихъ тянули еще лямками люди. Часамъ къ 10 утра головная часть отряда остановилась на привалѣ, сдѣлавъ 20 верстъ. Необходимо было стянуть колонну и обождать пока подойдутъ заднія роты, которыя должны были помогать движенію обоза, перевьючивать вьюки,

поднимать упавшихъ верблюдовъ и проч. Переднія войска, стали на отдыхъ на голыхъ, песчаныхъ барханахъ, образуя каре, внутри котораго расположился обозъ.

Людямъ была выдана вода на чай. Пищи не варили, такъ какъ привалъ предполагался короткій: надо было спѣшить, чтобы поскорѣе выйти къ рѣкѣ, до которой оставалось еще 60 верстъ. Между тѣмъ обозъ подтягивался очень медленно. Оттуда стали доходить недобрыя вѣсти: верблюды не идутъ, множество ихъ пало, вьюки съ нихъ брошены на дорогѣ и т. п. Послали за оставленными вещами лучшихъ верблюдовъ изъ головной части обоза. Покамѣсть все это происходило, наступилъ 6-й часъ вечера; пришли наконецъ и послѣднія (арьергардныя) роты, но пришли уставшими, измученными. Надо было имъ дать время вздохнуть, и такимъ образомъ выступленіе въ дальнѣйшій путь, по необходимости, замедлялось. Между тѣмъ запасъ воды при отрядѣ, строго разсчитанный по времени, необходимому для того, чтобы пройти этотъ безводный путь,—значительно убылъ: часть баклагъ и вообще деревянной посуды, разсохлась и вода вытекла, а турсуки, вслѣдствіе паденія верблюдовъ, порвались и также остались безъ воды; кромѣ того, вслѣдствіе страшной жары и сухости воздуха, вода и въ сохранившейся посудѣ, сильно усыхала. Еще одно такое непредвиденное затрудненіе, и отрядъ могъ очутиться въ самомъ опасномъ положеніи.

Въ отрядѣ былъ, между прочимъ, одинъ киргизъ, который пошелъ въ походъ съ нашими войсками по доброй волѣ, охотой, и находился при саперной ротѣ. Саперы звали его *Василіемъ*. Этотъ киргизъ бывалъ когда-то въ этихъ мѣстахъ; онъ вспомнилъ, что не далеко отъ мѣста привала отряда должны были на-

ходиться колодцы, и вызвался отыскать ихъ. Отправившись часовъ около 7 вечера, онъ дѣйствительно скоро отыскалъ колодцы, и благополучно вернулся къ войскамъ. Киргизъ увѣрялъ, что колодцы не засыпаны, и воды въ нихъ достаточно. Сообщенныя имъ свѣденія были чрезвычайно важны. Чтобы провѣрить слова киргиза, тотчасъ же къ колодцамъ была отправлена развѣдочная партія съ офицерами генеральнаго штаба. Офицеры дѣйствительно нашли 5 колодцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ засыпанъ, а прочіе были съ водою. Колодцы прозывались: *Алты-Кудукъ*, что въ переводѣ на нашъ языкъ значитъ: *шесть-колодцевъ*, и отстояли отъ мѣста отдыха отряда всего на 11 верстъ.

Въ полночь отрядъ двинулся на колодцы *Алты-Кудукъ*, куда и прибылъ къ 6 часамъ утра, слѣдовательно 11 верстъ шелъ 6 часовъ. Вотъ до чего былъ труденъ путь.

Колодцы на Алты-Кудукѣ оказались глубокими, отъ 15 до 18 сажень; въ одномъ изъ колодцевъ вода была испорчена, брошенною въ него падалью, и имѣла отвратительный запахъ и вкусъ; въ остальныхъ колодцахъ, кромѣ одного, воды было немного.

По приходѣ отряда на Алты-Кудукъ, тотчасъ же были поставлены ко всѣмъ колодцамъ караулы, подъ начальствомъ старшихъ штабъ-офицеровъ, которые, по мѣрѣ возможности, должны были водворять у колодцевъ порядокъ. Тѣснота, между тѣмъ, и давка у колодцевъ была страшная. Каждый стремился раздобыть хотя сколько нибудь себѣ воды. Солдаты просили воды въ крышки манерокъ, чтобы хотя немного утолить, мучившую ихъ жажду.

У одного изъ колодцевъ, начальникъ отряда былъ встрѣченъ погонщиками верблюдовъ, стоявшими на колѣняхъ и умолявшими, дать имъ хотя немного воды.

Между людьми тѣснились также и лошади, которыя рѣшительно нападали на каждое ведро съ водой, проносимое близко около нихъ. Ни одна изъ нихъ не была еще напоена. Да и нельзя было этого сдѣлать, такъ какъ воды въ колодцахъ не хватало даже для людей.

Къ вечеру же перваго дня оказалось, что запасъ воды, потраченный людьми наканунѣ, не только не пополненъ, но еще болѣе израсходованъ. Двигаться впередъ было невозможно. Многiе легли спать съ очень тяжелыми мыслями... Большинство не пило чаю, чтобы сохранить воду на безводные переходы до Аму. Вообще эта первая ночь, проведенная на колодцахъ Алты-Кудукъ, была самой тяжкой для войскъ Туркестанскаго отряда. Всю ночь на колодцахъ кипѣла работа по добыванiю воды, всю ночь раздавались крики, приказанiя, стукъ ведеръ, плескъ наливаемой воды въ бочки. Все это среди ночной тишины производило необычайное впечатлѣнiе, еще болѣе тяжелое, чѣмъ днемъ.

Такъ какъ воды въ колодцахъ Алты-Кудукъ для всего отряда не хватало, то и было сдѣлано распоряженiе: отправить на другой день, утромъ, всю кавалерiю, всѣхъ верблюдовъ, и всю порожнюю посуду назадъ, на колодцы Адамъ-Крылганъ, съ тѣмъ чтобы напоить тамъ верблюдовъ и лошадей, а главное, запастись водою для предстоящаго перехода до Аму-Дарьи.

Благодаря этому распоряженiю, положенiе войскъ, оставшихся на колодцахъ Алты-Кудукъ, значительно улучшилось, и лагерь оживился. Колодцы распредѣлены были по частямъ войскъ; указано время *когда* и *кто* можетъ изъ нихъ пользоваться, и какимъ именно *количествомъ* воды; назначены были дежурные, которые со

списками въ рукахъ стояли у колодцевъ и слѣдили за правильнымъ расходомъ воды.

Добываніе воды изъ колодцевъ, вслѣдствіе ихъ глубины, было весьма затруднительно.

Колодцы, какъ я уже говорилъ, были отъ 15 до 18 саж. глубины. Воду черпали *турсуками*. *Турсукъ*—это снятая съ барана шкура и сшитая въ родѣ мѣшка. Зачерпнуть такимъ мѣшкомъ воду изъ колодца было очень трудно, а потому и приходилось спускать на дно колодца людей, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы спускаемые къ нимъ турсуки наполнять водою. Черезъ часъ или полтора, необходимо было смѣнять работающихъ внизу, такъ какъ тамъ скоплялось большое количество дурнаго воздуха (газовъ), отъ котораго у людей кружилась голова, и они не могли работать. Черезъ подобныя частыя смѣны рабочихъ происходила неизбѣжная остановка, а стало быть, и медленность въ добываніи воды.

Утромъ 9-го мая, кавалерія и верблюды, посланные на Адамъ-Крылганъ, вернулись обратно на Алты-Кудукъ. Отрядъ этотъ хотя и привезъ съ собой необходимое количество воды, для дальнѣйшаго, 60-ти верстнаго, безводнаго перехода до рѣки Аму-Дарьи, но потерялъ на Адамъ-Крылганѣ очень много, почти половину, верблюдовъ, которые пали тамъ отъ недостатка подножнаго корма. Вслѣдствіе этого, большую часть тяжестей необходимо было оставить на Алты-Кудукѣ, а для защиты ихъ отъ непріятеля потребовалось оставить и прикрытіе. Двѣ стрѣлковыя роты съ дивизіономъ конной артиллеріи остались на Алты-Кудукѣ; остальныя же войска въ 3 часа дня, 9-го мая, выступили въ походъ на Аму-Дарью.

Передъ выступленіемъ Туркестанскаго отряда съ

Алты-Кудука, снова было сожжено порядочное количество вещей, такъ что, по уходѣ войскъ, мѣсто ихъ 6 дневнаго пребыванія представляло довольно странный видъ: во многихъ мѣстахъ дымились костры, валялись разныя вещи, кошмы, разломанные ящики, банки, жестянки и т. п.

Туркестанскій отрядъ состоялъ теперь всего изъ 10 ротъ пѣхоты, дивизіона конной артиллеріи, горнаго дивизіона, двухъ картечницъ и шести сотенъ казаковъ.

Запасъ воды при отрядѣ былъ сдѣланъ на три дня. Войска дѣлали послѣднее усиліе, чтобы выбиться, наконецъ, изъ страшной пустыни и выйти къ рѣкѣ. Всякій понималъ, что 60 верстный переходъ, который предстояло теперь сдѣлать, есть рѣшительный и при томъ послѣдній шагъ въ этомъ ужасномъ походѣ, и потому всякій напрягалъ послѣднія свои силы, чтобы одолѣть пустыню. Отрядъ направился отъ колодцевъ Алты-Кудукъ на караванную тропу, которая шла въ сторонѣ отъ этихъ колодцевъ. Путь, до выхода на эту караванную тропу, былъ особенно труденъ. Выйдя же на нее, путь сдѣлался нѣсколько лучше, и верблюды пошли бодрѣе. Пройдя 14 верстъ отъ Алты-Кудука, отрядъ, послучаю приближающейся ночи, расположился среди бархановъ на ночлегъ.

На другой день, 10-го мая, войска съ разсвѣтомъ двинулись далѣе... Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ посматривали впередъ: не видно-ли трехъ холмовъ, стоящихъ у Аму-Дарьи и замѣтныхъ очень изъ далека. Наконецъ, около 6 часовъ утра, въ 8 верстахъ отъ бывшаго ночлега, холмы эти были усмотрѣны. Общая радость была такъ велика, что трудно и сказать: всѣ сдѣлались необыкновенно веселы и разговорчивы, шутили, смѣялись. Даже верблюды почувствовали близость воды

и шагали удивительно усердно; лошади также съ большимъ нетерпѣніемъ рвались впередъ.

Не доходя верстъ девяти до Учъ-Учака (трехъ-холмовъ), наши войска увидали, на впереди лежащихъ холмахъ, непріятельскую конницу, разсыпанную на 2-хъ верстномъ протяженіи. Хивинцы хотѣли преградить дорогу и не допустить русскія войска выйти къ рѣкѣ.

Такъ какъ солнце садилось, то командующій войсками рѣшился остановиться на ночлегѣ, съ тѣмъ чтобы засвѣтло стянуть обозъ. Нашъ бивакъ, расположенный въ виду непріятеля, оказался очень удачнымъ: барханы почти сплошною стѣною замыкали котловину, въ которой былъ помѣщенъ обозъ; по гребню же бархановъ стояли войска. Обозъ совсѣхъ 4-хъ сторонъ былъ совершенно закрытъ отъ выстрѣловъ.

Не успѣли войска занять своихъ мѣстъ на бивакѣ, а обозъ далеко еще не весь подтянулся, какъ непріятель съ 3-хъ сторонъ охватилъ наше расположеніе. Тотчасъ же отъ насъ были высланы впередъ взводы стрѣлковъ, которые своими выстрѣлами подбивали лошадей и снимали съ сѣделъ смѣльчаковъ, близко подъѣзжавшихъ къ цѣпи. Такая перестрѣлка то затихая, то усиливаясь, продолжалась цѣлую ночь; когда же совсѣмъ стемнѣло, то кругомъ бивака устроилось нѣчто въ родѣ иллюминаціи: непріятель зажегъ множество костровъ, желая, вѣроятно, показать, что онъ въ значительныхъ силахъ.

Съ разсвѣтомъ 11 мая, отрядъ поднялся съ мѣста ночлега и продолжалъ наступать, окруженный непріятелемъ, по направленію къ *тремъ холмамъ*.

Туркмены, во все время движенія, держались въ виду отряда и производили попытки, то съ одной, то съ другой стороны, разстроить тотъ боевой порядокъ, въ какомъ наступали наши войска; но всѣ ихъ старанія

оставались совершенно безуспѣшны. Нашъ отрядъ двигался спокойно, не ускоряя, не укорачивая шага, точно на ученьѣ. Цѣпь стрѣлковъ, которой былъ окруженъ нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, отстрѣливалась сдержанно, прибѣгая къ пулѣ только тогда, когда непріятель былъ въ шагахъ 400 или 500, не болѣе. Его Императорское Высочество, Великій Князь, Николай Константиновичъ, съ ротами 4 батальона и горными орудіями, былъ въ головной части, т. е. впереди; Князь же Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій—въ цѣпи.

Такимъ образомъ, нашъ отрядъ грозно подвигаясь впередъ, часовъ около 7 утра, приблизился къ озеру *Сардаба-куль*, лежащему въ верстахъ 8 отъ рѣки Аму-Дарьи. Здѣсь два выстрѣла изъ орудія окончательно прогнали непріятельскія скопища, общая численность которыхъ, какъ оказалась впослѣдствіи, простиралась до 3,500 всадниковъ.

Съ приходомъ войскъ на озеро *Сардаба-куль*, радость войскъ была неописанная.. Неимовѣрныя трудности похода, наконецъ, были преодолѣны.

Оставивъ пѣхоту и обозъ на привалѣ у озера, командующій войсками, съ 6-ю сотнями казаковъ и ракетной батареей, двинулся впередъ съ цѣлью настичь разбитаго непріятеля и захватить у него лодки, которыя, какъ было извѣстно, у него находились. Какъ ни быстро произведено было наступленіе, но бѣгство непріятеля было еще быстрѣй, и онъ успѣлъ частію переправиться на лодкахъ на лѣвый берегъ Аму-Дарьи, а частію ускакать въ разсыпную по дорогѣ къ городу Шурухану. Только одинъ *каюкъ* т. е. большая лодка, нагруженная скотомъ, засѣвшая на мели, была захвачена нашими казаками.

Въ дѣлѣ 11 мая, подъ Учъ-Учакомъ, у насъ потерь

не было; непріятель же потерялъ не мало убитыхъ и раненыхъ, которыхъ успѣлъ увезти, какъ-то показали, попавшіеся въ наши руки 7 человѣкъ плѣнныхъ туркменъ.

Съ выходомъ войскъ Туркестанскаго отряда къ Аму-Дарьѣ, страшный, безводный походъ по хивинскимъ пустынямъ, для всѣхъ нашихъ отрядовъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, окончился.

Съ этихъ поръ походъ нашихъ войскъ не представлялъ уже болѣе тѣхъ страшныхъ трудностей, какія выпали на долю отрядовъ въ началѣ экспедиціи, а непріятель оказался на столько ничтожнымъ, что не въ силахъ былъ преградить намъ путь къ столицѣ Ханства-Хивѣ.

Въ слѣдующей моей бесѣдѣ, которая будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней, я разскажу вамъ, *какъ* взята была русскими войсками *Хива*,—этотъ послѣдній оплотъ разбойниковъ, и опишу вамъ, какъ самое ханство, на сколько оно намъ теперь извѣстно, такъ и жителей его населяющихъ.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Убыль въ отрядахъ, выступившихъ въ походъ. — Туркестанскій отрядъ. — Дальнѣйшее движеніе его къ Хивѣ.—Артиллерійское дѣло на переправѣ.— Переправа черезъ Аму-Дарью. — Занятіе г. Хазаръ-Аспъ. — *Наступленіе Оренбургскаго отряда.*—Непрерывныя стычки съ хивинцами. — Дѣло подъ г. Гурленомъ. — Бивакъ въ ханскомъ саду. — Бой подъ стѣнами Хивы. — Бѣгство Хана изъ Хивы.—Оренбургскій отрядъ входитъ въ связь съ Туркестанскимъ.—*Торжественное занятіе Хивы русскими войсками.*—Увичтоженіе невольничества. — Мирный договоръ. — Возвращеніе русскихъ отрядовъ домой.

Описаніе Хивинскаго ханства. Жители его населяющіе: сарты, узбеки, туркмены.—Торговля людьми. — Жилище, одежда, занятія, земледѣліе, вѣроисповѣданіе, школы, правленіе, казни и проч.

Теперь я разскажу вамъ, какъ наши войска добрались до Хивы и овладѣли этимъ городомъ.

Изъ числа отрядовъ, выступившихъ въ хивинскій походъ, *Красноводскій отрядъ* не могъ дойти до Хивы и вернулся назадъ; такимъ образомъ, дѣйствующими отрядами остались: *Оренбургско-Мангышлакскій и Туркестанскій*. Но и эти отряды, по своей численности, были уже не такой силы, какъ при выступленіи въ походъ: они уменьшились. По дорогѣ не разъ приходилось строить крѣпости и оставлять въ нихъ команды и гарнизоны, какъ для охраненія нашихъ тыльныхъ сообщеній, такъ и для защиты, оставленныхъ въ этихъ мѣстахъ, тяжестей и запасовъ продовольствія. Отряды выступили въ походъ, имѣя въ строю слишкомъ 12 ты-

сячъ человѣкъ, при 52 орудіяхъ; теперь же, за отдѣленіемъ отъ нихъ разныхъ командъ, въ строю обоихъ дѣйствующихъ отрядовъ находилось только 7,639 чел. и 26 орудій. Убыль была почти въ пять тысячъ человѣкъ. Какъ въ Туркестанскомъ отрядѣ, такъ и въ Оренбургско-Мангышлакскомъ, число людей было почти равное: въ каждомъ около 4 тысячъ. Отряды вышли уже изъ страшныхъ пустынь и находились въ мѣстахъ населенныхъ. Я докончу вамъ сначала разсказъ о Туркестанскомъ отрядѣ, а потомъ перейду къ дѣйствіямъ Оренбургско-Мангышлакскаго отряда.

Туркестанскій отрядъ прибылъ къ рѣкѣ Аму-Дарьѣ (къ тремъ холмамъ или Учъ-Учаку), 11-го мая.

Войска этого отряда расположились бивакомъ на берегу рѣки, на мѣстѣ бывшаго непріятельскаго лагеря. Тутъ войскамъ данъ былъ двухъ-дневный отдыхъ.

Туркестанскому отряду предстояло теперь трудное дѣло: переправиться черезъ широкую и многоводную рѣку, на противуположномъ берегу которой, какъ было извѣстно, находился, бѣжавшій отъ насъ, послѣ дѣла у трехъ-холмовъ, непріятель.

Бывшая до сихъ поръ жаркая погода вдругъ замѣнилась прохладной *), и поднялся опять, какъ и на Халъ-Аста, жестокій вѣтеръ, поднимавшій съ пустыни огромныя тучи песку, затмѣвавшія солнце. Но къ счастію вѣтеръ продолжался не долго. 12-го мая, послѣ полудня вѣтеръ сталъ утихать, и въ воздухѣ потеплѣло. Въ этотъ же день, въ 5-ть часовъ вечера, на берегу р. Аму-Дарьи, поставлена была походная церковь, и отрядный священникъ, въ присутствіи всѣхъ войскъ Туркестанскаго отряда, отслужилъ благодарственное молебствіе. Въ

*) Термометръ, съ 30 слишкомъ градусовъ, понизился на 8—12 градусовъ.

первый разъ отъ сотворенія міра эта пустынная мѣстность огласилась стройнымъ пѣніемъ христіанскихъ молитвъ; въ первый разъ въ этой пустынѣ раздались слова Спасителя и читалось Святое Евангеліе... Теплыя и жаркія молитвы неслись къ престолу Божьему отъ всѣхъ, вышедшихъ изъ мертвой пустыни. По окончаніи молебствія, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, благодарилъ войска, за всѣ понесенные ими труды и за молодецки совершенный походъ. 13 мая, въ 3 часа дня, отрядъ выступилъ въ дальнѣйшій походъ, къ урочищу *Акъ-Камышъ*, вблизи котораго, какъ было извѣстно, находилось удобное мѣсто для переправы черезъ Аму-Дарью. Путь шелъ по правому берегу рѣки, внизъ по ея теченію, рѣдко удаляясь отъ рѣки на такое разстояніе, чтобы она переставала быть видимою. Берегъ мѣстами былъ обрывистъ и крутъ—до 40 саж. высоты; мѣстами совершенно пологій, и хотя былъ пустынный, безъ жилья, но съ хорошей растительностію. Росъ камышъ, кустарникъ, мѣстами попадались луга, въ нѣсколько верстъ длиною, съ хорошей травой, такъ что для верблюдовъ и лошадей корма было вдоволь; о водѣ же и говорить нечего: цѣлая многоводная и глубокая рѣка текла подъ бокомъ. Теченіе рѣки было быстрое, и она раздѣлялась на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ болѣе широкіе доходили до версты и болѣе Цвѣтъ воды былъ коричневый, мутный отъ илистыхъ береговъ; на вкусъ же вода оказывалась пріятная, мягкая. Въ войскахъ хотя и ощущался нѣкоторый недостатокъ въ сухаряхъ и мясѣ, но до населенныхъ мѣстъ, въ которыхъ можно было раздобыться всякимъ добромъ, оставалось недалеко: всего 60 верстъ съ небольшимъ.

На пути слѣдованія отряда попадалось очень много павшихъ верблюдовъ, брошенныхъ непріятелемъ при

отступленіи; эти несчастныя животныя, чтобы не доставаться русскимъ, были осуждены на жестокую смерть: туркмены перерубили верблюдамъ сухожилье на заднихъ ногахъ, и бѣдныя животныя у самой рѣки издыхали отъ жажды.

Въ то время какъ Туркестанскій отрядъ шелъ по берегу, по самой рѣкѣ плыли наши лодки, взятыя отрядомъ съ собою въ походъ. Ихъ было не много, потому что на Алты-Кудукѣ, по причинѣ большой убыли верблюдовъ, мы принуждены были оставить, въ числѣ прочихъ тяжестей, и взятые изъ Ташкента лодки или *желѣзные понтоны*. Изъ нихъ къ Аму-Дарьѣ привезены были только три; къ этимъ тремъ лодкамъ присоединенъ былъ и тотъ *каюкъ* (большая лодка, въ родѣ барки), который, какъ я вамъ разсказывалъ, наши войска отбили у непріятеля послѣ Учъ-Учакскаго дѣла.

Этотъ каюкъ намъ очень пригодился, такъ какъ онъ могъ свободно поднимать до 80 человѣкъ. Наши же лодки болѣе 20 чел. поднимать не могли. Въ лодкахъ, плывшихъ по рѣкѣ, находилась часть тяжестей и была команда матросовъ, нѣсколько человѣкъ стрѣлковъ и саперъ.

16-го мая, на нашу гребную флотилію, т. е. на лодки, было сдѣлано съ лѣваго берега рѣки нападеніе, кончившееся однако тѣмъ, что мы же отбили у непріятеля 9 небольшихъ лодокъ.

Подвигаясь, такимъ образомъ, впередъ, Туркестанскій отрядъ достигъ урочища Акъ-Камышъ, гдѣ и остановился на ночлегъ. Здѣсь было получено извѣстіе, что на лѣвомъ берегу рѣки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Акъ-Камыша, расположенъ непріятельскій лагерь, и что къ правому берегу т. е. къ тому, гдѣ находились наши войска, причалилъ непріятельскій каюкъ съ людьми.

Отъ отряда къ этому мѣсту тотчасъ же послана была команда казаковъ, которой и удалось захватить въ плѣнъ одного хивинца и непріятельскій каюкъ. Такимъ образомъ наша флотилія пополнилась еще однимъ каюкомъ.

Командующій войсками, между тѣмъ, отправился на мѣсто переправы осмотрѣть непріятельскій лагерь. Его сопровождали Ихъ Высочества, свита и конвой.

Проѣхавъ отъ бивака версты три и выйдя изъ лѣса на открытое мѣсто, командующій войсками и сопровождавшіе его увидѣли на противоположномъ берегу Аму-Дарьи большой непріятельскій лагерь, расположенный въ сильно-укрѣпленной позиціи.

Это были хивинскія войска, бѣжавшія отъ насъ послѣ пораженія 11-го мая, у трехъ-холмовъ. Они переправились на лѣвый берегъ рѣки и расположились у переправы, съ намѣреніемъ защищать ее. Ими командовалъ, какъ оказалось впослѣдствіи, важный хивинскій сановникъ *Матъ-Мурадъ*, прибывшій изъ Хивы съ свѣжими войсками. Силы непріятеля доходили до 5 тысячъ человѣкъ, при 4 орудіяхъ. Непріятельскій лагерь занималъ по фронту или въ длину, около 500 сажень; на правомъ флангѣ или крылѣ, на крутомъ холмѣ, видно было укрѣпленіе, съ амбразурами и бойницами. Отъ этого холма вдоль берега тянулся рядъ песчаныхъ бархановъ, между которыми, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись палатки и шалаши.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, желая лучше разсмотрѣть непріятельское расположеніе, остановился на берегу рѣки, какъ разъ противу середины непріятельскаго стана. Хивинцы, замѣтивъ кучку людей, открыли изъ 4 своихъ орудій пальбу. Направленіе выстрѣловъ было довольно вѣрное, такъ что большая часть ядеръ ложилась въ направленіи конвоя и свиты коман-

дующаго войсками, но къ счастію ни одно ни кого не задѣло.

Выдержавъ этотъ огонь и осмотрѣвъ непріятельское расположеніе, командующій войсками поѣхалъ назадъ, къ нашей гребной флотиліи, находившейся еще довольно далеко отъ этого мѣста. Къ вечеру, въ верстахъ 20 отъ Акъ-Камыша, командующій войсками встрѣтилъ нашу флотилію, приказалъ ей причалить къ берегу и остановиться на ночлегъ.

Такъ какъ непріятель защищалъ переправу, и нашей флотиліи не возможно было, безъ большаго вреда для себя, пройти мимо него, то и являлась необходимость сбить непріятеля съ его позиціи.

На другой день, 17-го мая, приказано было генералу Головачеву взять 8-мь орудій и съ тремя ротами пѣхоты идти къ мѣсту переправы и постараться сбить непріятеля. Едва показался отрядъ генерала Головачева противъ непріятельскаго лагеря, какъ хивинцы открыли по немъ пальбу изъ пушекъ. Наши артиллеристы, живо снявъ орудія съ передковъ, не замедлили и съ своей стороны послать гостинецъ непріятелю. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, (когда высота прицѣла была опредѣлена), наши гранаты начали ложиться вѣрно и производить значительныя опустошенія въ рядахъ хивинцевъ. Однимъ изъ удачныхъ выстрѣловъ мы успѣли подбить непріятельское орудіе, и оно должно было замолчать. Скоро прекратили огонь и другія непріятельскія орудія, такъ какъ прислуга, понеся большія потери, оставила ихъ и разбѣжалась въ разныя стороны.

Нѣсколько разъ непріятель покушался снова собрать прислугу къ орудіямъ и открыть огонь, но наши мѣтко-направленныя гранаты каждый разъ заставляли хивинцевъ разбѣгаться. Видя, что ни чего не подѣлаешь,

непріятель поспѣшилъ увезти свои орудія за барханы. Хотя сдѣлать ему это и удалось, но не такъ скоро и, при томъ, съ большою потерею людей.

Когда непріятель скрылся за барханы, то огонь съ нашей стороны былъ прекращенъ; но генералъ Головачевъ оставался, однако, на своей позиціи, ожидая прибытія нашей флотиліи. Хивинцы же, ободренные молчаніемъ нашихъ пушекъ, опять начали выходить изъ за бархановъ, собираться на возвышенностяхѣ и стрѣлять въ насъ.

Тогда генералъ Головачевъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, гранатами, по ложбинѣ между барханами, откуда выходилъ непріятель большой, густой толпой. Удачно попавшія гранаты произвели такое опустошеніе между хивинцами, что они, бросивъ свой лагерь, бѣжали съ позиціи и скрылись совсѣмъ изъ виду.

У берега, занимаемаго непріятелемъ, стояли два каюка.... Какъ не были напуганы хивинцы, обратившіеся въ поспѣшное бѣгство, однако между ними нашлось нѣсколько смѣльчаковъ, которые бросились къ каюкамъ съ камышомъ и хворостомъ, чтобы ихъ поджечь и, такимъ образомъ, лишить насъ возможности овладѣть этими каюками. Тотчасъ же приказано было нашимъ стрѣлкамъ, разогнать выстрѣлами хивинцевъ, возившихся около лодокъ. Разстояніе, отдѣлявшее нашихъ стрѣлковъ отъ непріятеля, было болѣе ружейнаго выстрѣла. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была до 700 сажень ширины, значитъ болѣе 2000 шаговъ. Стрѣлки, не долго думая, бросились къ рѣкѣ; по отмѣлямъ и островкамъ, по поясъ въ водѣ добрались таки, на разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла, и открыли мѣткій и частый огонь по людямъ, находившимся у каюковъ. Непріятель успѣлъ, однако, зажечь на одномъ изъ каюковъ

камышъ, а другой бросилъ невредимымъ и убѣжалъ... Это было около часу дня. Въ это время на рѣкѣ показалась наша флотилія; впереди ея плыли двѣ желѣзныя лодки (понтоны). Замѣтивъ оставленные непріятелемъ каюки, онѣ быстро подошли къ нимъ, и затушили огонь на одномъ изъ нихъ. Высадившись затѣмъ на лѣвый берегъ, команда осмотрѣвъ оставленный непріятелемъ лагерь, возвратилась съ двумя непріятельскими лодками къ правому берегу. И такъ, артиллерійское дѣло у переправы кончилось для насъ какъ нельзя лучше: мало того, что мы прогнали непріятеля съ его крѣпкой позиціи, но захватили еще два каюка. При этомъ потерь у насъ, кромѣ 2 убитыхъ лошадей, никакихъ небыло.

Непріятель же, по разсказамъ жителей, потерялъ до 100 чел. раненыхъ и много убитыхъ.

Гребная флотилія наша, состоявшая теперь изъ 3-хъ желѣзныхъ шлюпокъ или понтоновъ, 4 каюковъ и 9 небольшихъ лодокъ, представляла достаточныя средства для перевозки войскъ на лѣвый берегъ рѣки, а потому, 18-го мая, командующій войсками и приступилъ къ переправѣ отряда черезъ Аму.

Переправа продолжалась 5-ть дней и, къ вечеру 22-го мая, была окончена совершенно благополучно.

Переправившись на лѣвый берегъ, Туркестанскій отрядъ занялъ оставленный непріятелемъ лагерь. Жители окрестныхъ деревень и городовъ, успокоенные воззваніемъ генералъ-адъютанта Кауфмана, въ которомъ онъ обѣщалъ не дѣлать имъ никакого зла, съ перваго же дня переправы стали являться въ нашъ лагерь и приводить на продажу скотъ, привозить муку, крупу, фуражъ и прочіе припасы, такъ что въ лагерѣ открылся настоящій базаръ. Но это продолжалось недолго. Въ

Хивѣ, до которой теперь оставалось всего 60-тъ верстъ, узнали, что жители вступили въ сношенія съ русскими войсками, а потому и высланъ былъ изъ Хивы значительный отрядъ туркменовъ, съ приказаніемъ наказать жителей, осмѣлившихся продавать русскимъ припасы. Вслѣдствіе такого распоряженія, подвозъ въ нашъ лагерь продуктовъ, съ 22-го мая, прекратился; но для насъ прекратившаяся доставка припасовъ не была особенно чувствительна, такъ какъ войска переправились уже на лѣвый берегъ, и на 23-е мая было назначено выступленіе отряда въ дальнѣйшій походъ, въ мѣста населенныя, обработанныя и богатыя всякими запасами.

23-го мая, Туркестанскій отрядъ, послѣ небольшаго боя, занялъ непріятельскій городъ—*Хазаръ-аспъ*, отстоящій отъ мѣста переправы на 16 верстъ. Непріятель, засѣвъ въ сады, окружающіе Хазаръ-аспъ, завязалъ было съ нашей передовой цѣпью перестрѣлку, но видя рѣшительное наступленіе нашихъ войскъ, не выдержалъ, струсилъ и обратился въ бѣгство, такъ что самый городъ и цитадель [1]) войска наши заняли даже безъ выстрѣла.

Хазаръ-аспъ былъ первый непріятельскій городъ на пути Туркестанскаго отряда. Городъ былъ довольно обширенъ и имѣлъ хорошую цитадель. Базаръ въ городѣ, очень небольшой, представлялъ картину разрушенія; немногія лавки были заперты, остальныя открыты, и въ нихъ черезъ двери можно было замѣтить, по большему безпорядку, что онѣ поспѣшно брошены своими хозяевами. Городъ и цитадель казались сначала совершенно пустыми, но не прошло и часа по занятіи города нашими войсками, какъ отовсюду: изъ домовъ и садовъ

[1]) Цитадель—укрѣпленное мѣсто въ городѣ, въ родѣ нашего кремля.

начали показываться жители, мужчины, женщины и дѣти съ криками: *аманъ*! *аманъ*! что значитъ: милость, прощеніе. По разспросамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалось, что ихъ силою собрали и заставляли драться съ русскими. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ подтвердилъ имъ, что-бы они совершенно спокойно расходились по своимъ домамъ и занимались своимъ дѣломъ, что никто ихъ обижать не будетъ и имущества не тронетъ. Видимо успокоенные его словами, жители тотчасъ же начали собирать свое имущество и расходиться по своимъ домамъ и садамъ.

Между тѣмъ, отъ хана, 23-го мая, передъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ Хазаръ-аспъ, пріѣхалъ къ командующему войсками посланецъ съ письмомъ, въ которомъ ханъ изъявлялъ готовность исполнить всѣ желанія генерала фонъ-Кауфмана, но съ тѣмъ, что-бы наши войска были остановлены. Командующій войсками отвѣчалъ посланному, что онъ войскъ не остановитъ, а о мирѣ будетъ вести переговоры съ ханомъ въ Хивѣ. Съ тѣмъ ханскій посланецъ и уѣхалъ.

Недостатокъ въ верблюдахъ задержалъ Туркестанскій отрядъ въ Хазаръ-аспъ болѣе, чѣмъ то предполагалось. Часть верблюдовъ, какъ вы слышали, пала при переходѣ черезъ пустыню, а часть ихъ была отправлена назадъ, на Алты-кудукъ, за оставленными тамъ тяжестями и войсками; при отрядѣ оставалось всего только 300 штукъ, что было, конечно, недостаточно для поднятія всѣхъ отрядныхъ тяжестей. Вмѣсто верблюдовъ у жителей были наняты лошади съ телѣгами, называемыми по тамошнему *арбами*, въ числѣ 400 подводъ.

27 мая, въ 8 часовъ утра, Туркестанскій отрядъ выступилъ изъ Хазаръ-аспа далѣе по дорогѣ въ Хиву.

Наканунѣ выступленія изъ города, къ командующему войсками вторично явился посланецъ отъ хана съ письмомъ, въ которомъ ханъ, повторяя прежнія заявленія о своей дружбѣ и расположеніи, удивлялся, за чѣмъ русскія войска вступили въ его владѣнія съ трехъ сторонъ, и просилъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана остановить движеніе войскъ, отойти назадъ и предложить свои условія мира.

Отвѣтъ командующаго войсками былъ тотъ же, т. е. что движеніе войскъ остановлено не будетъ, а переговоры о мирѣ будутъ вестись съ ханомъ въ Хивѣ. Одновременно съ прибытіемъ посланца отъ хана, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ получилъ рапортъ и отъ генерала Веревкина, въ которомъ начальникъ Оренбургско-Мангышлакскаго отряда доносилъ о своемъ движеніи на Хиву.

И такъ, движеніе войскъ впередъ остановлено не было. Туркестанскій отрядъ подвигался все ближе и ближе къ Хивѣ. Путь отряда пролегалъ теперь по отлично обработанной и густо населенной части хивинскаго ханства. Воздѣланныя поля, сады, хутора, множество большихъ и малыхъ каналовъ или *арыковъ* попадались на каждомъ шагу; не было ни одного клочка земли, незасѣяннаго чѣмъ нибудь и вообще не обработаннаго. Дороги были узенькія, чтобы дать больше мѣста подъ пашню. Арыки то и дѣло пересѣкали ихъ, но на арыкахъ вездѣ были устроены мосты. Если бы хивинцы догадались разрушить эти мосты, наводнить мѣстность, перекопать и испортить дороги, приспособить отдѣльные дома, фермы и хутора къ оборонѣ, что сдѣлать было очень легко, тогда бы нашъ отрядъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи; но ничего подобнаго сдѣлано не было и Туркестанскій от-

рядъ совершенно безпрепятственно подвигался впередъ, не видя передъ собой даже никакихъ слѣдовъ непріятеля. Всѣ силы хивинцевъ, какъ оказалось впослѣдствіи, были отвлечены подходившимъ въ это время къ Хивѣ *Оренбургско-Мангышлакскимъ* отрядомъ, къ которому мы и перейдемъ теперь.

Оренбургско-Мангышлакскій отрядъ,—для краткости я буду называть его просто Оренбургскимъ,—о дѣйствіяхъ котораго я давно уже ничего не говорилъ, 12-го мая выступилъ изъ города Кунграда по дорогѣ на Хиву. Отъ Кунграда до Хивы оставалось 250 верстъ. До Кунграда наши войска шли безъ всякаго боя, не видя даже передъ собою непріятеля; а теперь, на оборотъ, не проходило дня безъ боя. На всемъ 250-ти верстномъ протяженіи, войска Оренбургскаго отряда должны были и ночью и днемъ отражать смѣлыя, подъчасъ даже въ высшей степени дерзкія, нападенія непріятеля на разныя части отряда, но преимущественно на арьергардъ и обозъ. Вся тяжесть собственно военныхъ дѣйствій выпала почти единственно на войска этого соединеннаго отряда.

Но хивинцы и здѣсь также, какъ и на пути слѣдованія Туркестанскаго отряда, не умѣли воспользоваться чрезвычайно выгодною для боя мѣстностью и не приспособили ее къ оборонѣ. А воспользоваться было чѣмъ! Почти отъ самаго Кунграда и вплоть до Хивы, дорога шла по мѣстности, изрѣзанной арыками, большими и малыми канавками, преграженной садами, домами, до того съуживающими дорогу, что войскамъ съ обозомъ приходилось разстягиваться на очень бо́льшомъ протяженіи; мѣстами приходилось вытягивать вереницею по одному всѣхъ верблюдовъ и на каждой полянкѣ смыкать колонну, что-бы снова на слѣдующихъ мостикахъ вытягиваться въ нитку. Во многихъ мѣстахъ къ узкой

дорогѣ примыкалъ то густой и высокій камышъ, то такой же кустарникъ.

Такая мѣстность въ рукахъ искуснаго противника могла бы оказаться, по своей непроходимости, пожалуй, еще хуже пустыни; на каждомъ шагу непріятель могъ бы противупоставить намъ огромныя затрудненія. Но туркмены—отчаянные разбойники, были плохими воинами. Они не храбро и открыто сражались, а поступали чисто какъ разбойники: изподтишка устроить засаду, сдѣлать нечаянное нападеніе съ цѣлью грабежа и добычи и потомъ, при видѣ стройной массы войска или 2-хъ, 3-хъ орудій, - навострить лыжи и бѣжать во всѣ лопатки,—на это они были большіе мастера. Оборонять же мѣстность, стойко защищать каждый кустъ, рытвину, домъ, мостъ, словомъ кровью оспаривать каждый шагъ у непріятеля—не хватало у нихъ ни мужества, ни умѣнья.

Также и въ открытомъ полѣ нестройныя и дикія полчища ихъ являлись трусливой и дикой ордою, думающей больше всего не о дружномъ и смѣломъ натискѣ на врага, а о безопасномъ и свободномъ бѣгствѣ. Чаще всего, какъ я сказалъ, туркмены нападали на нашъ обозъ, особенно когда приходилось двигаться между камышами или густыми кустарниками. Здѣсь нападенія ихъ были всегда внезапны и стремительны; но шайки ихъ, человѣкъ до 500, иногда и болѣе, каждый разъ отражались нашими войсками съ полнымъ успѣхомъ. Послѣ нѣсколькихъ залповъ пѣхоты, законченныхъ атакою казачьихъ сотенъ, туркмены уносились на своихъ лихихъ аргамакахъ въ непроницаемыя трущобы камыша или кустарника.

И только въ 2-хъ мѣстахъ: подъ городомъ *Мангытомъ*, да на пути къ городу *Гурлену*, туркмены обнаружили настойчивость въ нападеніяхъ, нѣкоторую отвагу

и стойкость въ бою. Въ особенности это было замѣтно въ Гурленскомъ дѣлѣ. Въ этомъ дѣлѣ со стороны непріятеля принимало участіе до 10 тыс. человѣкъ, чего ни въ одномъ дѣлѣ, изъ всѣхъ бывшихъ въ хивинскую экспедицію, ни разу не случалось, и при томъ, хивинскія войска, идя въ это дѣло, поклялись хану или умереть или побѣдить русскихъ.

Бой у Гурлена происходилъ 22-го мая. Кончился онъ тѣмъ, что непріятель былъ совершенно разбитъ. По окончаніи дѣла, нашими войсками насчитано было не менѣе 200 труповъ, брошенныхъ туркменами, не смотря на коренной обычай азіятцевъ увозить своихъ убитыхъ и раненыхъ съ поля сраженія. Дѣло это навело страхъ на хивинцевъ: здѣсь собраны были всѣ наличныя, лучшія ихъ войска; они употребили въ дѣло всю свою храбрость и отвагу, и желая сдержать клятву, данную хану, дрались отчаянно. И что же вышло? Точно также какъ и прежде, полчища ихъ должны были бѣжать отъ русскаго отряда, который по своей численности далеко уступалъ имъ и былъ почти въ три раза меньше, напавшихъ на него скопищъ.

Послѣ Гурленскаго дѣла явился къ генералу Веревкину посланецъ отъ хана съ письмомъ. Ханъ писалъ, что онъ, будто бы, заключилъ перемиріе съ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ и потому просилъ пріостановить движеніе Оренбургскаго отряда. Генералъ Веревкинъ, не имѣя отъ командующаго войсками ни какого извѣстія, и зная при томъ коварство и предательство хивинцевъ, не далъ вѣры письму и отправилъ ханскаго посланца къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману; а самъ съ отрядомъ по прежнему продолжалъ наступленіе на Хиву, до которой оставалось теперь не болѣе уже трехъ переходовъ, т. е. всего около 60 верстъ.

25-го мая, войска Оренбургскаго отряда, послѣ небольшихъ стычекъ съ отступавшимъ непріятелемъ, вступили въ городъ *Кошъ-Купыръ*, совершенно брошенный жителями, которые частію были уведены для защиты ханской столицы, а частію разбѣжались отъ страха. Во всемъ городѣ найдено было только трое стариковъ, оставленныхъ для охраненія мечети т. е. церкви. Они объявили, что Хива рѣшилась защищаться до послѣдней крайности, что туда стянуты жители всѣхъ окрестныхъ городовъ, что въ ней 33 пушки и множество войска.

Отъ Кошъ-Купыря до Хивы оставался одинъ небольшой переходъ.

26-го мая генералъ Веревкинъ выступилъ изъ этого города на Хиву и пройдя верстъ десять, остановился на ночлегѣ у обширныхъ ханскихъ садовъ, идущихъ вплоть до стѣнъ Хивы, верстъ на восемь.

Сады были хорошіе, тѣнистые. Множество деревьевъ было фруктовыхъ. Нѣкоторыя изъ деревьевъ были такихъ огромныхъ размѣровъ, что каждое могло пріютить подъ своею тѣнью до ста и болѣе человѣкъ. Жара, между тѣмъ, доходила въ это время до 48°.

Отрядъ, какъ я сказалъ, остановился въ этихъ садахъ на ночлегъ, но не успѣла еще кавалерія разсѣдлать лошадей, какъ впереди, въ авангардѣ, послышалась сильная перестрѣлка. Значительная толпа хивинскихъ всадниковъ, кинулась было на нашъ передовой постъ или авангардъ, но послѣ нѣсколькихъ удачныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, обратилась въ бѣгство и скрылась въ городѣ. Нашъ отрядъ, выставивъ сторожевую цѣпь и секреты, расположился на ночлегъ.

Ночь прошла спокойно; хотя со стороны непріятеля и было сдѣлано покушеніе пробраться въ нашъ лагерь,

вслѣдствіе чего въ сторожевой цѣпи и произошла небольшая перестрѣлка, но она бивака не потревожила. Попытка эта для непріятеля не обошлась, однако, безъ урона: одна изъ его партій, человѣкъ въ 25-ть, наткнувшись ночью въ темнотѣ на нашъ секретъ, выставленный отъ кавказцевъ, вся легла изрубленная шашками и кинжалами на мѣстѣ. Кавказцы, находившіеся въ Оренбургскомъ отрядѣ и составлявшіе, какъ извѣстно, собственно Мангышлакскій отрядъ, — были грозою хивинцевъ. Въ особенности внушали непріятелю ужасъ и страхъ *Дагестанскіе казаки*, какъ своимъ наружнымъ видомъ и вооруженіемъ, такъ и своею непоколебимою храбростью и безпощадностью въ бою. Хивинцы, изъ особеннаго почтенія къ Дагестанцамъ, называли ихъ: *русскими туркменами*.

На другой день, 27-го мая, вскорѣ послѣ разсвѣта, опять впереди раздалась перестрѣлка, ударили тревогу, и войска быстро встали въ ружье. Непріятель въ значительныхъ силахъ, проскакавъ черезъ сады, вдали отъ нашей сторожевой цѣпи, стремительно бросился съ праваго и лѣваго фланговъ на нашъ лагерь. Нападеніе было сдѣлано такъ быстро, что хивинцы, проскакавъ черезъ нашу передовую цѣпь, очутились всего шагахъ во ста отъ фронта 2-го Оренбургскаго линейнаго баталльона, гдѣ и захватили цѣлый табунъ нашихъ верблюдовъ, пасшихся по близости лагеря.

Верблюды однако нашими войсками вскорѣ были отбиты, а хивинцы дорого поплатились за свою отважную и дерзкую выходку: болѣе 300 труповъ осталось на полянѣ убитыми и тяжело ранеными. Наша же потеря заключалась въ 11 раненыхъ и одномъ убитомъ казакѣ; 12 лошадей и 70 верблюдовъ были частію убиты, а частію перекалечены.

Нашъ отрядъ остался въ ханскихъ садахъ еще на *день*, т. е. ему дана была здѣсь *дневка*.

Остановка войскъ вблизи Хивы была необходима во 1-хъ для того, чтобы дать войскамъ возможность вздохнуть и оправиться послѣ 15-ти дневнаго труднаго марша, изъ которыхъ 12-ть дней были съ постояннымъ боемъ, и приготовиться затѣмъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, т. е. *штурму города;* а во 2-хъ, остановка эта была необходима и для того, чтобы собрать свѣденія о Туркестанскомъ отрядѣ.

Генералу Веревкину только случайно было извѣстно, что Туркестанскій отрядъ перешелъ Аму-Дарью и взялъ Хазаръ-аспъ; о дальнѣйшихъ же затѣмъ дѣйствіяхъ Туркестанскаго отряда ничего не было извѣстно. Посылаемые въ разныя стороны лазутчики и гонцы или совсѣмъ пропадали безъ вѣсти или если и возвращались, то свѣденій никакихъ не привозили. А между тѣмъ, свѣденія были необходимы. Прежде чѣмъ приступить къ какимъ бы то ни было дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, необходимо было войти въ связь съ Туркестанскимъ отрядомъ и получить приказанія генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, такъ какъ онъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ, участвовавшихъ въ экспедиціи.

Генералъ Веревкинъ, усиливъ авангардъ и выдвинувъ его еще впередъ версты на двѣ, рѣшился ждать извѣстій о Туркестанскомъ отрядѣ, до полудня слѣдующаго дня.

Всю ночь на 28-е мая слышна была, со стороны Хивы, сильная отдаленная пальба изъ пушекъ; но по комъ происходила эта пальба—оставалось неизвѣстнымъ

Впослѣдствіи обнаружилось, что непріятель пристрѣливался къ той мѣстности, на которой мы должны были дѣйствовать при дальнѣйшемъ движеніи къ Хивѣ.

Все утро 28-го мая, прошло въ томительномъ ожиданіи извѣстій отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана; но посланные возвращались съ пустыми руками. Дальнѣйшее выжиданіе могло быть опаснымъ для насъ, а потому генералъ Веревкинъ, рѣшился подойти къ Хивѣ на болѣе близкую и удобную позицію и развѣдать о подступахъ къ городу, т. е. какимъ способомъ удобнѣе было бы его взять.

Подобныя развѣдки, на нашемъ военномъ языкѣ, называются *рекогносцировками;* производятся иногда значительными отрядами, съ артиллеріей, и случается, что оканчиваются дѣйствительнымъ, настоящимъ штурмомъ или кровопролитнымъ боемъ.

И такъ, 28-го мая, генералъ Веревкинъ рѣшился сдѣлать усиленную рекогносцировку или развѣдку подступовъ къ г. Хивѣ. Отрядъ въ 12½ часовъ утра, выступилъ съ бивака и минуя авангардъ, которому приказано было остаться въ резервѣ, т. е. сзади, вышелъ въ боевомъ порядкѣ на поляну, гдѣ расположены были значительныя непріятельскія силы. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ гранатами, непріятель отступилъ къ городу. Нашъ отрядъ, подвигаясь между тѣмъ впередъ, вошелъ опять въ сады. Непріятеля не было видно; не было видно также и города, закрытаго садами. Наступая далѣе, отрядъ вышелъ снова на небольшую полянку, съ которой показались разныя зданія, башни и стѣны города Хивы.

Наши войска увидали, наконецъ, *тотъ городъ*, къ которому шли болѣе уже 3-хъ мѣсяцевъ, къ которому въ теченіи такого долгаго времени стремились думы и помышленія всѣхъ бывшихъ въ экспедиціи. И *тотъ городъ*, который, какъ въ сказкахъ говорится, находился за три-девять земель, въ три-девятомъ царствѣ, въ

Видъ города Хивы.

три-десятомъ государствѣ, до котораго, казалось, и недойти никогда,—стоялъ теперь у всѣхъ передъ глазами, въ какихъ нибудь *двухъ*, много *трехъ* верстахъ разстоянія. Велика была радость нашего отряда, велика и глубока была благодарность Богу, давшему силы и крѣпость преодолѣть столько трудностей и дойти до этого города!

„Теперь ужъ онъ нашъ“—думали солдатики; а въ это время со стѣнъ города непріятельскія ядра со свистомъ и ревомъ неслись надъ ихъ головами, врывались въ колонны и производили значительныя опустошенія въ рядахъ нашего войска.

Надо вамъ описать мѣстность этого послѣдняго боя. Наши войска вышли, какъ я сказалъ, на полянку. Полянка была узенькая. Впереди саженяхъ въ 600-хъ шелъ широкій и глубокій каналъ съ водой, обсаженный деревьями, за которымъ въ саженяхъ 150 виднѣлась высокая, каменная городская стѣна, съ башнями и бойницами. Черезъ каналъ былъ сдѣланъ мостъ; за нимъ стояли двѣ непріятельскія пушки, и виднѣлась густая цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ.

Едва наши войска вышли на полянку, и артиллерія стала выстраиваться на ней, какъ непріятель открылъ мѣткій артиллерійскій огонь. Отъ первыхъ же выстрѣловъ нѣсколько человѣкъ и лошадей у насъ было убито; мѣткій непріятельскій огонь былъ слѣдствіемъ той пристрѣлки, которую хивинцы производили наканунѣ. За дымомъ и пылью нельзя было хорошенько разсмотрѣть, откуда направлялись выстрѣлы: изъ города ли или съ позиціи. Когда дѣйствіемъ нашей артиллеріи, огонь непріятельскихъ орудій, стоявшихъ за каналомъ у моста, былъ немного ослабленъ, пѣхота двинулась впередъ; непріятель открылъ учащенный огонь изъ многихъ орудій, расположенныхъ на стѣнахъ города. Храбрыя

роты Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ бросились на мостъ къ непріятельскимъ орудіямъ и, переколовъ прислугу, захватили пушки. Между тѣмъ 2-й Оренбургскій батальонъ отбилъ сильное нападеніе непріятельской кавалеріи на нашъ лѣвый флангъ, а артиллерія, подъѣхавъ къ самому каналу и занявъ позицію влѣво отъ дороги, открыла огонь по стѣнамъ города, сбивая непріятельскія орудія. Въ тоже самое время капитанъ *Алихановъ* съ 60 ширванцами бросился на непріятельское орудіе, бывшее у самыхъ стѣнъ города и наносившее намъ своими выстрѣлами чувствительный вредъ.

Не смотря на частый и мѣткій огонь хивинцевъ, стрѣлявшихъ съ городскихъ стѣнъ, ширванцы, переколовъ прислугу у орудія, захватили его и вывезли на себѣ къ мосту, гдѣ стояла наша артиллерія. Съ городскихъ стѣнъ во все время не умолкалъ жестокій ружейный огонь, направленный на эту кучку храбрецовъ. Везя орудіе и неся на рукахъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, ширванцы ловко пользовались всѣми мѣстными закрытіями, встрѣчавшимися имъ по дорогѣ, т. е. зданіями, стоящими на полянкѣ, деревьями, бугорками и т. п., но не смотря на то съ большими потерями достигли лишь мѣста. Дѣло это было очень жаркое. Тутъ же около моста былъ раненъ пулею въ щеку, немного пониже виска, и начальникъ Оренбургскаго отряда, генералъ Веревкинъ. Онъ не могъ болѣе оставаться въ бою и передалъ командованіе войсками начальнику своего штаба.

Во время этой горячей рекогносцировки, давшей намъ возможность близко ознакомиться съ высотою и расположеніемъ стѣнъ, а равно и съ подступами къ ней, на случай бомбардировки и штурма, непріятель сдѣлалъ нападеніе на лагерь, обозъ и фланги,—но вездѣ былъ

отраженъ съ урономъ. Непріятельскій артиллерійскій огонь, спустя часа полтора послѣ взятія орудія, совершенно замолкъ, и къ генералу Веревкину явился посолъ, дядя хана. Онъ объявилъ, что подъ ханомъ убита лошадь, и что онъ неизвѣстно куда скрылся изъ города; что жители раздѣлились на двѣ партіи: одна хотѣла непремѣнно сдать городъ, другая же, имѣя въ главѣ 1000 воинственныхъ туркменъ, не хотѣла и слушать о сдачѣ. Дѣйствительно въ то самое время, когда шли эти мирные переговоры, со стѣнъ города открытъ былъ снова огонь, направленный на нашу артиллерію и прикрытіе. Но вскорѣ наши гранаты заставили хивинцевъ прекратить пальбу, и отъ нихъ высланъ былъ другой посолъ для мирныхъ переговоровъ съ нами. Этому послу объявлены были условія съ тѣмъ, что если отвѣтъ на нихъ не будетъ доставленъ по истеченіи 3-хъ часовъ, то городъ подвергнется бомбардировкѣ.

Дѣло 28-го мая, подъ стѣнами Хивы, выказало блистательнымъ образомъ воинскую доблесть и непоколебимое мужество нашихъ войскъ: неудержимая, стремительная атака пѣхоты, подъ страшнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, навела, по собственнымъ словамъ хивинцевъ, на нихъ ужасъ. Никогда, ничего подобнаго имъ еще не случалось видѣть. Но къ сожалѣнію потери наши въ этомъ дѣлѣ были значительныя: убитыхъ 5 человѣкъ; раненыхъ: генералъ Веревкинъ, 5 офицеровъ и 45 нижнихъ чиновъ; контуженныхъ 4 офицера и 11 нижнихъ чиновъ, всего же выбывшихъ изъ строя 71 человѣкъ. Потери непріятеля съ точностію неизвѣстны, но надо полагать, также были немалыя.

Поздно вечеромъ въ этотъ же день, генералъ Веревкинъ получилъ предписаніе отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, о прекращеніи огня, если со стѣнъ го-

рода не будутъ стрѣлять по ввѣреннымъ ему войскамъ. Распоряженіе это было вызвано тѣмъ, что 28-го же мая, вечеромъ, въ Туркестанскій отрядъ, находившійся у восточной стороны города, явился двоюродный братъ хана, съ письмомъ отъ хана, въ которомъ повелитель хивинскаго ханства изъявлялъ полную покорность и предавая, какъ самаго себя, такъ и все свое ханство на милосердіе Государя Императора, просилъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана приказать Оренбургскому отряду прекратить пальбу по городу.

Исполнивъ эту просьбу хана, командующій войсками передалъ посланному свое желаніе, чтобы ханъ на другой день, утромъ 29-го мая, выѣхалъ къ нему навстрѣчу.

Между тѣмъ, 29-го мая, съ ранняго утра, хивинцы вновь открыли огонь по войскамъ Оренбургскаго отряда. Тогда желая окончательно очистить городъ отъ враждебной намъ партіи, препятствовавшей мирному вступленію нашихъ войскъ въ столицу, приказано было пробить брешь въ стѣнахъ города и овладѣть оградою; брешь была скоро пробита, вызваны были охотники идти на штурмъ. Штурмовая колонна тронулась, и первымъ ворвался въ городъ полковникъ Скобелевъ. Непріятельскія орудія, стоявшія за оградою по близости, тотчасъ же нами были захвачены. Между тѣмъ хивинцы, лишь только войска наши ворвались въ городъ, дали по нимъ залпъ и съ неистовыми криками бросились на выстраивавшуюся пѣхоту. Хотя напоръ непріятеля въ это мгновеніе и былъ необыкновенно силенъ, но войска наши однако устояли и бросились выламывать ворота, что бы открыть путь для нашей артиллеріи. Дружными усиліями ворота удалось скоро выломать, и въ городъ въѣхали наши пушки. Два, три кар-

течныхъ выстрѣла, двѣ, три ракеты, пущенныя по толпившимся хивинцамъ, и ихъ какъ не бывало: весь этотъ сбродъ разсѣялся, улицы опустѣли, Хива была наша.

Между тѣмъ, пока происходили эти дѣйствія въ *сѣверной части города*, къ другой его сторонѣ, — *восточной*, подошли войска Туркестанскаго отряда, и въ главѣ ихъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ. Здѣсь встрѣтили Туркестанскій отрядъ, выѣхавшіе изъ города важнѣйшіе и почетные сановники ханства, но хана между ними не было: ханъ съ воинственной партіей туркменовъ—Іомудовъ бѣжалъ изъ города и неизвѣстно гдѣ находился. Выѣхавшіе лица представляли собою депутатовъ и сдавали городъ безусловно, т. е. ничего съ своей стороны не предлагали, а полагались единственно на милость и великодушіе побѣдителей. Командующій войсками послалъ къ генералу Веревкину приказаніе больше не стрѣлять, и велѣлъ готовиться войскамъ къ вступленію въ городъ.

Въ это время къ Туркестанскому отряду подошли, высланные генераломъ Веревкинымъ для возстановленія связи между отрядами, 2 роты пѣхоты, 2 орудія и 4 сотни казаковъ. Радостна была встрѣча боевыхъ товарищей. Разспросамъ и разсказамъ съ обѣихъ сторонъ, казалось, и конца не будетъ.....

Послѣ небольшаго отдыха, въ 2 часа дня, войска отъ всѣхъ трехъ отрядовъ, по нѣскольку ротъ, сотенъ и орудій отъ каждаго, тронулись къ городу Хивѣ и торжественно, подъ звуки музыки Ширванскаго полка, вступили въ столицу хивинскаго ханства. Пройдя нѣсколько улицъ, войска остановились на площади передъ ханскимъ дворцемъ. Здѣсь генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, поздравилъ именемъ Государя Императора, доблестныя войска съ побѣдою, успѣшнымъ окончаніемъ

экспедиціи и благодарилъ молодцевъ за славную, честную, вѣрную долгу и присягѣ службу.

Мощное русское „ура“ торжественно и громко раздавшееся въ стѣнахъ покореннаго города, было отвѣтомъ войскъ на привѣтствіе ихъ главнаго начальника.

Такимъ образомъ закончился Хивинскій походъ, одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ, славныхъ и достопамятныхъ походовъ, когда либо совершенныхъ не только русскими войсками, но и вообще какими бы то ни было арміями въ мірѣ! Вы слышали какимъ лишеніямъ и трудамъ подвергались всѣ участники этого похода; сколько пришлось имъ извѣдать, на тысячеверстномъ пути, разныхъ невзгодъ, неудобствъ, тяжкихъ страданій, горя,—но, не смотря ни на что, русскія войска выполнили возложенную на нихъ задачу, добрались до столицы ханства и взяли ее. Послѣ такого примѣра, какой представляетъ собою Хивинскій походъ, мы, русскіе, не хвастая, въ правѣ сказать, *что для нашихъ войскъ нѣтъ ничего невозможнаго.*

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о томъ, что было послѣ вступленія нашихъ войскъ въ Хиву. Хива была занята нашими войсками 29-го мая. На другой день 30-го мая, въ день годовщины рожденія Императора Петра Великаго, отслуженъ былъ въ войскахъ сначала молебенъ за здравіе благополучно нынѣ царствующаго Государя Императора, а потомъ панихида за упокой Царя Петра I-го и всѣхъ убіенныхъ въ войнѣ съ Хивою.

2-го Іюня вечеромъ, явился къ командующему войска-

ми хивинскій ханъ съ повинною. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ принялъ хана съ почетомъ и допустилъ его управлять страною, приставивъ, однако, на время пребыванія нашихъ войскъ въ Хивѣ, особый совѣтъ къ хану изъ нашихъ офицеровъ. Затѣмъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ нашелъ нужнымъ уничтожить невольничество въ хивинскомъ ханствѣ, т. е. освободить рабовъ или невольниковъ, преимущественно персіянъ, которыхъ туркмены захватывали въ плѣнъ и продавали въ вѣчное рабство хивинскимъ жителямъ. Не говоря уже о томъ, что подобный торгъ людьми, какъ скотомъ, самъ по себѣ постыденъ и жестокъ, но терпѣть его въ странѣ, занятой войсками русскаго Государя, значило-бы уронить достоинство русскаго имени. А потому генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ и предложилъ хану издать указъ, которымъ бы всѣ рабы освобождались на волю, и самая торговля ими уничтожалась-бы на вѣки вѣчные.

12-го Іюня ханъ написалъ и обнародовалъ по этому поводу слѣдующій указъ отъ себя:

„Я, Сеидъ-Мухамедъ-Ханъ, во имя глубокаго уваженія къ русскому Императору, повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу русскому.“

Такимъ образомъ, 40 тысячъ рабовъ—персіянъ, томившихся въ злой и тяжкой неволѣ, благодаря русскимъ, стали свободными.

7-го Іюня наши войска ходили изъ Хивы усмирять взбунтовавшихся туркменъ, воинственныхъ подданныхъ хивинскаго хана, которымъ очень не нравилось, что

русскіе освободили рабовъ и наложили денежную пеню или контрибуцію на всѣхъ хивинскихъ жителей, въ томъ числѣ и на нихъ, туркменъ. Эта экспедиція въ туркменскія земли продолжалась почти мѣсяцъ и была очень замѣчательна. Усмиривъ степныхъ разбойниковъ, т. е. туркменъ, и взявъ съ нихъ сколько слѣдовало контрибуціи, наши войска возвратились въ Хиву и стали приготовляться къ обратному походу домой. 9-го августа выступили изъ Хивы первые наши отряды, именно: войска Кавказскаго округа. Послѣдними вышли войска Туркестанскаго округа. Переправившись черезъ рѣку Аму-Дарью, войска этого отряда, на правомъ берегу рѣки, около хивинскаго города Шурухана, построили укрѣпленіе, названное *Петро-Александровскимъ*, въ которомъ и оставили гарнизонъ. Этотъ гарнизонъ находится тамъ и по настоящее время. Онъ состоялъ изъ 9 ротъ пѣхоты, 4-хъ сотенъ казаковъ и 8 орудій. Остальныя же затѣмъ части Туркестанскаго округа благополучно прибыли, между 11 и 13 числами октября того же 1873 года, на свои постоянныя квартиры въ Ташкентъ и Перовскъ.

Обратное слѣдованіе нашихъ войскъ домой, происходило по-эшелонно, малыми переходами, безъ утомленія. Дорога была уже извѣстна, и кромѣ того были приняты всѣ мѣры, что-бы облегчить движеніе войскъ черезъ пустыни. Войска совершили этотъ обратный походъ вполнѣ молодецки: весело и бодро. Больныхъ было самое небольшое количество; умершихъ отъ болѣзней—ни одного человѣка.

Мирный договоръ, который Государю Императору угодно было предписать хивинскому хану, заключался въ главныхъ статьяхъ въ слѣдующемъ:

1) Къ Россіи присоединяются всѣ Хивинскія земли, лежащія по правому берегу р: Аму-Дарьи на всемъ ея теченіи.

2) Хива должна выплатить Россіи 2.200,000 р. сер. за военныя издержки.

3) Русскіе купцы могутъ торговать по всему хивинскому ханству, гдѣ только пожелаютъ, безъ всякой пошлины; а также провозить свои товары безпошлинно и безпрепятственно чрезъ хивинскія владѣнія въ сосѣднія земли.

4) Торговля невольниками въ хивинскомъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена.

5) Ханъ обязывается не принимать и не давать у себя убѣжища разнымъ разбойникамъ, а также бѣглецамъ изъ русскихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ въ 1873 году, нашими храбрыми, славными и доблестными войсками положенъ конецъ хищничеству и раззорено послѣднее разбойническое гнѣздо, послѣдній оплотъ варваровъ и хищниковъ.

Въ заключеніе я разскажу вамъ кое-что о хивинскомъ ханствѣ, объ этой далекой и бывшей до сихъ поръ неизвѣстной для насъ землѣ, о жителяхъ, населяющихъ это ханство, о ихъ нравахъ, обычаяхъ и проч.

Хивинское ханство, какъ я уже говорилъ, находится далеко отъ насъ. Отъ Петербурга до Хивы считается около 3,500 верстъ.

Страна свѣта, въ которой лежитъ хивинское ханство, называется *Азіей*. Ханство это очень небольшое, можно сказать ничтожное, не только по сравненію съ нашимъ государствомъ, объ этомъ, конечно, и рѣчи быть не

можетъ, но и по сравненію съ другими сосѣдними съ нимъ ханствами.

Жители хивинскаго ханства раздѣляются на *осѣдлыхъ* и *кочевыхъ*. Осѣдлые—состоятъ изъ народа, называемаго *таджиками* или *сартами*, и другаго народа, называемаго *узбеками*.

Таджики или *сарты* были самыми давнишними жителями этой страны. Они занимаются отчасти хлѣбопашествомъ, главнымъ же образомъ торговлею. Почти вся торговля ханства находится въ ихъ рукахъ. Съ своими товарами они пріѣзжаютъ и къ намъ въ Нижній, Москву, Семипалатинскъ, и пробираются въ Китай.

Сарты большіе трусы, воевать не любятъ и не умѣютъ, за то обмануть, надуть, провести кого угодно, большіе мастера. Въ настоящее время названіе *сартъ* стало браннымъ словомъ.

Узбеки,—народъ воинственный. Они пришли въ эту землю, покорили сартовъ и стали надъ ними господствовать. Ханы и всѣ высшіе сановники ханства родомъ узбеки. *Кочующіе* народы ханства называются: *каракалпаками*, *киргизами* и *туркменами*.

Они, какъ и всѣ вообще кочевники, занимаются скотоводствомъ, но главный ихъ промыселъ, какъ я уже не разъ упоминалъ, состоитъ въ разбояхъ, грабежахъ, въ захватѣ людей и продажѣ ихъ въ неволю.

Туркмены самые свирѣпые и жестокіе изъ всѣхъ этихъ кочевниковъ. Земли ихъ прилегаютъ къ ханству съ лѣвой стороны и идутъ вплоть до Каспійскаго моря. Это тѣ самыя земли, по которымъ шелъ Красноводскій отрядъ. Этихъ варваровъ насчитывается до милліона душъ. Болѣе многочисленныя и извѣстныя по своей жестокости туркменскія племена называются: *Іомуды*, *Теkенцы и Чодоры*.

Туркмены своими разбоями и грабежами держатъ въ постоянномъ страхѣ, не только всѣхъ жителей ханства, но даже и самаго хана.

Ханъ, по малочисленности своего войска, ничего не можетъ съ ними сдѣлать и на столько боится ихъ, что даже не налагаетъ на нихъ никакихъ податей.

Вся обязанность туркменъ относительно хана, заключается въ томъ, что въ случаѣ войны они выставляютъ ему извѣстное число воиновъ; но и этого часто не исполняютъ: выставляютъ не столько, сколько приказываетъ имъ ханъ, а сколько сами того пожелаютъ.

Да и тѣ, которые поступаютъ на службу хана, за частую не слушаются его приказаній: то самовольно уходятъ со службы домой, то во время сраженія вдругъ оставятъ поле битвы и ускачутъ невѣдомо куда, или же начнутъ грабить мирныхъ жителей ханства. Словомъ, повиновенія и послушанія даже и въ тѣхъ туркменахъ, которые находятся въ военной службѣ, нѣтъ никакого; а ужъ безъ этого какое же можетъ быть войско?

Туркмены *по преимуществу* занимаются ловлей людей и продажей ихъ въ рабство. Въ хивинскомъ ханствѣ, когда мы его покорили, однихъ плѣнныхъ Персіянъ насчитывалось до 40 тысячъ. Между невольниками находились и наши русскіе, но ихъ ханъ, передъ самой войной, выпустилъ на свободу и прислалъ въ числѣ 21 человѣка въ Казалинскъ, чтобы насъ умилостивить.

Торговля людьми велась въ Хивѣ съ незапамятныхъ временъ. Для этого въ Хивѣ имѣлись особые невольническіе рынки, куда проводили всѣхъ, захваченныхъ при набѣгахъ, плѣнныхъ. Покупщики разсматривали этихъ несчастныхъ людей, какъ вещь или скотъ и, сообразно съ силой, красотой, смышленостію невольника, назначали цѣну. Такъ взрослый мущина, здоровый

и сильный стоилъ дороже слабаго и хилаго. Отъ женщинъ требовались иныя качества. Въ нихъ цѣнилась красота, молодость, полнота и т. д. Но женщины стоили почти вдвое дешевле, чѣмъ мущины.

Русскіе плѣнники цѣнились всегда дороже другихъ. Въ послѣдніе годы русскіе невольники продавались на хивинскомъ рынкѣ около *четырехъ-сотъ рублей*, и даже доходили до *800 за человѣка*. Русскіе цѣнились дороже потому, что считались болѣе искусными работниками. Они всегда попадали въ руки или хану или высшимъ сановникамъ.

Русскихъ ловили болѣе всего на Каспійскомъ морѣ, на Оренбургско-Сибирской линіи и въ низовьяхъ рѣкъ Эмбы и Урала.

Но всего болѣе ловили туркмены персіянъ, такъ какъ персіяне живутъ съ ними по близости. Наловивъ достаточное количество людей, туркмены составляли изъ нихъ караваны и отправляли на продажу въ Хиву. Обращеніе съ плѣнными было самое жестокое. Дорогой, чтобы плѣнные не могли убѣжать, имъ во 1-хъ давали ѣсть очень мало, лишь на столько, чтобы они не умерли съ голода, и во 2-хъ на ночь, при остановкахъ, всѣхъ плѣнныхъ сковывали и привязывали къ приколу или кибиткѣ и при томъ такъ коротко, что они не имѣли возможности ни встать, ни сѣсть. Побои и всякія истязанія, на которыя только хватало ума у этихъ варваровъ, были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, заурядъ нымъ. Не рѣдкость напр: встрѣтить плѣнныхъ съ отрѣзанными ушами, обрубленными носами и т. п. По продажѣ въ рабство, если хозяинъ замѣчалъ намѣреніе плѣннаго бѣжать, то, безъ дальнихъ околичностей, разрѣзывалъ ему подошвы или икры ногъ и насыпалъ туда рубленый конскій волосъ, черезъ что не только побѣгъ

былъ невозможенъ, но и обыкновенная, тихая ходьба становилась до крайности мучительной. Съ женщинами же и дѣвушками нечего и говорить, какъ обращались эти варвары.

Плѣнные, не распроданные въ Хивѣ, отправлялись далѣе въ Бухару; если и тамъ этотъ живой товаръ залеживался и не шелъ съ рукъ, то переправлялся дальше въ другіе города.

Съ военно-плѣнными хивинцы обращались еще хуже: имъ рубили головы, втыкали на шесты и выставляли на показъ на площадяхъ въ Хивѣ.

Хивинцы, какъ кочевые, такъ и осѣдлые, одѣваются въ халаты, но не яркихъ цвѣтовъ, какъ у жителей другихъ ханствъ, а въ полосатые, синяго и коричневаго цвѣта. Халаты дѣлаются изъ бумажной и шелковой матеріи, на подкладкѣ изъ ваты. Шьются они вообще неуклюже, съ очень длинными рукавами. Надѣваются прямо на голое тѣло. Когда холодно, то надѣваютъ нѣсколько халатовъ одинъ на другой, такъ что по числу халатовъ опредѣляется у нихъ и холодъ: *холодъ въ два халата*, *въ три* и т. д. На головѣ мущины носятъ высокія шапки изъ мерлушекъ, которыхъ нигдѣ не снимаютъ, даже и въ гостяхъ. Всѣ мущины волосы на головѣ брѣютъ, а усовъ и бороды никогда. Шапками и халатами ханъ награждаетъ тѣхъ, кого онъ хочетъ отличить.

Женщины носятъ на головѣ чалмы и лицо закрываютъ покрываломъ или частою волосяною сѣткою, чтобы оно не было видно. Показываться съ открытымъ лицомъ кому бы то ни было, кромѣ своего мужа и близкихъ родныхъ, считается позоромъ и грѣхомъ. Ногти рукъ женщины красятъ несмываемою, темножелтою краскою. На шеѣ, какъ бѣдныя, такъ и бога-

тыя носятъ монисты или ожерелье изъ монетъ и коралловъ. На ноги надѣваютъ широкія шаровары и башмаки съ загнутыми кверху носками, на высокихъ, тонкихъ каблукахъ, подбитыхъ мѣдными подковками. Дома вмѣсто халатовъ, женщины носятъ короткій бешметъ, который туго стягиваютъ по таліи кушакомъ.

Складъ лица у *кочевыхъ* жителей ханства почти такой же какъ у татаръ: широкія, выдающіяся скулы, узкій лобъ, маленькіе, узкіе глаза въ родѣ щелочекъ, которыми однако они видятъ превосходно и при томъ на громадныя разстоянія. Но *узбеки*, и въ особенности *сарты*, гораздо красивѣе кочевниковъ. Лица у нихъ болѣе правильныя и не такія грубыя и жестокія, какъ у кочевниковъ.

Вѣра у хивинцевъ такая же, какъ и у татаръ: *магометанская*, допускающая многоженство. Духовные лица называются у нихъ *муллами*, а церкви *мечетями*. По уставу своей вѣры хивинцы должны быть всѣ грамотные; каждый отецъ семейства обязанъ посылать своихъ дѣтей въ школу и не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, съ 10 лѣтняго возраста. Обученіемъ дѣтей занимаются у нихъ духовные лица. Есть и высшія школы, называемыя *Медрессе*. Но все обученіе и въ этихъ высшихъ школахъ заключается только въ затверживаніи на память книгъ духовнаго содержанія. Наукъ же ни какихъ не проходится, а потому хивинскіе жители, не исключая и самаго хана, не знаютъ даже и того, что у насъ проходится въ самыхъ низшихъ школахъ. Ханъ, напримѣръ, съ удивленіемъ слушалъ разсказъ одного изъ нашихъ офицеровъ о томъ, что земля круглая; и не мало также удивлялся картѣ своихъ же собственныхъ владѣній, которую ему показывали наши офицеры.

Хорошей, плодородной земли, какъ вы уже слышали,

въ хивинскомъ ханствѣ очень не много. Главная причина того, почему въ ханствѣ мало земли, годной для хлѣбопашества и вообще для обработки, заключается въ недостаткѣ влаги въ воздухѣ. Воздухъ тамъ очень сухъ. Дождей и росъ, въ тѣхъ мѣстахъ, почти во все лѣто не бываетъ. А потому и является засуха и земля обращается въ пыль и песокъ. Гдѣ естъ рѣки и гдѣ, стало быть, можно устроить искуственное орошеніе полей, тамъ только и занимаются обработкою ихъ. Вотъ поэтому-то по берегамъ рѣки Аму-Дарьи, да не въ далекомъ отъ нея разстояніи, только и встрѣчаются обработанныя поля. Жители проводятъ отъ рѣки на свои поля множество каналовъ. Каналы эти или *арыки* бываютъ и большіе и малые. Сначала отъ рѣки идутъ большіе или главные каналы, достигающіе въ длину нѣсколько десятковъ верстъ, въ ширину до 20 сажень и такой глубины, что по нимъ могутъ ходить большія барки. Отъ этихъ главныхъ каналовъ въ разныя стороны проведены малые или второстепенные, которые, въ свою очередь, развѣтвляются еще на безчисленное множество меньшихъ и т. д. По всѣмъ этимъ каналамъ изъ рѣки пускается вода, которая и употребляется для поливки полей, накачиваемая особо устроенными большими водоподъемными колесами съ черпаками. Какъ не трудно копать такіе длинные, на нѣсколько десятковъ верстъ, широкіе и глубокіе каналы и затѣмъ, постоянно заботиться о поддержаніи ихъ въ исправномъ видѣ, но жители занимаются этой тяжкой работой съ примѣрнымъ трудолюбіемъ и стараніемъ. За то труды ихъ и вознаграждаются сторицею: земля даетъ огромные урожаи. Не рѣдкость получить урожай самъ въ 200. Жители сѣютъ пшеницу, рисъ, джугару—родъ ячменя, разводятъ и хлопокъ. Поля обыкновенно обсаживаются

тутовыми деревьями, листья которыхъ служатъ пищей для шелковичныхъ червей. Жители, кромѣ хлѣбопашества, занимаются также садоводствомъ и огородничествомъ. Разные фрукты и овощи родятся въ большомъ изобиліи.

Изъ фруктъ особенно славятся *дыни*, по своему пріятному вкусу и запаху. Хивинскія дыни привозятся на продажу даже и къ намъ, въ Россію. Ихъ извѣстно до 12 разныхъ сортовъ.

Фабрикъ и заводовъ въ хивинскомъ ханствѣ очень мало; большая часть фабричныхъ товаровъ идетъ въ Хиву отъ насъ, изъ Россіи. Преимущественно идутъ ситцы и затѣмъ самовары и сундуки.

Дома свои жители строятъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ большею частію въ одинъ этажъ. Матеріяломъ для ихъ постройки служатъ или глина или необожженый кирпичъ. Всѣ дома обращены дверями и окнами непремѣнно во дворъ, а не на улицу. Кругомъ обносятся высокими заборами. Около домовъ всегда есть хотя нѣсколько большихъ, вѣтвистыхъ деревьевъ, называемыхъ *карагачъ*, дающихъ, даже въ самый зной, хорошую тѣнь и прохладу. Очень часто встрѣчаются также и фруктовыя деревья: персиковыя, абрикосовыя и другія, а также и виноградъ.

Хивинскіе города и мѣстечки издали кажутся очень красивыми. Что въ особенности краситъ ихъ, такъ это сады. Но когда войдешь въ самый городъ, то вся красота его пропадаетъ. Улицы узкія, кривыя, немощеныя и потому въ сухое время года страшно-пыльныя, а въ дождливое (осенью и зимою) донельзя грязныя. Домовъ не видно, а по обѣимъ сторонамъ улицы тянутся только заборы, сложенные изъ глины или необожженаго кирпича. Прохожихъ и вообще движенія

на улицахъ очень мало; но за то на базарахъ многолюдство большое. Базаръ самое любимѣйшее мѣстопребываніе жителей. Тутъ у нихъ помѣщаются лавки со всевозможными товарами: съ арбузами, дынями, деревянной и глиняной посудой, съ мясомъ, съ сѣдлами и прочей конской сбруей, съ красками, табакомъ, крупой и т. д. всего не пересчитаешь. Тутъ же можно видѣть, какъ въ одной изъ лавокъ цирюльникъ брѣетъ щетинистую голову хивинца. Рядомъ въ харчевнѣ варятся пельмени съ бараниной, любимое блюдо тамошнихъ жителей; еще далѣе расположилась чайная, около нея продается дурной, разбавленный водою—кумысъ. Между лавками снуетъ народъ.... Сотни людей неистово кричатъ, шумятъ и тутъ же на базарѣ ѣдятъ, спятъ, моются, брѣются, ткутъ, шьютъ и т. д. Шумъ и гамъ стоятъ невыразимые. Всѣ хивинскіе города обносятся или каменными стѣнами или землянымъ валомъ со рвомъ. Въ болѣе важныхъ городахъ имѣются цитадели, вторично окруженныя каменными стѣнами.

Самыя красивыя зданія находятся въ Хивѣ, но и тамъ ихъ не особенно много. Къ нимъ принадлежатъ: *ханскій дворецъ*, нѣсколько *мечетей* т. е. церквей съ высокими *минаретами*, въ родѣ нашихъ колоколенъ, съ которыхъ народъ призывается криками муэдзиновъ или дьячковъ на молитву; а также нѣсколько зданій, въ которыхъ помѣщаются высшія школы, называемыя *медрессе*. Вотъ и всѣ почти красивыя зданія. Въ другихъ же городахъ и того нѣтъ.

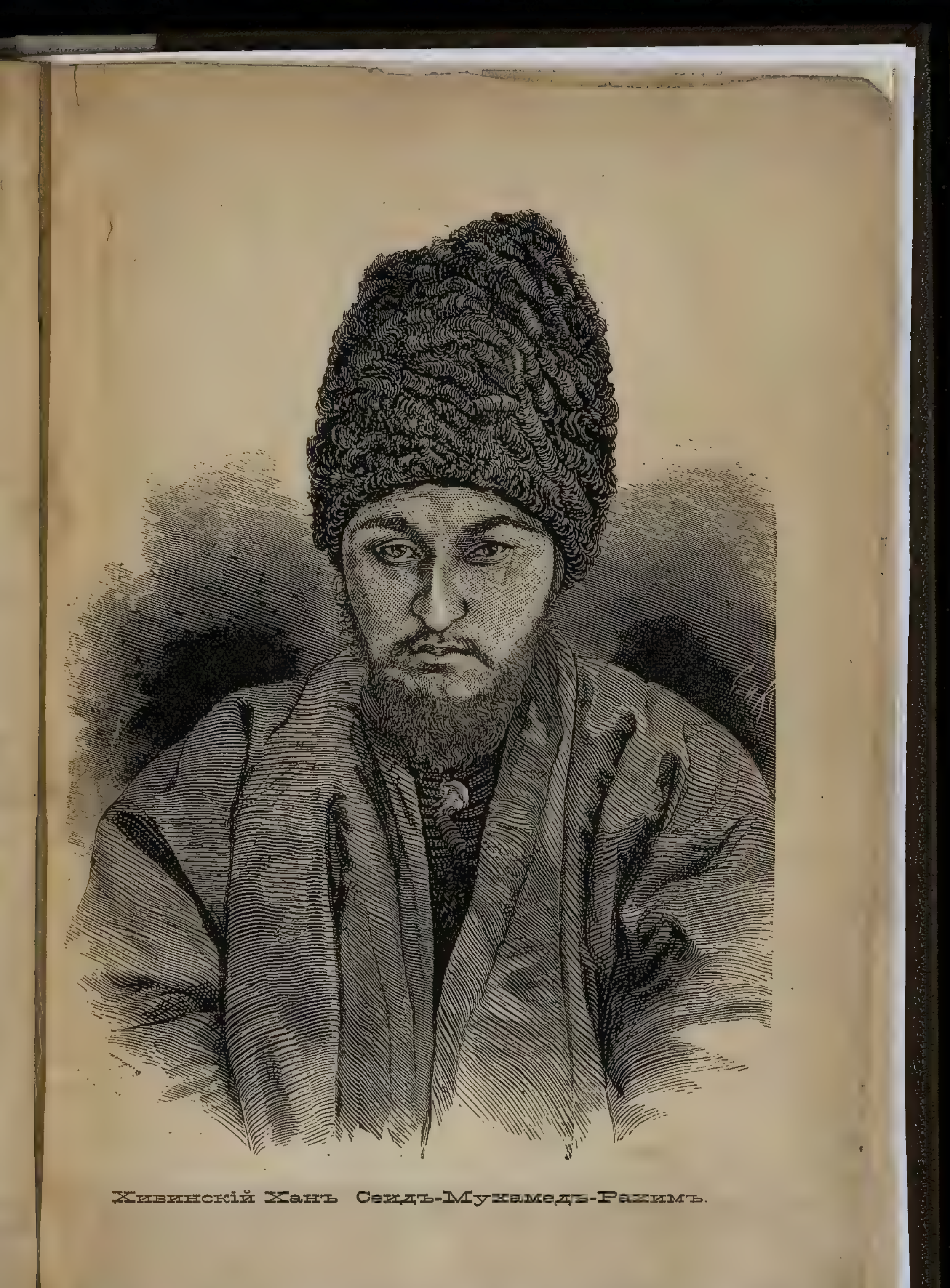
Ханъ есть высшій повелитель своего народа и какъ онъ, такъ и его приближенные сановники управляютъ народомъ самовластно. Казни въ хивинскомъ ханствѣ дѣло самое обыкновенное, такъ сказать *любезное*, и происходятъ чуть-ли не каждый день. Винов-

ныхъ даже въ небольшихъ проступкахъ, безъ дальнихъ околичностей, вѣшаютъ или рѣжутъ. Для этого имѣются въ каждомъ городѣ особыя мѣста казни. Въ Хивѣ напр: такихъ мѣстъ было *четыре*: *два* для *вѣшанья*, и *два* для *отрѣзыванія головъ*. На мѣстахъ казни для вѣшанья стоятъ постоянно висѣлицы, которыя рѣдко бываютъ пусты. Одно изъ мѣстъ казни для отрѣзыванія головъ находится у самаго дворца хана. На площадкѣ, противъ главныхъ дворцовыхъ воротъ, вырыта большая четыреугольная яма, въ которой и рѣжутъ несчастныхъ провинившихся, какъ барановъ.

Кромѣ этихъ 2-хъ казней существуетъ еще и третья, весьма распространенная и въ другихъ ханствахъ. Казнь эта по своей жестокости превосходитъ первыя двѣ, и заключается въ томъ, что виновныхъ бросаютъ въ глубокій и темный колодецъ, имѣющій вверху отверстіе не болѣе 1½ аршина, длиною же до десяти и болѣе саженъ. Брошенные туда обрѣкаются голодной смерти. Но прежде чѣмъ умереть отъ голода, несчастные вдоволь намучаются и натерпятся отъ укушенія крысъ, мышей и насѣкомыхъ, которыхъ тамъ множество, и отъ ужаснаго смрада, стоящаго на днѣ такого колодца, вслѣдствіе гніенія труповъ другихъ несчастныхъ, брошенныхъ туда ранѣе.

Человѣку, попавшему въ такой колодецъ или, какъ онъ называется, *клоповникъ*,—спасенія уже нѣтъ.

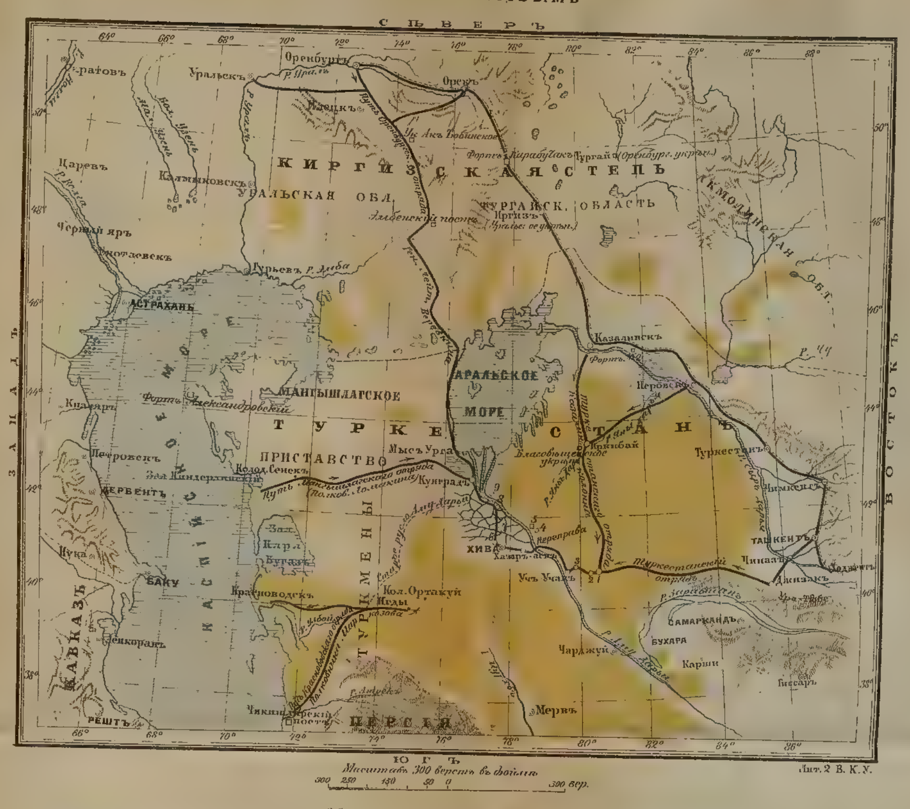
Настоящій правитель хивинскаго ханства, молодой человѣкъ около 30-ти лѣтъ; зовутъ его *Магомедъ-Рахимъ-Ханъ*.

Хивинскій Ханъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ.

КАРТА КЪ ХИВИНСКОМУ ПОХОДУ

СОСТ. А. ХРЕБТОВЫМЪ

Объясненіе знаковъ

- моря, рѣки, озера, арыки или канавы и пересохшія рѣки.
- горы
- пески
- пути отрядовъ
- Главный почтовый трактъ
- ◎ города.
- форты или укрѣпленія казачьи

1 Хальата.
2 Адамъ Крылганъ.
3 Алты Кудукъ.
4 Шуруханъ
5 Укрѣп. Петро Александровское.
6 Кошъ купыръ
7 Гурленъ
8 Ходжейли
9 Нукусъ

...ія для народа, изд... ...едагогическаго отдѣла Музея
...рикладныхъ знаній д... ...чати, из... ...произнесенныхъ въ Соляномъ
...горо...

I. Законъ Божій и Свящ. Исторія.

1—12 *О Святой землѣ*, Свящ. В. Г. Пѣвцова, 12 чтеній, каждое по 5 к.
13 *Св. Пророкъ Моисей*, его же 10 »
14 *Языческая вѣра и св. Апостолъ Павелъ* 10 »
15 *О трудахъ св. Апостоловъ* 10 »
16 *Гоненія на христіанъ и св. мученики* 10 »
17 *Тоже*—продолженіе 10 »

II. Отечественная исторія.

18 *Св. Кириллъ и Меѳодій*, П. И. Рогова 10 »
19 *Начало Руси и Владиміръ Св.*, его же 10 »
20—21 *Татарскій погромъ и Св. Александръ Невскій*, его же два чтенія по 15 »
22 *Смутное время*, его же 10 »
23 *Царь Петръ Великій*, И. И. Шалфеева 8 »
24 *М. В. Ломоносовъ*, В. М. Сорокина 10 »
25 *Императрица Екатерина II*, П. И. Рогова 10 »
26—28 *Двѣнадцатый годъ*, И. И. Шалфеева, 3 чтенія по 20 »
29—32 *Кавказъ и Кавказская война*, Е. П. Вишнякова (съ картинами), 4 чтенія, каждое по 25 »
33—36 *Хивинскій походъ*, А. Н. Хребтова, 4 чтенія въ одной книгѣ, съ картинами и картой 50 »

III. Отечествовѣдѣніе.

37—38 Разсказы бывалаго человѣка, Ѳ. А. Тарапыгина, 2 чтенія 12 »
39 Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы, Н. А Александрова 10 »
40 Зыряне, Вотяки и Пермяки, его же 10 »
41 Русскія морозныя страны, Максимова 10 »
42 Необитаемая страна, его же 10 »
43 *Зимовка на Новой Землѣ*, его же. 10 »

IV. Всеобщая географія.

44 Описаніе полярной Америки. А. М. Воронецкаго 10 »

V. Міровѣдѣніе.

45 *Какого вида земля и какъ велика она*, Н. Б. Медера 10 »
46. *Отчего происходятъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима*, его же 10 к.
47 *Что мы видимъ на небѣ ночью?* (о неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ). А. М. Воронецкаго 10 »
48 *О теплѣ и воздухѣ*, Н. П. Животовскаго 10 »
49 *О грозѣ*, его же 10 »
50 *Отчего происходятъ дождь и снѣгъ*, его же 10 »

VI. Естественная Исторія.

51 О китѣ А. Б. Ганике 5 »
52 О ленточныхъ глистахъ, Э. К. Брандта 10 »
53 О круглыхъ глистахъ, его же 10 »
54 О чесоточныхъ зудняхъ, его же 10 »
55 О пчелахъ и муравьяхъ, его же 10 »
56 О животныхъ, полезныхъ для полей и лѣсовъ, П. А. Аникіева 10 »
57 О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для полей и лѣсовъ, его же 10 »
58 О насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ для полей и лѣсовъ, его же 10 »

VII. Гигіена.

59 Наши жилища, П. А. Илинскаго 10 »
60 Тѣсныя и сырыя квартиры, Я. М. Шмулевича 10 »
61 *Одежда и чистоплотность*, П. А. Илинскаго 10 »
62 *О пищѣ*, его же 10 »
63 *О питьѣ*, его же 10 »
64 *О хорошей и дурной водѣ*, Я. М. Шмулевича 10 »
65 *Первоначальная помощь опасно заболѣвающимъ до прибытія врача*. Чтеніе 1-е, объ апоплексіи или острѣлѣ, Н. Ф. Глинскаго 10 »

VIII. Словесность.

66 *А. В. Кольцовъ и его пѣсни*, А. И. Николича 10 »

IX. Изъ области нравственныхъ наукъ.

67 Мужьямъ о женахъ, Свящ. В. Г. Пѣвцова 10 »
68 Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ, В. П. Коховскаго 10 »
69 О трудѣ и отдыхѣ, его же 10 »

Чтенія, напечатанныя *курсивомъ* одобрены коммиссіею также и для войскъ.

Всѣ вышеозначенныя чтенія, а также «Руководство къ употребленію волшебнаго фонаря», состав. Н. П. Животовскимъ (Ц. 60 к. с.), можно получить во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы, а также **въ книжномъ магазинѣ Фену и К°, въ зданіи Солянаго городка**. Картины на стеклѣ, какъ раскрашенныя, такъ и не раскрашенныя, ко всѣмъ вышеназваннымъ чтеніямъ можно получить у фотогра... **Н. А. Ермолина** (зданіе Солянаго городка, Пантелеймоновская ул., № 2) отъ 50 к. д... 1 р. 50 к. за штуку. Каталогъ всѣхъ имѣющихся у фотографа картинъ можно пріобрѣтать за 30 к. Фонари и всѣ къ нимъ принадлежности можно получить въ магазинѣ **Рихтера** (Адмиралтейская площадь), и въ книжномъ магазинѣ **Фену и К°**.

